

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2013

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-15-64

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редактор *В.П. Лашенцова*

Технический редактор

В.Н. Галкина

Переводчик *Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 15.03.2013.

Формат 70x108 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.

Тираж 500 экз.

Заказ 03-13/02-1.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а

Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61

Факс (843) 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2013

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2013

- 7 **Рашид Алиевич Сюняев** (к семидесятилетию со дня рождения)

ИСТОРИЯ

- 20 **Айнутдинов Р.А.** Татарская пресса как объект изучения российской печати в начале XX века
- 26 **Альпер Альп.** Турецкая историография по истории поволжских татар XIX – начала XX веков
- 38 **Закиров Д.Г.** Муллинские татары – прадеды пермских татар
- 46 **Исхаков Р.Р.** Мифология татар-кряшен в зеркале религиозной обрядовости: аграрные культы
- 66 **Роднов М.И.** Массовые источники по истории Мензелинского уезда рубежа XIX–XX вв.

ФИЛОЛОГИЯ

- 78 **Арсланов М.Г.** Последние постановки К.Тинчурина в Татарском академическом театре
- 87 **Багаутдинов Ф.Н.** Младший брат Фатиха Амирхана
- 95 **Баширова И.Б., Мирхаев Р.М.** История татарского литературного языка: история и научно-теоретические аспекты изучения
- 104 **Булатова А.К.** Развитие значений слов в тюркских языках
- 108 **Булатова М.Р.** Синтаксические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана»
- 121 **Валиева Л.Г.** Репрезентация каузальности при помощи деепричастных форм в татарском литературном языке
- 124 **Миннуллина Ф.Х.** Образы религиозных деятелей в татарской драматургии начала XXI века (Т.Миннуллина «Мулла», Р.Зайдуллы «Любовь бессмертна»)
- 129 **Небольсина М.В.** Проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в Республике Татарстан
- 134 **Хасанова Ф.Ф.** Развитие традиций восточного жанра газели и новаторство в творчестве Ф.Тархановой

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 143 **Муртазина Р.Р.** Субъекты подготовки проекта конституции республики Российской Федерации
- 150 **Рылов К.В.** Становление и развитие института неоконченной преступной деятельности в России: исторический экскурс
- 156 **Сагирова А.А.** Коррупция как причина совершения экологических правонарушений
- 160 **Салиева Р.Н.** Государственная научная организация субъекта Российской Федерации: правовые основы создания и деятельности

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

- 169 **Хаутала Р.** Golden P.B. Central Asia in World History // The New Oxford World History Series. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2011. – 10+178 с.

- 173 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

7 **Rashid Alievich Syunyaev** (to his seventieth birthday)

HISTORY

20 **Ainutdinov R.A.** Tatar press as the object of studying the Russian press in early XX century

26 **Alper Alp** Turkish Historiography on the history of the Volga Tatars of the XIX – early XX centuries

38 **Zakirov D.G.** Mullinskiy Tatars are the forefathers of Perm Tatars

46 **Iskhakov R.R.** Mythology of Tatar Kryashens in religious rites: agrarian cults

66 **Rodnov M.I.** Mass sources on the history of Menzelinsky County in XIX–XX centuries

PHILOLOGY

78 **Arslanov M.G.** The last directions of K. Tinchurin in the Tatar Academic Theatre

87 **Bagautdinov F.N.** Fatykh Amirkhan's younger brother

95 **Bashirova I.B., Mirkhaev R.M.** History of Tatar literary language: the history and the scientific and theoretical aspects of its study

104 **Bulatova A.K.** Development of word meanings in Turkic languages

108 **Bulatova M.R.** Syntactic features of Tatar dialects in the area of «South Bashkortostan»

121 **Valieva L.G.** Representation of causality by verbal adverbs in the Tatar literary language

124 **Minnullina F.Kh.** Images of religious figures in Tatar dramaturgy at the beginning of the XX century («Mulla» by T. Minnullin and «Immortal love» by R. Zaydulla)

129 **Nebolsina M.V.** Problems and prospects of Russian literature in Tatarstan

134 **Khasanova F.F.** Development of the tradition of eastern gazel genre and innovation in the works of F. Tarkhanova

JURISPRUDENCE

- 143 **Murtazina R.R.** Subjects of drafting the constitution of the Republic of the Russian Federation
- 150 **Rylov K.V.** Formation and development of the institution of unfinished crime in Russia: historical review
- 156 **Sagirova A.A.** Corruption as a reason for committing ecological offense
- 160 **Salieva R.N.** State scientific organization of the subject of Federation: the legal basis for the creation and activities

NEW BOOKS. REVIEWS

- 169 **Khautala R.** Golden P.B. Central Asia in World History // The New Oxford World History Series. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2011. – 10+178 с.

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

173

Рашид Алиевич Сюняев

(к семидесятилетию со дня рождения)

Рашид Алиевич Сюняев – один из лидеров мировой астрофизики, с именем которого связаны фундаментальные результаты современной теоретической астрофизики и космологии, вошедшие в учебники и университетские курсы теоретической астрофизики и физической космологии во всем мире. 1 марта 2013 г. ему исполняется 70 лет.

Рашид Алиевич родился 1-го марта 1943 г. в Ташкенте в семье уроженцев Пензенской губернии – инженера-строителя Али Сюняева и фармацевта Саиды Кильдеевой. По словам Р.А.Сюняева, большую роль в формировании его мироощущений и интересов сыграло общение с отцом, который из-за происхождения и ссылки семьи не имел возможности

Рашид Сюняев с родителями. Ташкент, 1945 г.

*Трижды Герой Социалистического Труда, академик Яков Борисович Зельдович.
Москва, 1974 г.*

*Авторы стандартной теории дисковой аккреции, Николай Иванович Шакура
(ныне профессор МГУ) и Р.А.Сюняев. Москва, 1973 г.*

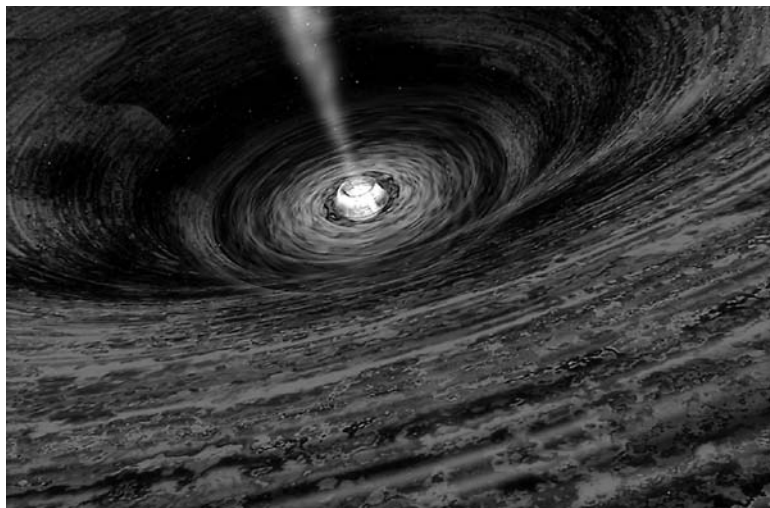
Младший научный сотрудник. Москва, 1969 г., когда всю жизнь шла работа над статьями по космологии, за которые через 40 лет стали давать международные премии

заниматься интересующим его делом, но всю жизнь посвятил самообразованию и имел широкие интересы и особое почтение к науке, любил и хорошо знал историю и литературу. После школы в Ташкенте Р.А.Сюняев с от-

личием окончил Московский физико-технический институт в 1966 г.

В 1965 г. Р.А.Сюняев стал студентом-дипломником, а затем аспирантом академика Я.Б.Зельдовича в Институте прикладной математики АН СССР. Встреча с Я.Б.Зельдовичем и почти ежедневный контакт с ним в течение последующих 22 лет сыграли колоссальную роль в судьбе Р.А.Сюняева и способствовали формированию его как ученого, работающего на стыке теории и эксперимента. Работа с ЯБ была постоянной учебой, требовавшей максимальной самоотдачи, но и приносившей радость ежедневного познания нового и неизведанного. ЯБ умел поддерживать молодых и вселять в них глубочайший интерес к науке и веру в возможности эксперимента. Нет сомнений, что студенту Р.А.Сюняеву не могло повезти больше – Учитель у него был замечательный и уникальный.

Научные интересы Р.А.Сюняева охватывают широкий круг астрофи-

Аккреция на черную дыру и релятивистский джет в представлении художника (НАСА). Захваченный черной дырой газ имеет большой угловой момент и быстро вращается вокруг нее. Турбулентная вязкость способна уносить угловой момент наружу, приводя к медленному радиальному движению газа и выделению гравитационной энергии. Эта энергия излучается поверхностью диска, превращая его в ярчайший источник излучения

Встреча Иоанна Павла II с международной группой ученых, занимающихся космическими исследованиями. Ватикан, 1987 г. В центре академик Р.З. Сагдеев, слева Р.А. Сюняев

Встреча с первым Президентом Республики Татарстан Минтимером Шариповичем Шаймиевым. Казань, 2005 г.

Церемония вручения Международной научной премии по физике им. Короля Фейсала. Эр-Рияд, 2009 г. В центре король Саудовской Аравии Абдулла

зических проблем – от физики элементарных процессов до физической космологии. Среди результатов, ставших неотъемлемой частью современной астрофизики, – «стандартная» теория дисковой аккреции на черные дыры и нейтронные звезды (Шакура и Сюняев, 1973, 1976); формула Сюняева – Титарчука (1980) для спектра излучения, формирующегося при комптонизации низкочастотных фотонов в горячей плазме; предсказание влияния акустических волн в ранней Вселенной на угловые флуктуации реликтового излучения и на пространственное распределение галактик в окружающей нас Вселенной (Сюняев и Зельдович, 1970); «эффект Сюняева–Зельдовича» (1972), позволяющий использовать скопления галактик в качестве мощного инструмента наблюдательной космологии. Студенты, изучающие астрофизику, узнают имя Р.А.Сюняева именно по этим результатам.

Теория аккреционных дисков Шакуры – Сюняева давно стала общепринятой при описании переноса вещества и энерговыделения в тесных двойных системах и при аккреции на сверхмассивные черные дыры. Эта же теория применяется и для описания протопланетных дисков. Статья Шакуры и Сюняева (1973) по теории аккреции – самая цитируемая работа в мировой теоретической астрофизике (5870 ссылок согласно NASA ADS) и одна из самых цитируемых (среди почти трех миллионов работ) статей в современной астрофизике.

Аккрецирующие нейтронные звезды и черные дыры наблюдаются как мощные рентгеновские и гамма-источники. Основным механизмом формирования спектров их рентгеновского и гамма-излучения является комптонизация. Формула Сюняева–Титарчука (1980) стала ключевой при описании результатов наблюдений этих объектов. Точность формулы была под-

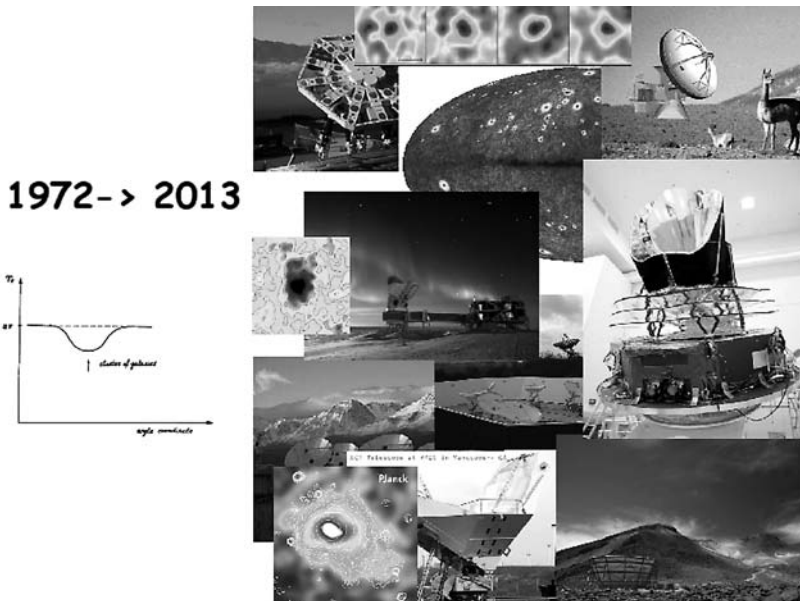
тверждена детальными расчетами, выполненными методом Монте-Карло (Поздняков, Соболев, Сюняев, 1983).

С момента опубликования работ Р.А.Сюняева и Я.Б.Зельдовича (1972), посвященных тепловому эффекту понижения яркости микроволнового фона в направлении на богатые скопления галактик, прошло уже сорок лет. За это время «эффект Сюняева – Зельдовича» из красивой теоретической идеи превратился в один из наиболее продуктивных методов наблюдательной космологии, открывающий возможность определения основных космологических параметров, в том числе определения роли «темной энергии» во Вселенной и прямого измерения постоянной Хаббла. Этот эффект обнаружен и активно исследуется в направлении нескольких тысяч скоплений галактик. Спутник «Планк» и специально созданные для исследования SZ-эффекта South Pole Telescope, Atacama Cosmology Telescope, SZ-array открыли за последние годы более тысячи неизвес-

тных ранее богатых скоплений галактик на красных смещениях $z > 0.5$, используя тот факт, что яркость и частотный спектр эффекта не зависят от красного смещения.

В 1980 г. Р.А.Сюняев и Я.Б.Зельдович показали, что наблюдения реликтового излучения в направлении скоплений галактик позволяют измерять и их пекулярные скорости движения относительно реликтового излучения (кинематический эффект). Кинематический эффект начал работать на наблюдательную космологию лишь в 2011–2012 гг. Исследование различных проявлений «эффекта» входит в наблюдательную программу крупнейших радиотелескопов мира.

Р.А.Сюняев, совместно с Я.Б.Зельдовичем и В.Г.Куртом (1968), рассчитал кинетику рекомбинации водорода в ранней Вселенной, показав, что темп этого процесса определяется двухфотонным распадом уровня $2s$ в атоме водорода. В 1970 г. Сюняев и Зельдович отметили важнейшее влияние задержки рекомби-

Наземные радиотелескопы и спутник ПЛАНК, ведущие наблюдения эффекта Сюняева–Зельдовича

Церемония вручения королем Швеции Карлом XVI Густавом (слева) Премии Крафурда и Золотых медалей Королевской академии наук Швеции Едварду Виттену, Максиму Концевичу и Рашиду Сюняеву. Стокгольм, 2008 г.

нации на формирование первичных угловых флуктуаций реликтового излучения и положение «поверхности последнего рассеяния». В 2006 г. Йенс Хлуба и Сюняев рассчитали спектр излучения, приходящего к нам от эпохи рекомбинации – это сдвинутые в тысячи раз (в радиодиапазон) УФ и оптические линии атомов и ионов водорода и гелия.

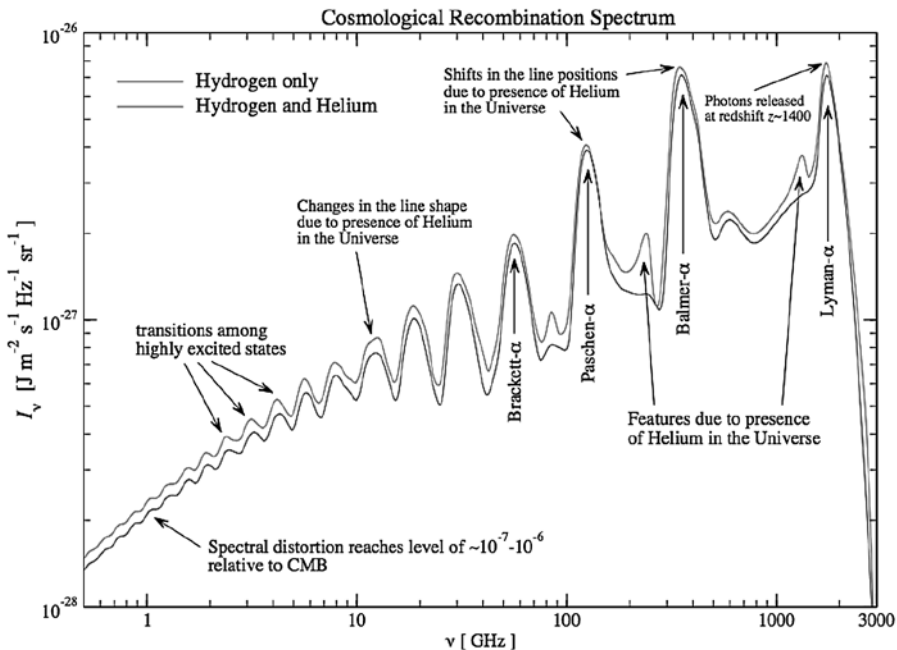
В 1969–1970 гг. Р.А.Сюняев и Я.Б.Зельдович детально исследовали термализацию реликтового излучения и процессы формирования планковского спектра в ранней Вселенной. Они показали, что любое энерговыделение после стадии электрон-позитронной аннигиляции и окончания ядерных реакций должно вести к двум типам специфических искажений спектра

реликтового излучения. Ими впервые было найдено, на каком красном смещении z находятся «поверхность последнего рассеяния» ($z \sim 1100$) и «чернотельная фотосфера» ($z \sim 2 \cdot 10^6$) нашей Вселенной.

Сюняев и Зельдович (1970) предсказали существование акустических пиков в угловом распределении реликтового излучения и назвали их Сахаровскими осцилляциями. Угловой размер и амплитуды первых акустических пиков определяются значениями ключевых параметров Вселенной: постоянной Хаббла, барионной плотности и плотности темной материи и темной энергии во Вселенной. В 2000 г. акустические пики были обнаружены в ходе наблюдений с высотных баллонов. Спутники WMAP и PLANCK детально исследовали эти пики. В той же работе было предсказано существование барионных аку-

стических осцилляций в пространственном распределении галактик во Вселенной. Сегодня наблюдения БАО стали одним из важнейших методов наблюдательной космологии.

В 1973 г. Т.М. Энеев, Н.Н.Козлов и Р.А.Сюняев выполнили пионерские численные расчеты приливного взаимодействия галактик. Р.А.Сюняев и Ю.Н.Гнедин (1974) предсказали существование циклотронных линий в рентгеновских спектрах аккрецирующих рентгеновских пульсаров. Совместно с В.М.Лютым и А.М.Черепашуком (1973, 1976) было дано объяснение оптических фотометрических эффектов, наблюдаемых в двойных рентгеновских системах Her X-1=HZ Her (рентгеновский нагрев звезды и диска) и Cyg X-1 (приливное искажение поверхности нормальной звезды). М.М.Баско и Р.А.Сюняев (1973) первыми рассмот-

Искажения в спектре реликтового излучения, связанные с рекомбинацией водорода и гелия в ранней Вселенной (Хлуба и Сюняев, 2008 г.), смещены космологическим красным смещением в радиодиапазон. Излучение водорода приведено синим цветом, суммарное излучение водорода и гелия – красным

рели эффекты взаимодействия рентгеновского излучения с поверхностью нормальной звезды в тесной двойной системе: нагрев поверхности звезды, отражение рентгеновских лучей и формирование индуцированного звездного ветра. В 1974 г. они совместно с Л.Г.Титарчуком впервые рассчитали рентгеновский спектр излучения, отраженного холодной звездной атмосферой. В 1975 г. Р.А.Сюняев совместно с А.Ф.Илларионовым продемонстрировал важность эффекта «пропеллера» в двойных системах, содержащих нейтронную звезду с сильным магнитным полем. Р.А.Сюняев с М.Л.Маркевичем и М.Н.Павлинским (1993 г.) предсказали наблюдаемое ныне мощное излучение в рентгеновской К-альфа линии железа от молекулярных облаков вблизи сверхмассивной черной дыры в ядре нашей Галактики, фронт которого распространяется с «видимой» сверхсветовой скоростью.

В 1974 г. академик Р.З.Сагдеев пригласил Я.Б.Зельдовича и Р.А.Сюняева организовать Отдел теоретической астрофизики в Институте космических исследований АН СССР (ИКИ). В 1974–1982 гг. Р.А.Сюняев возглавлял лабораторию в этом отделе, а в 1982 г. основал в ИКИ Отдел астрофизики высоких энергий. С этого момента начался напряженный этап вхождения в экспериментальную рентгеновскую и гамма-астрономию. Рашид Алиевич осуществлял научное руководство отбором и разработкой аппаратуры, выбором программы наблюдений и обработкой данных трех наиболее успешных орбитальных астрофизических обсерваторий, запущенных в СССР и России, – обсерватории РЕНТГЕН на модуле КВАНТ комплекса космической станции МИР и орбитальных обсерваторий ГРАНАТ и ИНТЕГРАЛ. Ярчайшим результатом обсерватории РЕНТГЕН стало откры-

тие жесткого рентгеновского излучения от Сверхновой 1987А в Большом Магеллановом Облаке, связанного с радиоактивным распадом ^{56}Ni и ^{56}Co , синтезированных при взрыве звезды, испусканием гамма-квантов и последующей их комптонизацией из-за эффекта отдачи в холодной разлетающейся оболочке. Радиоактивный распад ^{56}Ni , синтезированного в ходе ядерных реакций при гибели звезды, в ^{56}Co , который в свою очередь распадается в привычное нам железо-56, является основным механизмом происхождения железа во Вселенной, а значит и на нашей Земле.

Среди результатов обсерватории ГРАНАТ – детальные рентгеновские карты центральной области Галактики, широкополосные спектры аккрецирующих черных дыр и нейтронных звезд, открытие десятков новых рентгеновских источников, в том числе ярчайшего из известных Галактических микроквазаров. Продолжает успешную работу на орбите обсерватория гамма-лучей ИНТЕГРАЛ, выведенная на высокоапогейную орбиту ракетой ПРОТОН в 2002 г. Среди ее результатов – измерение спектра аннигиляционного излучения холодных позитронов в области центра нашей Галактики (более 10^{43} позитронов аннигилируют в межзвездном газе каждую секунду).

Р.А.Сюняев является научным руководителем рентгеновской орбитальной обсерватории СПЕКТР-РЕНТГЕН-ГАММА. Это крупнейший совместный проект России и Германии в области астрофизики, нацеленный на решение фундаментальных вопросов космологии – природы темной энергии и темной материи, возникновения и роста сверхмассивных черных дыр, а также поиска объектов неизвестной природы. Этот спутник в случае успешной реализации должен открыть на рентгеновском небе более 3 миллионов аккрецирующих сверх-

массивных черных дыр, проявляющих себя как ядра активных галактик, и сотни тысяч других интереснейших объектов, излучающих рентгеновские лучи (таких, например, как скопления галактик, заполненные разреженным газом с температурой в миллионы градусов). Р.А.Сюняев – Co-PI важнейшего эксперимента HFI на европейском космологическом спутнике «ПЛАНК».

Начиная с 1992 г. академик Сюняев активно сотрудничает с кафедрой астрофизики Казанского федерального университета, руководимой академиком АНТ Н.А. Сахибуллиным. При его непосредственном участии были достигнуты договоренности о завершении работ по созданию 1.5 м телескопа для КГУ в Ленинградском оптико-механическом объединении в самые тяжелые годы для промышленности в России и об установке его на горе Бакырлытепе (высота 2500 м) в 40 км от Анталы в Турции. Турецкая сторона взяла на себя строительство дороги, линии электропередачи, баш-

ни телескопа, здания Обсерватории и гостиницы для наблюдателей, транспортировку телескопа в Турцию. Российско-Турецкий полуметровый телескоп Казанского университета и Академии наук Татарстана стал таким образом первым крупным инструментом в составе Национальной обсерватории Турции. 60% его наблюдательного времени принадлежит уже более 14 лет российским ученым (45% астрономам Казани и 15% ученым ИКИ РАН).

В Академии наук Татарстана в 1990-е гг. была создана Лаборатория, а ныне Центр астрономических исследований под руководством академика АНТ Н.А. Сахибуллина и проф. И.Ф. Бикмаева. В результате Казань стала одним из ведущих центров наблюдательной астрофизики и космологии в России. Центр астрономических исследований АНТ сыграл важнейшую роль в наземной поддержке наблюдений международной орбитальной обсерватории ИНТЕГРАЛ, ведет сейчас активную работу по отождествлению

Российско-Турецкий телескоп на горе Бакырлытепе в Турции

Р.А.Сюняев расписывается в книге членов Королевского Общества. В этой книге есть подписи Исаака Ньютона, Чарльза Дарвина, Эрнеста Резерфорда, Петра Капицы и многих других ученых, с именами которых связаны фундаментальные результаты, лежащие в основе современной науки. Лондон, 2009 г.

скоплений галактик, открываемых европейским спутником ПЛАНК по эффекту Сюняева–Зельдовича, готовится подключиться к наземной поддержке Российской орбитальной обсерватории СПЕКТР-РЕНТГЕН-

Гамма. Последние 15 лет Р.А. Сюняев вместе с академиком АНТ Н.А. Сахибуллиним осуществляют научное руководство Центром астрономических исследований АНТ. Опыт, знания и международный авторитет Р.А. Сю-

няева позволили казанским астрономам войти в новые для них области исследований, такие как космология, изучение наблюдательных проявлений черных дыр, наземная поддержка космических обсерваторий. В 2011 г. группе казанских астрономов была присуждена за эти работы Госпремия Республики Татарстан по науке и технике.

Р.А.Сюняев – лауреат многих премий и наград, в том числе – премии Бруно Росси Американского астрономического общества (AAS) (1989), Золотой медали Королевского астрономического общества (1995 г.), Золотой медали сэра Мессии Королевского общества и КОСПАР (1998), Золотой медали Катерин Вольф Брюс Тихоокеанского астрономического общества (2000), премии Хайнемана Американского института физики и AAS (2003), премии Грубера по космологии и Золотой медали Международного астрономического союза (2003), премии Крафурда по астрономии и Золотой медали Королевской академии наук Швеции (2008), награды им. Рассела – высшего отличия AAS (2008), медали им. Карла Шварцшильда (высшая награда Астрономического общества Германии) (2008), Золотой медали и Международной научной премии по физике им. Короля Фейсала (2009), премии Киото и Золотой медали в категории «Фундаментальные науки» (2011), Золотой медали Бенджамина Франклина по физике (2012). В 2000 г. Р.А.Сюняев получил Государственную премию России за результаты наблюдений черных дыр и нейтронных звезд приборами орбитальной обсерватории ГРАНАТ, в 2002 г. – премию РАН имени Александра Фридмана по гравитации и космологии, в 2011 г. ему было присвоено почетное звание «Россиянин года».

В 1984 г. Р.А.Сюняев был избран членом-корреспондентом Академии

наук СССР, а в 1992 г. – действительным членом РАН. Он иностранный член Национальной академии наук США, Лондонского Королевского общества, Национальной академии наук Германии «Леопольдина» и Королевской академии наук и искусств Нидерландов; член Европейской академии наук, почетный член Академий наук Татарстана и Башкортостана и ряда других академий и научных обществ.

Р.А.Сюняев заведует Лабораторией теоретической астрофизики в ИКИ РАН, он директор Института астрофизики Общества имени Макса Планка и главный редактор журнала «Письма в Астрономический журнал», почетный профессор Казанского федерального университета, университета Людвиг-Максимилиана в Мюнхене, почетный член знаменитого Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе в Санкт-Петербурге, приглашенный профессор Института высших исследований в Принстоне.

Со свойственной ему энергией Р.А.Сюняев продолжает активно работать по широкому кругу научных проблем. Среди них – физика рекомбинации водорода и гелия во Вселенной, спектральные детали в излучении микроволнового фона Вселенной, турбулентные движения и физические процессы в горячем газе скоплений галактик, теория пограничного слоя при аккреции на нейтронные звезды, аккреция на сверхмассивные черные дыры, звездообразование в далеких галактиках, необычная физика процессов в окрестности сверхмассивной черной дыры в нашей Галактике и многое другое.

Друзья, коллеги и ученики сердечно поздравляют Рашида Алиевича с юбилеем и желают ему новых теоретических идей, успеха астрофизических проектов и замечательных наблюдательных данных.

УДК 070 (470.41)

ТАТАРСКАЯ ПРЕССА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Р.А. Айнутдинов, кандидат исторических наук

Генезис и развитие любой науки имеют свою предысторию. Для отраслей наук с длительной историей это такие древние формы человеческого сознания и познания, как алхимия, магия, натурфилософия и др. В дальнейшем новые направления и специализации общих и частных наук возникали больше в ходе дифференциации внутри самих наук и на их стыке. Многие научные дисциплины, особенно гуманитарные, имеют уникальную генеалогию, не вписывающуюся в общие рамки.

Возникшая в годы Революции 1905–1907 гг., татарская пресса сразу стала активным субъектом политической жизни и татарского общества и, в силу дисперсного расселения татар, общественной жизни России в целом. При рассмотрении истории научного изучения татарской прессы прослеживается прямая связь между возникновением темы истории татарской журналистики и прикладными задачами такого своеобразного государственного института, каким являлась политическая цензура периодической печати царской России.

Одним из основных историографических подтверждений этой тенденции является выпущенный в 1911 г. Главным управлением по делам печати при МВД России в С.-Петербурге труд «Мусульманская печать в 1910 году». Данная работа представляет собой обобщенное представление центрального цензурного органа

Российской империи о характере и тенденциях развития татарской периодической печати в начале XX в. Брошюра вышла под редакцией Владимира Александровича Гольмстрема, по некоторым данным, внебрачного сына В.К. Плеве (1846–1904) – министра МВД России в 1902–1904 гг. Гольмстрем был известным публицистом, публиковавшимся в «С.-Петербургских новостях», работал редактором «Дальневосточных новостей». Он сделал неплохую карьеру в МВД, к 1913 г. став заведующим иностранным отделом Главного управления по делам печати, действительным статским советником. Появление такой работы было напрямую связано с решениями Особого совещания по выработке мер противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Поволжском крае (С.-Петербург, 1910), которое было созвано по инициативе П.А. Столыпина ввиду обвинений татар в «панисламизме» со стороны православного духовенства Казани¹. По словам авторов проекта Особого совещания 1910 г.: «...Мусульманская печать проповедует сближение всех единоверцев с Турцией, агитирует за автономную национальную школу, требует удаления из мусульманских школ русского языка и т.д. ... В связи с этим мусульманскими руководителями татар открыто намечается строго последовательная программа религиозного и культурного объединения всего мусульманского населе-

ния России на автономных началах, под главою высшего духовного лица, совершенно независимого от правительства в управлении делами веры и школы»². Выработанные меры были направлены на всяческие ограничения в отношении татар-мусульман и вели к конфронтационной модели этноконфессиональных взаимоотношений в крае. На совещании была отмечена настоятельная необходимость изучения татарской прессы, а также изменений в национальном общественном мнении под ее воздействием.

Эту работу на должном уровне могли осуществить лишь представители Управления по делам печати, которые вели постоянный мониторинг содержания татарской печати, в т.ч. периодической. К тому же они, будучи государственными служащими, могли изложить материал в полном соответствии с правительственными установками и учетом общеполитической конъюнктуры.

Книга состоит из трех основных разделов: 1. Современные тенденции в татарской печати; 2. Общие сведения о татарской периодической печати; 3. Произведения неповременной мусульманской печати в 1910 г. Особый интерес представляет 2-я глава, в которой проанализировано содержание татарских газет «Тарджеман» (Бахчисарай), «Вақыт» (Оренбург), «Юлдуз» (Казань), «Баянелхак» (Казань). В параграфе «Еженедельные мусульманские издания» этой главы рассмотрены такие издания, как «Бурхане таракки» (Астрахань), «Иктисад» (Самара), «Казан мухбире», «Шура» (Оренбург), «Дин ва мағишат» (Оренбург), а в параграфе «Мусульманские издания на Кавказе» – «Гюнеш», «Сада», «Ени феюзат», «Наджат» (все – Баку).

С первых строк вводной части «Национальное движение и панисламизм» первого раздела анонимные

авторы сразу же обозначили оценки, к которым априори должен был прийти читатель к концу чтения работы: «Главной особенностью произведений печати на татарском языке как прогрессивного, так и открытого оппозиционного направлений является их сильно выраженный националистический характер». Затем следует не менее жесткий тезис о том, что настоящие масштаб и глубина отчужденности мусульман от России не видны из-за невозможности «явной пропаганды противогосударственных идей» в условиях после поражения Революции 1905–1907 гг. По словам авторов, политически активная часть татарской интеллигенции внешне как бы отказалась «от своих широких планов достижения национальной автономии», но не проявляет и верноподданнических настроений и практических шагов к сближению с властями. Один из главных выводов деятелей цензурных органов из анализа хода развития татарского национального движения, выраженного в т.ч. в прессе, выглядит вполне обоснованным – это концентрация усилий передовой части татар на «внутренней работе» по постепенному культурному развитию этноса, воспитанию национального «духа, приобщению к прогрессу. Однако и эта программа была истолкована лишь в имперском духе как подготовка к новому этапу противостояния с российской государственностью. Татарская печать, камуфлирующая «внутреннюю работу» как исключительно культуртрегерскую, по мысли цензоров, скрывает истинные задачи национального движения. А на самом деле его руководящими принципами являются идеи турецких панисламистов, которые были озвучены еще в 1906 г. на 3-м Всероссийском съезде мусульман.

Доказательствами связи «внутренней работы» и панисламистских

устремлений явились цитаты из изданной Габдерашитом Ибрагимовым книги турецкого автора Арифбека «Толкование 1001 честного предания» (СПб., 1907), которая представляла собой комментированный сборник изречений пророка Мухаммеда. Высказанные в ней вне всякой связи с Россией и российскими мусульманами мысли о неотделимости ислама и национальной идеологии, в трактовке авторов «Мусульманской печати...» являются свидетельством тенденциозной политической направленности всех российских мусульман, которые, следовательно, – враги российского государства, христианского в своей основе.

Работа «Мусульманская печать...» стала широко известна современному читателю благодаря ее переизданию в 1987 г. Обществом изучения Средней Азии в Оксфорде (Великобритания, руководитель – Э. Уимбуш). Издатель-редактор русского журнала «Синтаксис» (Париж) М. Розанова, жена писателя-эмигранта А. Синявского, вспоминала, что в типографии своего издательства она по заказу А.Беннигсена печатала серию книг, в которую вошла и работа «Мусульманская печать...». Помимо нее в 1985–1987 гг. были изданы такие работы, как «Программные документы мусульманских политических партий», «Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции», «Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.)» Дж. Валиди; «Идель-Урал» Г. Исхаки и др. Непосредственным заказчиком изданий выступал А. Беннигсен, о котором Розанова вспоминает таким образом: «Беннигсен, который был научным руководителем серии, мне поведал, что в основе этого издательского проекта лежала его докладная записка в ЦРУ, где он докладывал (и убедил!), что справиться с

советской властью и российским коммунизмом можно только мусульманскими руками и как поэтому важно напоминать мусульманским народам про наши русские порабощения, и как они с нами, русскими, всегда сражались за свою юго-восточную свободу». Этот издательский проект был частью плана дестабилизации Советского Союза путем провоцирования исламского недовольства на Кавказе и в Средней Азии. Таким образом, можно сказать, что переиздание обзора татарской прессы 1910 г. оказалось востребованным в ходе холодной войны именно в качестве образца нетолерантного подхода в период прохладных этноконфессиональных взаимоотношений в России начала XX в.

Следующим шагом по пути осуществления мер в области печати, намеченных Особым совещанием 1910 г., стало создание журнала «Мир ислама» – первого российского исламоведческого издания. Возник он как орган Императорского общества востоковедения и издавался в 1912–1913 гг. в Петербурге (всего вышло 16 номеров). Поскольку основан журнал по инициативе МВД России, его содержание должно было быть подчинено освещению жизни мусульман с целью контроля национальных движений мусульманских народов внутри страны, а также для выявления влияния на них зарубежных единоверцев. Редактором был назначен известный ориенталист В.В. Бартольд, в редколлегию входили видные ученые И.Б. Крачковский, А.Н. Самойлович, А.Ф. Хацаб, А.Э. Шмидт. В журнале активно публиковались также востоковеды В.А. Гордлевский, Н.Н. Мартинович, А.А. Семенов, А.Г. Туманский и др. Игнорируя интересы правительственных кругов, Бартольд изданием журнала преследовал свою цель – поднять на европейский уровень российское исламоведение. По-

этому он отбирал для него материалы академического характера, часто далекие от проблем российских мусульман. Так, были опубликованы статьи «Очерки ислама как религии» Шмидта, «Из научной деятельности словесного факультета в Алжире» Смогоржевского, «Экономическое положение современной Персии и ее торговля с прочими странами» Хашаба, «Халиф и султан» Бартольда, отчет о 16-м международном конгрессе ориенталистов в Афинах. Редакция журнала размещала на своих страницах рецензии на работы европейских исламоведов; в частности, был опубликован отзыв на статью венгерского ученого Г.Вамбери «Культурное движение среди русских татар» (1912, № 2), который одобрительно отзывался о культурном пробуждении среди татар в начале XX в. В 1912 г. редакция опубликовала обзоры исламоведческих журналов: немецкого «Der Islam», английского «The Moslem World», французского «Revue du Monde Musulman». Сугубо научный и нейтрально-толерантный характер журнала не устроил руководство МВД. Департаментом духовных дел в течение всего 1912 г. составлялись планы реорганизации редакции журнала и его направленности⁴. В 1913 г. из преподавателей Практической восточной академии (Петербург) была сформирована новая редакция во главе с востоковедом Д.М.Позднеевым. Основное внимание теперь стало уделяться общественно-политическим процессам в мусульманском мире и определяющим их главным течениям и персонам. Так, в статьях «К вопросу о панисламизме», «Панисламизм и пантюркизм», «Пантюркизм в России», «Два течения» лидерами либерального крыла татарского национально-религиозного движения назывались Ш.Марджани, Г.Баруди, З.Камали, Р.Ибрагимов, М.Бигиев,

а консервативного – редакция газеты «Дин ва магишат». В материалах журнала излагались особенности взглядов на пантюркизм Дж.Валиди, Ю.Акчуры, Г.Ибрагимова; главными идеологами реформаторского движения в исламе среди татар признавались М. Бигиев, Р. Фахретдин, Г. Ибрагимов, З. Кадыри, З. Камали. В разделе «Мусульманская периодическая печать» печатались обзоры прессы России, Турции, Египта. Основное внимание уделялось татарским периодическим изданиям («Ак юл», «Баянелъхак», «Вақыт», «Дин ва магишат», «Идель», «Кояш», «Мектеб», «Нур», «Сибирия», «Хокук ва хаят», «Шура», «Юлдуз»), материалы которых были главным источником изучения жизни российских мусульман. Редакция проанализировала реакцию татарской прессы на известие о созыве МВД России совещания по вопросам реорганизации мусульманских духовных учреждений. Из номера в номер печаталась серия статей «Школьный вопрос в русском мусульманстве» с обзором положения в мусульманских учебных заведениях России. На основе материалов татарской прессы в журнале отмечены тенденции к изменению положения женщин в мусульманском обществе, стремление их к равноправию, образованию и свободе. Центральное место в зарубежной тематике занимала Турция в связи с обострением балканского вопроса и ростом ее влияния на российских мусульман. В 1913 г. под рубрикой «Мусульманская книжная летопись» в журнале печатались извлечения из «Книжной летописи», издаваемой Главным управлением по делам печати, с информацией о новых изданиях на арабском, аварском, казахском, кумыкском, киргизском, татарском и др. языках.

Особый интерес среди материалов журнала представляют обширные об-

зоры наиболее авторитетных татарских газет и журналов, выходявших в 1912–1913 гг. – «Вақыт», «Шура», «Дин ва магишат», «Баянелъхак»⁵, которые начали печататься с первых же номеров. Их автором был известный тюрколог А.Н.Самойлович, преподаватель Петербургского университета, который в отличие от авторов «Мусульманской печати...» продемонстрировал достоинства непредвзятого анализа мусульманской прессы, который позволял всесторонне охватить имеющийся в периодике материал, не превращая при этом обзор в жанр «объективного доноса».

Своеобразие обзоров Самойловича состояло во внимании к языковым особенностям мусульманской прессы. Весьма показательным явилось дипломатичное предложение востоковеда разделить понятия национальное и религиозное через введение для обозначения термина «нация» слова «кау́м» (от «кау́миет»), в отличие от «миллет», которое, по его мнению, более употребимо в значении «религиозная община»: «Отождествляя понятия национальные с религиозными, мусульманские авторы волей-неволей принуждены игнорировать своих соплеменников – не мусульман, с одной стороны, а с другой – объединять в одну нацию разноплеменные народы единственно по признаку религии»⁶.

Издание журнала было остановлено как из-за нехватки финансирования, так и вследствие явной неудовлетворенности правительственными чиновниками его содержанием. На примере журнала «Мир ислама» мы рельефно можем видеть борьбу двух основных подходов к проблеме изучения мусульманского мира и его взаимоотношений внутри российского общества, в т.ч. межконфессионального: охранительного, политически ангажированного, направленного на выявление потенциально враждеб-

ных намерений и тенденций, с одной стороны, и с другой, – научно-культурологического, когда межконфессиональные отношения рассматриваются в контексте всестороннего объективного изучения.

Силовой антимусульманский идеологический прессинг периода Особого совещания 1910 г., возведенный в ранг государственной политики, не был длительным, а после смерти Столыпина постепенно вернулся на прежний уровень полицейского надзора и преследований. В его разворачивании были заинтересованы в основном идеологи-миссионеры и структуры Министерства внутренних дел, в высших кругах России достаточно быстро созрело понимание опасности обострения православно-исламских взаимоотношений и сведения именно к ним всего комплекса созревших этноконфессиональных проблем⁷. В ходе активных политических дискуссий и обсуждений в прессе, как русской, так и татарской, и в татарском обществе созрело понимание того, что, помимо политической и конфессиональной лояльности, необходима и публичная демонстрация позитивного отношения к русской государственности. Это мы видим по публикациям татарской прессы в ходе общегосударственных юбилейных торжеств в 1912 г. (100-летие Отечественной войны 1812 г.) и в 1913 г. (300-летие Дома Романовых). Об этом же говорят выражение патриотических чувств в период 1-й Мировой войны и реальные действия татар-мусульман в поддержку единства российского общества в годы общих испытаний. Обсуждение и анализ в российской печати проблематики татарской прессы позволяли обществу дифференцировать собственно конфессиональные вопросы от общеполитических и этнических проблем, а внутри собственно религиозных – различать проблемы мусуль-

манских догматики, публицистики, образования, культуры и т.д., а также выявить круг лиц и организаций, способных вести диалог на насущные проблемы и создавать понимание необходимости благоприятного фона для решения конфликтных ситуаций. Обзоры печати в российской прессе, как столичной, так и местной, стали отправной точкой в научном изуче-

нии истории татарской периодики. К собственным выводам о характере и тенденциях эволюции прессы татарские публицисты пришли в ходе празднования 10-летнего юбилея татарской печати в 1916 г., когда были опубликованы десятки статей с подведением первых итогов в ее истории, что стало следующим этапом в историографии вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Особое совещание по Приволжскому краю: противодействие империи: Документы и комментарии // Татарстан. 1992. № 9–10.

² Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. Казань, 2011.

³ Мир ислама. 1912. № 2.

⁴ Хайрутдинов Р.Р. «Мир ислама»: Из истории создания журнала // Мир ислама (Казань). 1999. № 1/2

⁵ Мир ислама. 1912. № 2. С. 257–287; № 3. С. 463–492; № 4. С. 611–644.

⁶ Мир ислама. 1912. № 4. С. 615.

⁷ Воробьева Е. Политика России среди мусульман. СПб., 1999.

Аннотация

Статья посвящена обзорам татарской периодической печати, опубликованным в российской прессе начала XX в. По материалам этих публикаций прослежена направленность российских цензурных и научных кругов в оценках как татарской журналистики 1905–1914 гг., так и в целом основных тенденций и течений татарского общественно-политического движения.

Ключевые слова: татарская периодическая печать, мусульманская печать, научное изучение прессы, журнал «Мир ислама», Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел России, Общество изучения Средней Азии (Оксфорд), панисламизм, востоковедение, исламоведение.

Summary

The article is devoted to Tatar periodicals published in the Russian press in early XX century. According to the materials of these publications the direction of Russian censorship and scientific communities are studied in the estimates of both Tatar journalism of 1905-1914 and the main trends and currents of the Tatar political movement.

Keywords: Tatar periodicals, the Muslim press, the scientific study of the press, the magazine «World of Islam», the General Administration of Press at the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Society of the Study of Central Asia (Oxford), Pan-Islamism, Orientalism, Islam study.

УДК 930 (091)

ТУРЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ*

*Альпер Альп, Турция, Университет Гази,
кафедра истории литературного факультета*

Первым, кто познакомил турецкую общественность с казанскими татарами посредством своих публикаций, был Шемседдин Сами. В своей книге «Камусуль-Алам» (Kamusu'l-Alam) он представил краткую, ознакомительную информацию о казанских татарах. Так, например, в книге говорится, что «татары, состоящие из крымских, казанских, ногайских и других татар, имеют принадлежность к Российскому государству» (Sami, 1891, s.1605). «На их языке печатается множество книг в Казани. Некоторые молодые люди в изучении тевхида постепенно переходят с этого языка на османский. Как отмечают все географы и путешественники, они очень спокойны, трудолюбивы, в прекрасной степени талантливы и способны к модернизации», – такое определение дает Сами о качествах, которыми обладали казанские татары того периода, одновременно выражая к ним свою симпатию (Sami, 1891, s.1605). В книге представлена важная информация о Казани того времени. Говоря о географическом положении Казани, о населении, университетах и других учебных заведениях, о промышленности и производстве, Сами таким образом представляет город вниманию турецкой общественности: «Казань – достопочтенный для мусульман востока древний город, в котором сосредото-

чены различные медресе и мектебе, 46 комплексов, 12 мечетей, типография, издающая книги на тюркском языке, используя специальный арабский шрифт» (Sami, 1899, s.3656). Говоря об истории Казани, он дает следующую справку: «Казань была центром одного из пяти ханств, которые образовались после разделения государства Дешт-и Кыпчак. После длительной борьбы с русскими казанские татары в 1552 году перешли под управление Русского Ханства. Некоторое время город оставался полностью татарским и мусульманским, однако к концу 16-го века, по указу императора, мусульмане были выселены из города, а их мечети разрушены. Мусульмане образовали отдельную махаллу на северо-западе озера Кабан» (Sami, 1899, s.3656). Также он отмечает, что Казань населяли русские, татары, чуваша, черемисы и другие народы, из них около 500000 татар были мусульманами, другие народы были идолопоклонниками и среди них русские распространяли христианство (Sami, 1899, s.3657). Эта общеизвестная информация о татарах, переданная Шемседдином Сами для Турции XIX века, была относительно новой.

Стоит отметить, что интерес к казанским татарам в Турции возрос к началу XX века. Отражение данного интереса в турецкой прессе мож-

* Перевод с турецкого языка Булата Ногманова.

но увидеть в газетах под заголовком «Alem-i İslam» (Исламский мир). Известно, что о российских мусульманах в общем, и о казанских татарах в частности, под таким заголовком писали такие газеты, как «Sabah», «İkdam», «Tercüman-ı Hakikat». С 1911 г., когда начал издаваться *Türk Yurdu*, увеличилось количество информации о казанских татарах.

Вначале труды, касающиеся ближайшей истории казанских татар, велись в Турции историками с татарскими корнями. Первым таким изданием служит книга Абдуллаха Баттал Таймаса «Казанские турки». Таймас подготовил свое произведение в 1922–1923 гг., когда жил в столице Финляндии Хельсинки, в своей работе он также использовал и местный материал. Первое издание книги вышло в свет в конце 1925 г. в арабской графике, которая в ту пору все еще использовалась в Турции (Таумас, 1966, s.13). Издание в латинской графике увидело свет лишь в 1966 г., уже после смерти автора.

В книге описана история казанских татар с начального периода и до образования Советского Союза. Также здесь кратко рассмотрены периоды Булгар и Казанского ханства и приведены политические, правовые и социальные изменения, которые произошли после перехода Приволжского региона под управление России (Таумас, 1966, s.18–52). Автор приводит примеры миссионерской деятельности в регионе, а также подробно рассматривает примеры восстаний, которые имели место в период распространения российской властной системы в этом регионе (Таумас, 1966, s.53–93). Время царствования Екатерины II Таймас оценивает как время, когда отношения между империей, исламом и мусульманами начали налаживаться, возможно, это указывает на желание империи мирного расширения своего влияния на территорию

казахских степей и Среднюю Азию (Таумас, 1966, s.96–97). Таймас считает, что начало XIX века явилось началом экономического и мыслительного прорыва среди казанских татар, он пишет о деятельности татар в сфере промышленности и торговли, а также называет их центрами культурного развития, описывает появление в Казани типографии, печатающей книги на арабском шрифте, а также говорит о педагогических и научных трудах Хальфиных (Таумас, 1966, s.117–120). Он говорит о Каюме Насыири и о Шигабутдине Марджани как о лидерах нового времени. Ввиду того, что Насыири, изучив русский язык, контактировал с русскоязычной научной средой, был автором различных произведений и на татарском языке, автор считает, что казанские татары занимали важное место в пореформенный период (Таумас, 1966, s.122–128). Таймас отмечает, что произведения Марджани в религиозной сфере способствовали исправлению многих ошибочных суждений, а его работы в сфере истории, особенно «Мустефидил Ахбар» («Müstefidil Ahbar»), являются исключительным произведением татарского реформизма с точки зрения научной подачи истории казанских татар (Таумас, 1966, s.130–131). Автор рассматривает и литературу, которая развивается наряду с джадидизмом и знакомит турецких читателей с такими личностями, служившими татарской литературе, как Муса Акъегетзаде, Захир Баги, Садри Максуди, Гаяз Исхаки, Ризаддин Фахретдин, Галиаскар Камал, Фатыйх Амирхан, Габдулла Тукай, Закир Рамиев (Таумас, 1966, s.133–145). Таймас определяет движение джадидизма как дело просвещения и культуры российских турков, он отмечает тот факт, что джадидисты без поддержки государства, в противостоянии с кадимистами, не теряя своей уверенности, сделали значительные шаги в деле

модернизации татарских институтов и систем (Таумас, 1966, s.163–164). В качестве примера флагманов образовательных учреждений, которые работали на этой стезе, он приводит медресе Махаммадия, Хусаиния, Османья, Галлия и Буби. Таймас также перечисляет татарских меценатов, которые способствовали сохранению этих медресе: «Хусаиновы, Явушогуллары, Хаджи Мухамеджановы, Ниметуллах Карамисовы – все эти имена достойны глубокого уважения, благодарности и памяти» (Таумас, 1966, s.166).

Развитие татарской прессы хоть и кратко, но нашло отражение в произведении Таймаса. Первой газетой, в которой начали печататься татарские писатели, была газета «Шаркы Рус» («Şarkî Rus»). Первым конкретным примером периодического издания до 1905 г. послужил трактат Абдурреши-та Ибрагима «Мират» (Mirat). Таймас дал краткую справку о таких газетах, как «Нур» («Nur»), «Казан Мохбире» («Kazan Muhbiri»), «Ульфет» («Ülfet»), «Кояш» («Koyaş»), «Тормыш» («Turmuş»), «Дума» («Duma»), «Вақыт» («Vakit»), «Тан йолдызы» («Tan Yıldızı»), «Урал» («Ural»), и лишь перечислил названия таких газет, как «Йолдыз» («Yıldız»), «Азат» («Azad»), «Азат Халык» («Azad Halk»), «Ахбар» («Ahbar») (Таумас, 1966, s.167–173). Политическую деятельность казанских татар Таймас рассмотрел в контексте создания Союза мусульман России. Говоря о работе Думы, он ограничился лишь перечислением количества депутатов от мусульманской фракции (Таумас, 1966, s.176–180).

Говоря о политических стараниях казанских татар в новой политической ситуации, сложившейся после Февральской революции 1917 г., Таймас проводит определенные параллели с революцией 1905 г. И там и там он отмечает невозможность создания

политической партии как один из основных недостатков, а также говорит, что, вследствие превалирования региональных проблем, мусульмане России не смогли двигаться единым крылом. Одним из основных достижений казанских татар в этот период Таймас называет создание Национального Собрания с центром в Уфе. Он описывает процесс прекращения Национальной власти после того, как большевики взяли ситуацию под свой контроль (Таумас, 1966, s.187–198).

У Таймаса есть и другие произведения, касающиеся этого периода истории татар, в основном это биографические произведения. В серии произведений, вышедших под названием «Знаменитые казанские тюрки» («Kazanlı Türk Meşhurlarından»), Таймас впервые в Турции дал наиболее полную информацию о таких джадидистах и просветителях, как Ризаддин Фахреддин, Галимжан Баруди, Ахмед Хади, Садри Максуди и Муса Джаруллах.

О Ризаддине Фахреддине он говорит следующие слова: «Начало 20-го века – это эпоха национального пробуждения казанских тюрков. Если же Марджани и Насыри – это два великих человека науки, мысли и литературы, то Ризаддин Фахреддин, без сомнения, третий» (Таумас, 1958, s.8). Он решил написать о нем по причине того, что до сих пор не было выпущено ни одной монографии о нем. Книга о Ризаддине Фахреддине очень мала по объему. Причиной этому, как отмечает Таймас, явилось то, что в период написания книги практически не было возможности масштабного исследования и сбора материала (Таумас, 1958, s.8–9). Несмотря на то, что Ризаддин Фахреддин был выпускником деревенского медресе, он стремился к науке и самосовершенствованию и в этом стремлении к расширению своих знаний, как отмечает Таймас, Фахреддин в качестве источников ис-

пользовал египетские и стамбульские издания (Таумас, 1958, s.10–14). Периоды отражения его интеллектуального потенциала он разделил на два: уфимский и оренбургский. Таймас полагает, что уфимский период был своеобразным периодом подготовки и сбора материалов для будущих произведений, и такие произведения, как «Танзимат» (Tanzimat), «Мюталаа» (Mütalaa) и «Мешхур Хатунлар» (Meşhur Hatunlar), были своеобразными плодами этого периода (Таумас, 1958, s.12–18). Оренбургский период примечателен тем, что произведения Ризаддина Фахреддина становятся более зрелыми и начинается плодотворная издательская жизнь (Таумас, 1958, s.19). В свое произведение Таймас включил описание некоторых произведений Фахреддина и отрывки из его биографии. В произведении о Галимжане Баруди приведено описание его деятельности как на джадидистском поприще, так и на переходе к модернистской системе образования.

Другой важной биографической работой Таймаса является «Муса Джаруллах Биги» («Musa Carullah Bigi»). Когда была готова черновая версия этой работы, он показал ее Мусе Джаруллаху во время его визита в Анкару и записал некоторые сведения (Таумас, 1958 b, s.51). В введении к этому произведению Таймас дает справку о семье Джаруллаха и о его брате Махаммад Захире Биги (Таумас, 1958 b, s.5–8). Он говорит, что Джаруллах в 1904 г., после окончания своего обучения в области религиозных наук, которое охватило Казань, Каир, Мекку и Медину, возвращается в Россию. Таймас рассматривает развитие мысли Джаруллаха в трех периодах. Первый – это период после возвращения в Россию в 1904 г. и до большевистской революции 1917 г., второй – это период, когда после революции он был вынужден бежать, этот продлился до 1930 г.,

третий – период иммиграции, продлившийся 19 лет. После революции 1905 г. Джаруллах, начавший печататься в газете «Ульфет» («Ülfet»), постепенно оживляет издательскую деятельность и становится автором множества произведений (Таумас, 1958b, s.5–8). Некоторые произведения Джаруллаха получили множество отголосков. Одним из таких произведений было «Рахмет-и Илахийе Бухранлары» («Rahmet-i İlahiye Buhranları»). В этой связи Таймас очень остро критикует Джаруллаха, говоря: «Нахожу весьма странным, что вместо того, чтобы, будучи просветленными людьми, мусульмане взяли часть тех благ, которых достигли другие племена, наш ученый старается разделить блага, которые будут получены после смерти с другими не мусульманскими племенами» (Таумас, 1958b, s.16). Таймас приветствует тот факт, что Джаруллах уехал из страны сразу же после образования Советского Союза, связывая это с тем, что так он сможет принести больше пользы для своего народа. В этот период он принял участие в Уфимском курултае алимов (1920) и в Исламском курултае в Мекке. Однако, вследствие ареста из-за книги «Исламский алфавит» и ужесточения давления на него, в 1930 г. он уехал из Советского Союза (Таумас, 1958 b, s.25–29). Он покинул Россию, уехав в Восточный Туркестан, позже через Афганистан и Индию он попал в Египет. В 1933 г. побывал в Берлине и там опубликовал следующие произведения: «Йеджудж», «Женщина в лучах покоя аятов Корана», «Забытые страницы истории (Самоубийство или убийство Султана Абдулазиза)». 1935–1937 гг. провел в Иране, Ираке и Египте; в 1938 г. совершил длительное путешествие по Дальнему Востоку, посетил Японию и Китай, однако после начала Второй мировой войны вернулся в Индию. Был арестован

англичанами и полтора года провел в тюрьме. Наконец, снова вернулся в Египет и 13 ноября 1949 г. скончался (Таумас, 1958 б, s.30–33). Таймас, давший все эти сведения о Мусе Джаруллахе, оценивал его как единомышленника.

Другой важный труд, который Таймас представил вниманию турецких читателей, – это книга под названием «Два Максуди» («İki Maksudiler»), о братьях Ахмеде Хади и Садри Максуди. В своей книге Таймас уделил больше внимания персоне Садри Максуди. Периоду его обучения в медресе, в русской школе, высшему образованию в Париже. Кратко рассказал о его деятельности в Думе, говоря о его работах и его речах, автор приходит к выводу, что Садри Максуди был одним из самых почитаемых мусульманских депутатов в Третьей Думе. Он привлекал внимание своими речами касательно размещения русских иммигрантов в Средней Азии, о том, что правительство не выделяет средств для мектебов и медресе в образовательном бюджете (Таумас, 1959, s.20–26). Автор кратко рассказал о деятельности Садри Максуди как политика в Туркестанском Комитете и в Тюрко-татарском национальном парламенте, а также о его работе в Финляндии, Париже и Берлине (Таумас, 1959, s.27–45). Таймас также передает нам сведения о турецком периоде его жизни, когда он работал преподавателем на юридическом факультете Анкарского университета, о его работе депутатом трех созывов в Национальном парламенте Турции и о его работах над воспоминаниями, которыми он занимался в последние годы жизни (Таумас, 1959, s.46–55).

Говоря о произведениях Ахмеда Хади, Таймас считал его одним из лидеров движения «усул-и джадид». Таймас отмечает, что по его учебникам «Муаллим-и Эввел» («Muallim-i Evvel») и «Муаллим-и Сани»

(«Muallim'i Sani») ведется преподавание практически во всех джадидистских школах, а его книги «Сарф-ы Турки» («Sarf-ı Türki») и «Нахв-ы Турки» («Nahv-ı Türki»), о которых Джемаледдин Валиди выразился в таких словах: «Эти книги действительно написаны с целью исследования нашего языка», представлены вниманию читателей (Таумас, 1959, s.58–59). Заслуженно поддерживая Ахмеда Хади в этих начинаниях, Таймас, возможно из-за личных переживаний, ограничился лишь критикой газеты «Йолдыз» («Yıldız»). Этой газете, которая была одной из долгожительниц среди татарских газет и которая имела очень большую аудиторию читателей, не было воздано по заслугам. Сведения, которые он давал о газете, были в крайней степени ограниченными.

О событиях, которые произошли после революции 1917 г., Таймас рассказал в своем двухтомнике «Воспоминания о русской революции» («Rus İhtilalinden Hatıralar») и «Я искал лишь свет» («Ben Bir Işık Arıyordum»), в который вошел и его личный опыт. Во всех этих произведениях Таймас сосредоточил основную информацию об историческом процессе, известных личностях, касающихся казанских татар. С этой точки зрения его работы весьма значительны.

Другим, ставшим благодаря своим работам по изучению истории казанских татар наиболее известным человеком в Турции, является Акдес Нимет Курат. По происхождению – казанский татарин. Курат наиболее широко описал историю казанских татар в двух своих статьях, опубликованных в журнале «DTCF». Первая его статья вышла под заголовком «Волго-Уральский регион под русским господством» («Rus Hakimiyeti Altında İdil-Ural Bölgesi»). Охватывает период с начала и до конца XVIII века. В другой своей статье «Период цивилизационного пробуждения ка-

занских тюрок» («Kazan Türkleri'nin Medenî Uyanış Devresi»), которая по объему соответствует книге, описаны условия, которые подготовили почву для татарской модернизации, а также исследованы вклады в эту сферу религиозных ученых, богатых татар и различных просветителей, которые учились в русских и европейских высших учебных заведениях.

Говоря о Габдрахиме Утыз Имяни, он отмечает его призыв к народу о том, что надо заниматься практическими жизненными проблемами вместо ненужных религиозных проблем, а также отмечает его реформаторские качества, говоря о его поддержке татар в изучении русского языка (Kurat, 1969, s.100). Тот, о ком не упоминал Таймас, а Курат представил вниманию читателей, был Абдунасыр Курсави. Курат представляет его как второго очень важного представителя движения пробуждения среди казанских татар. Автор говорит о том, что идея Курсави: «Каждый исламский ученый имеет право в меру своего понимания толковать, объяснять Коран и хадисы и искать истину и в меру полученных результатов действовать» была направлена против схоластического мышления, которое преобладало не только в Бухаре, но и в Казани (Kurat, 1969, s.101–102). Среди других лидеров движения пробуждения Курат, как и Таймас, называет Марджани и Насыри. Он также отмечает, что Хусаин Фаизханов, с его работами в сфере истории и языка, был одним из важных лиц реформистского движения (Kurat, 1969, s.103–111). Говоря об Исмаиле Гаспринском и «усул-и джадиде», Курат подчеркивает, что огромную роль в распространении этой системы среди казанских татар сыграли богатые люди Казани. Среди них, кроме тех, что перечислил Таймас, он называет Рамиевых, Акчуриных и Загидуллу Сафиуллина (Kurat, 1969, s.112–114).

В качестве джадидов-просветителей и хазратов он считает необходимым перечислить Рашид кадыйа и Риза кадыйа, Гильмана Ахунда, Галимджана Баруди, Хайруллаха Османи, Хади Максуди, Гаяза Исхаки, Шакирджана Тахири и Зейнуллаха Хазрети (Kurat, 1969, s.114). Он считает, что все пожелания и усилия, прилагаемые для обновлений, были почерпнуты из культурного опыта и под влиянием идейного движения России, Турции и Египта. В своей статье он посчитал нужным подробнее рассказать о Мусе Акъегетзаде, Захире Биги, Абдурешите Ибрагиме, Ризаддине Фахреддине. Он дал справку об Акъегетзаде как об авторе, который написал первый роман среди казанских татар под названием «Хисаметдин Мулла» («Hüsamettin Molla»). Это произведение знаменито тем, что рассматривает общественные проблемы и новые мысли. Впоследствии было написано множество рассказов и романов, похожих на этот. Он подчеркнул, что у Абдурешит Ибрагима были близкие связи с такими знаменитыми османскими просветителями, как Намык Кемаль, Ахмет Вефик, Муалли Наджи, Али Суафи и Ахмет Митхат. Описывая его очень подвижную жизнь, Курат подчеркнул, что Абдурешит Ибрагим своей книгой «Чулпан йолдызы» («Çolpan Yıldızı»), которая имела политическое содержание, и серией «Мират» («Mirat») получил широкую известность среди мусульман России (Kurat, 1969, s.122–128).

Одной из важных сторон статьи Курата является то, что там широко описана политическая деятельность мусульман России в начале XX века. Кратко описаны политические и социальные условия России в процессе, ведущем к революции 1905 г. Впервые были даны подробные сведения о начале сбора, перехода к деятельности и о процессе образования конгресса мусульман России в начале 1905 г.

(Kurāt, 1969, s.129–133). В своей статье Курат подробно рассказывает о работе и о принятых решениях конгрессов 15 августа 1905 г., 13–23 января 1906 г. и 16–21 августа 1906 г. Выступая против толкований, ограничивающих эти конгрессы лишь деятельностью мусульманской буржуазии, Курат подчеркивает, что этот процесс охватывал всех мусульман России (Kurāt, 1969, s.134–145). После этих событий политическая деятельность в российской Думе велась со стороны Мусульманской фракции. Курат обращает внимание на численное превосходство казанских татар во фракции, а также на то, что, вследствие вмешательства правительства, Первая и Вторая Думы были не способны полноценно функционировать, а количество представителей фракции в Третьей Думе значительно уменьшилось (Kurāt, 1969, s.146–149). Однако его утверждение о том, что члены фракции не обладали достаточными квалификациями, ошибочно, если судить о деятельности таких личностей, как Садри Максуди и Кутлу Мухаммед Тевкилев. В Четвертой Думе Мусульманская фракция была самой малочисленной. В среде, где правые партии обладали большинством, представители мусульман России не смогли быть столь влиятельными (Kurāt, 1969, s.152–153). Однако он снова ошибается, говоря о том, что Мусульманская фракция все время двигалась вместе с Кадетами. Он очень ограниченно рассматривает Четвертый Конгресс в рамках политической деятельности казанских татар (Kurāt, 1969, s.154–156).

После того как Курат приводит сведения о группе «Аль-Ислах» («El-İslah») и о политических воззрениях кадимистов, он рассматривает тему органов печати, которые занимают важное место в политической деятельности (Kurāt, 1969, s.157–162). Он описал газеты «Казан Мохбире» («Kazan Muhbiri»), «Тан» («Tan»),

«Ульфет» («Ülfet») и журнал «Шура» («Şura»), а остальные печатные органы лишь перечислил по названиям (Kurāt, 1969, s.162–167). Обратил внимание на оживившиеся в этот период книгопечатание и издательское дело. В своей статье Курат кратко ознакомил со знаменитыми лицами того периода. Дал сведения о трудах Зайнуллаха Расули Хазрата, Галимджана Баруди, Мусы Джаруллаха, Хади Атласи, Абдурахмана Омерова, Ахмета Хади Максуди, Фатиха Карими, Гаяза Исхаки, Юсуфа Акчуры, Садри Максуди и Айнуддина Ахмерова для мусульман (Kurāt, 1969, s.175–189).

Другим, ставшим благодаря своим работам по изучению истории казанских татар, известным историком в Турции является Надир Девлет. Две его книги «История национальной борьбы российских тюрков» («Rusya Türkleri'nin Milli Mücadele Tarihi») и «Тюрко-татарское Национальное Собрание 1917 года» («1917 Türk-Tatar Millet Meclisi») являются взаимодополняющими произведениями.

В книге «История национальной борьбы российских тюрков 1905–1917» рассмотрены политические преобразования, появившиеся в России в начале XX века, и влияние этих изменений на мусульман Российской империи, а также рассмотрены процессы, происходящие в Азербайджане, Средней Азии, Казахстане, Туркменистане, но основное внимание уделено Поволжью. После того, как Девлет раскрыл процесс развития джадидизма в вышеупомянутых регионах, он приступил к описанию политической деятельности, начавшейся с 1905 г. Девлет, впервые рассмотревший курултай алемов, который прошел в апреле 1905 г., в рамках подготовки к политическим действиям, дал подробные сведения о Курултае мусульман России (Devlet, 1999, s.95–115). В этой работе по сравнению с трудами, опубликованными ранее, де-

тельность Мусульманской фракции в Думе рассмотрена более широко. Девлет подчеркивает, что в этот период как у казанских татар, так и у других тюркских народов России начинается эпоха национального пробуждения, связанная с развитием национального самосознания. Однако царское правительство, видя в этом угрозу для будущего империи, назвав это явление пантюркизмом или панисламизмом, приняло превентивные меры (Devlet, 1999, s.157–158). Предметом другого важного спора среди казанских татар того периода был вопрос создания единого литературного языка среди тюрков России. Девлет рассмотрел различные взгляды среди татарских просветителей относительно данной темы. Он выявил, что наряду с такими сторонниками единого литературного языка, как Ризаддин Фахреддин, Муса Джаруллах, были и такие, как Галимджан Баруди и Габдулла Тукай, которые придерживались того мнения, что татарский должен быть отдельным литературным (Devlet, 1999, s.161–166).

Другим важным произведением Надир Девлета о казанских татарах является книга «Тюрко-татарское Национальное Собрание 1917 года». В начале этой книги Девлет дает сведения о культурной и политической истории казанских татар конца XIX – начала XX века (Devlet, 1998, s.37–56). После того, как Девлет резюмирует начало политического процесса в этой форме, он освещает деятельность мусульман России в новом политическом процессе, который начался с февральской революции 1917 г., путем описания проведенных конгрессов и собраний. Он также описывает, как казанским татарам пришлось определить свои политические воззрения после того, как политическая неопределенность и разность взглядов наряду с вопросом о федерации начали возобладать со времен Второго Всероссийского

конгресса мусульман (Devlet, 1998, s.122–138). Он исследовал деятельность Национального Собрания, образованного в Уфе после объявления Национальной Гражданской Автономии, и рассказал о проблемах, которые возникли в этот период с представителями Башкирской Автономии (Devlet, 1998, s.209–214). Данная работа Девлета является единственной книгой в Турции, в которой столь глубоко исследован этот период.

Другим историком, который своими двумя книгами про Абдурешита Ибрагима и Ризаддина Фахреддина внес значительный вклад в данную область исследований в Турции, является Исмаил Тюркоглу. В книге под названием «Знаменитый сибирский путешественник Абдурешит Ибрагим» автор дает детальные сведения о его жизни начиная с периода Тары, где он родился (Türkoğlu, 1997, 7–27). Среди тем, которые Тюркоглу глубоко исследовал в данных рамках, были его преподавательская жизнь, которая началась в России и продолжилась в Османской империи, его образовательная, издательская, журналистская и политическая деятельность, которая началась после возвращения в Россию. В своей работе Тюркоглу рассмотрел идеи Абдурешита Ибрагима: его взгляды на образование и на исламский мир, о том, какое отражение и какой отголосок эти взгляды получили в Турции (Türkoğlu, 1997, 137–152).

Тюркоглу также является автором значительного труда о Ризаддине Фахреддине, который был одним из лидеров реформистского движения среди российских тюрков. В этом исследовании он дает сведения о личной жизни Ризаддина Фахреддина, об образовательных учреждениях мусульман России и о системе образования (Türkoğlu, 2000, s.21–46). Он коснулся влияния Марджани и Афгани в формировании взглядов Ризадди-

на Кадый (Türkoğlu, 2000, s.49–64). В книге даны развернутые сведения об образовании, развитии, устройстве и задачах Оренбургского шариатского суда, который занимал важное место в жизни Фахреддина (Türkoğlu, 2000, s.73–98). Тюркоглу также коснулся места Фахреддина внутри джадидистского движения. Рассмотрел его отношения с Исмаилом Гаспринским и то влияние, которое он оказывал на Ризаддина Кадый, о том, как в своем произведении под названием «Селиме» («Selime») он во всех деталях разобрал джадидистскую мысль (Türkoğlu, 2000, s.120–125). В этой работе рассмотрены роль Ризаддина в Уфимском курултае алемов, его издательская деятельность, а также его деятельность в то время, когда он был муфтием.

Ахмет Канлыдере перевел на турецкий язык книгу Захира Бигиева «Путешествие в Маверинахр» («Maveraünnehr'e Seyahat»). Его произведение «Жизнь, произведения и труды Мусы Джаруллаха между кадимизмом и джадидизмом» является самым всеобъемлющим трудом в Турции, в котором со всех сторон исследован известный религиозный деятель. В введении автор рассказывает о накопленных научных трудах, которые издавались в Турции о Бигиеве (Kanlıdere, 2005, s.11–19). Детально изучены сведения о корнях Бигиева, его семье, его воспитании и об условиях, в которых он рос (Kanlıdere, 2005, s.23–34). Другой важной стороной этого труда является то, что автор привел в нем примеры разногласий между Джаруллахом и Мустафой Сабри эфенди, Джелал Нури, Ризадином Фахреддином, а также рассмотрел влияние его взглядов как в России, так и в Турции (Kanlıdere, 2005, s.229–241). В своей работе Канлыдере кратко описал произведения Джаруллаха и указал те из них, которые были переведены на турецкий язык.

Ибрагим Мараш в своей книге «Религиозные реформы в тюркском мире» («Türk Dünyasında Dini Yenileşme») показал историю развития религиозной мысли в этом регионе. В этой работе, которую можно оценивать как историю идей казанских татар, приведены подробные сведения о факторах и ученых, которые оказали непосредственное влияние на появление джадидистских взглядов (Maraş, 2002, 17–54). Работа, которая дает турецким читателям подробные сведения о взглядах и трудах Утыз Имяни, Курсави, Марджани и Фаизханова, которые были основоположниками джадидистского движения, также оценивает место в джадидистском движении и взгляды лидеров следующего поколения просветителей, таких как Баруди, Джаруллах, Фахреддин, Абдуллах Буби и Зейнуллах Расули (Maraş, 2002, 73–101). К тому же в этом произведении рассмотрены такие проблемы, как перевод Корана, тема ичтихада, язык хутбы и права женщин, которые часто ставились на повестку дня татарскими учеными в начале XX в. (Maraş, 2002, 181–248).

В работе Ильяса Топсакала «Русское царство и тюрки по источникам русских миссионеров (1552–1917)» («Rus Misyoner Kaynaklarına Göre Rus Çarlığı ve Türkler (1552–1917)») рассмотрен религиозный аспект взаимоотношений между Русским царством и казанскими татарами. Подробно рассмотрены миссионерские организации и их деятельность на протяжении XIX и начала XX века (Topsakal, 2009, s.207–222). В этой связи приведены сведения о жизни Ильминского и о созданной им системе (Topsakal, 2009, s.337–372). На основе работ Машанова приведены взгляды миссионерских организаций относительно мусульманского сообщества этого региона в начале XX века. Обнародован тот факт, что миссионеры были возмущены влиянием татар на не-

русские сообщества (Topsakal, 2009, s.409–436).

Работа Саиме Селенги Гёкгёз «Ефимий Александрович Малов: антиисламская миссионерская политика России в Волго-Уральском регионе» («Yevfimiy Aleksandroviç Malov İdil-Ural'da İslam Karşıtı Rus Misyon Siyaseti») является другим произведением, описывающим взаимоотношения казанских татар и христианства. В своем труде Гёкгёз дала сведения о Малове, его произведениях, его пребывании, наблюдениях и исследованиях среди татар крышен. Исследованы процесс возвращения татар крышен в ислам, деятельность, которая велась миссионерскими организациями для предотвращения этого процесса, школы Братства святителя Гурия и вклады Малова во все эти процессы. Старания Малова по противодействию возвращения татар крышен в ислам были конкретизированы в проекте «Миссионерский дом» (Gökgöz, 2007, 477–513).

В работе Альпера Альпа «Политическое положение и направления казанских татар (1905–1916)» исследованы политические течения и группы среди казанских татар в начале XX века. В введении рассмотрены история Казанского ханства после перехода под российское господство и факторы, вызвавшие политическое и культурное пробуждение в начале XX века. Подчеркнуты ценность и значение, которые приобрели татары после образования Оренбургского шариатского суда. Отмечено, что джадидистское движение внесло огромный вклад не только в модернизацию татарского общества, но и в вовлечение его в политическую деятельность (Alp, 2010, s.1–30). В первой части исследования подчеркнута позиция казанских татар в политических процессах, которые были начаты мусульманами России в процессе, ведущем к революции 1905 г., также отмечено их

лидирующее положение. Рассмотрены местные собрания, которые были организованы казанскими татарами для определения своих политических взглядов, после Манифеста 17-го октября, и процесс ознакомления с решениями этих собраний других мусульман, проживающих в других регионах Российской империи, для их утверждения. В рамках этой деятельности рассмотрены рождение Союза мусульман России и усилия по его организации. Впечатления, которые вызвали все эти политические усилия у руководителей империи, подтверждены конкретными данными, такими как отчет Череванского. К тому же здесь рассмотрены те усилия, которые прилагал Оренбургский шариатский суд, который имел огромное влияние на казанских татар (Alp, 2010, s.31–93).

Во второй части рассмотрены работы, которые велись татарскими представителями от имени мусульман России в Государственной Думе. В этой части выявлено, что казанские татары имели количественный и качественный перевес внутри фракции. Рассмотрены проблемы, которые возникали в процессе образования Мусульманской фракции в каждой Думе. Подчеркнуто, что по причине того, что Союз мусульман России не смог стать партией, Мусульманская фракция играла основную роль в политической деятельности мусульман России. Выявлена оппозиционная позиция Мусульманской фракции против введения новых положений на территориях башкир и казахов, против закона 31-го марта в сфере образования о введении всеобщего образования и против превращения воскресенья в официальный выходной для мусульман. Кроме того, подчеркнута, что работа Мусульманской фракции, несмотря ни на что, велась и в 1916 г. (Alp, 2010, s.94–145).

В третьей части рассмотрены политические позиции кадимистов и

вейси. Отмечено, что кадимисты – это политическая группа, которая не имеет рамок и у которой нет определенного руководителя. Выявлено, что это консервативное, реакционное образование татарского общества, которое против модернизации. Также выявлено, что с точки зрения политического подхода они не имеют единой структурированной группы. Одна часть, во главе с Ишмухаммедом Динмухаммедовым, пребывает в беспощадной оппозиции с Союзом мусульман России, а другая часть поддерживает Мусульманскую фракцию в принятии законов, касающихся мусульман, для достижения желаемого результата. Вейси постоянно оставались маргинальной группой, несмотря на то, что они враждебно относились к Союзу мусульман России, общество не воспринимало их всерьез (Alp, 2010, s.94–145).

В четвертой части рассмотрен уровень активности социалистических и революционных групп среди казанских татар. Наряду со студенческими группами типа Аль-Ислах и Берегу, была рассмотрена деятельность таких групп, как Танчылар и Уралчылар, как попытка образования профессиональных революционных групп, а также других татарских групп и их взаимоотношения (Alp, 2010, s.182–221).

В пятой части рассмотрен вопрос панисламизма и пантюркизма среди казанских татар, который часто ставился на повестку дня в рамках политической атмосферы того периода.

Для того, чтобы иметь правильное суждение в этом вопросе, для начала был рассмотрен вопрос о том, что является восприятием национальной идентичности с точки зрения татар. В ходе исследования восприятия идентичности того времени выявлено, что были как просветители, которые выдвигали на передний план татарскую идентичность, так и те, кто был за название тюрок, и те, кто придерживался мнения, что мусульманин является названием нации. Однако выявлена открытая истина о том, что никто из них не развивал понятие панисламизма и пантюркизма, которое имело бы политические цели. Подчеркнуто, что политическая деятельность татар, в особенности под влиянием трудов миссионеров, была воспринята царскими руководителями как панисламистская или же пантюркистская (Alp, 2010, s.222–280). На самом же деле политическая основа Союза мусульман России опиралась на модную в то время и в Европе идею национализма.

Интерес в Турции к всеобщей и ближайшей истории казанских татар продолжает расти. Исследовательские центры тюрковедения при таких университетах, как университет Гази, Стамбульский университет, Мармаринский университет, Эгейский университет, университет Сельджук и университет Хаджеттепе, поддерживают и поощряют исследования в этой области. В ближайшие годы выйдет еще больше трудов об истории казанских татар.

ЛИТЕРАТУРА

- Alp, Alper.** Kazaan Tatarlarının Siyasî Konum ve Yönelişleri (1905–1916), Yayınlanmamış Doktora Tezi, Ankara, 2010.
- Devlet, Nadir.** Rusya Türkleri'nin Milli Mücadele Tarihi (1905–1917), Ankara, 1999.
- _____, 1917 Ekim İhtilali ve Türk-Tatar Millet Meclisi (İç Rusya ve Sibirya Türk Tatarlarının Millet Meclisi 1917–1919). İstanbul, 1998.
- Gökgöz, Saime Selenga.** Yevfimiy Aleksandroviç Malov İdil-Ural'da İslâm Karşıtı Rus Misyon Siyaseti, Ankara, 2007.
- Kanlıdere, Ahmet.** Kadimle-Cedit Arasında Musa Carullah Hayatı-Eserleri-Fikirleri, İstanbul, 2005.

Kurat, Akdes Nimet. «Kazan türkleri'nin Medenî Uyanış Devri», Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi, c.XXIV, S:3–4, 1966, Ankara-1969, s.96 – 194.

Maraş, İbrahim. Türk Dünyasında Dinî Yenileşme (1860–1917), İstanbul, 2001.

Sami, Şemseddin. Kamusu'l-alam, «Tatar» maddesi, c.3, İstanbul, 1891, s.1604–1605.

_____, Kamusu'l-alam, c.5, «Kazan» maddesi, İstanbul, 1899, s.3655–3657.

Taymas, Abdullah Battal, Kazan Türkleri, Ankara, 1966.

_____, Kazanlı Türk Meşhurlarından Rızaeddin Fahreddinoğlu Kişiliği Fikir Hayatı ve Eserleri, İstanbul, 1958.

_____, Kazanlı Türk Meşhurlarından Alimcan Barudî, İstanbul, 1958.

_____, Kazanlı Türk Meşhurlarından Musa Carullah Bigi, İstanbul, 1958.

_____, İki Maksudîler Kişilikleri, Fikir Hayatları ve Eserleri, İstanbul, 1959.

_____, Rus İhtilalinden Hatıralar Ben Bir Işık Arıyordum, İstanbul, 2000, c.1–2.

Topsakal, İlyas. Rus Misyoner Kaynaklarına Göre Rus Çarlığı ve Türkler, İstanbul, 2009.

Türkoğlu, İsmail. Sibiryalı Meşhur Seyyah Abdürreşid İbrahim, Ankara, 1997.

_____, Rusya Türkleri Arasındaki Yenileşme Hareketinin Öncülerinden Rızaeddin Fahreddin, İstanbul, 2000.

Аннотация

На накопление исторической информации о мусульманах Поволжья в Турции большое влияние оказали поволжские татары, оказавшиеся за границей после октябрьских потрясений 1917 г. Большой вклад в исследование социальных и культурных процессов в татарском сообществе и вклада отдельных его представителей интеллектуальной элиты из числа богословов и джадидистов внесли современники этих событий Баттал Таймас, Габрашит Ибрагимов, а также Надир Девлет. На современном этапе развития гуманитарных знаний в Турции выросла новая плеяда турецких ученых, изучающих различные аспекты социальной жизни поволжских татар, в том числе через труды и деятельность видных деятелей татарской культуры и национального движения. Речь идет, прежде всего, о трудах Ахмета Канлыдере, Ибрагима Мараша, Ильяса Топсакала, Саиме Селенги Гёкгёз.

Ключевые слова: турецкая историография, Баттал Таймас, Габрашит Ибрагимов, Надир Девлет, И.Тюркоглу, Ахмет Канлыдере, Ибрагим Мараш, Ильяс Топсакал, Саиме Селенги Гёкгёз.

Summary

Accumulation of historical information about the Muslims of the Volga region in Turkey was greatly influenced by the Volga Tatars who found themselves abroad after the October commotions in 1917. The great contribution to the study of social and cultural processes in the Tatar community, and the contribution of its members of the intellectual elite among theologians and dzhadists was made by the contemporaries of these events Battal Taimas, Gabrashit Ibragimov and Nadir Devlet. At the present stage of development of the humanities in Turkey new group of Turkish scientists grew who study various aspects of the social life of the Volga Tatars, including the work and activities of prominent personalities of Tatar culture and the national movement. Mainly these are the works of Ahmet Kanlıdere, İbrahim Maraş, İlyas Topsakal, Saime Selenga Gökğöz.

Keywords: Turkish historiography, Battal Taymas, Gabrashit Ibragimov, Nadir Devlet, İsmail Türkoğlu, Ahmet Kanlıdere, İbrahim Maraş, İlyas Topsakal, Saime Selenga Gökğöz.

УДК 39

МУЛЛИНСКИЕ ТАТАРЫ – ПРАДЕДЫ ПЕРМСКИХ ТАТАР

Посвящается 290-летию г. Перми

Д.Г.Закиров, доктор технических наук

Определенный интерес представляет группа муллинских татар, малоизученная исследователями. Появляются иногда противоречивые высказывания ученых об их происхождении и появлении на пермской земле [1].

Муллинская группа татар включает население Пермского района (Кояново, Баш-Култаево, Янычи) [2, с.238].

Много спорных вопросов возникает о татаро-башкирском компоненте коренных жителей деревни Кояново. По историческим данным, в Пермской волости жители деревень Кояново и Култаево, а также других деревень, расположенных вдоль речек Мулянки, Большой и Маленькой Мулянки, с древних времен назывались муллинскими татарами, т.е. представляли муллинскую группировку пермских татар [3].

Огромную роль в развитии экономических и этнокультурных связей Прикамья в IX–XIV вв. сыграл Камский торговый путь – своеобразное продолжение Великого Волжского пути, способствовавший включению Предуралья в международную систему торговли эпохи средневековья. Поэтому предки поволжских болгар стремились заселяться вдоль торгового пути недалеко от судоходных рек, в основном на берегах Камы, поскольку территория Западного Урала являлась колонией волжских болгар [4].

Волжские болгары основали свои поселения на берегах судоходных рек,

в районе реки Мулянки, недалеко от берегов Камы, удобной и равнинной местности. Подчеркивая свою принадлежность к татарскому народу, называли свои поселения мусульманскими этнонимами – Булгары, Верхние, Нижние Муллы, занимали обширную территорию, возделывая землю, занимаясь сельскохозяйственным производством, скотоводством и охотой. То, что на этих территориях издавна жили народности, принявшие ислам, доказано многочисленными археологическими раскопками [1]. Названия поселений – Верхние, Нижние Муллы – подтверждают особое уважение к мусульманской вере, духовному сану мулле – т.е. священнику. Название речки Мулянки тоже происходит от татарского слова *мулла*, речку еще называли Мулавкой, видимо, желая укрепить мусульманскую веру, особо подчеркивая ее превосходство, поскольку до конца XVI в. в 5 км от устья Мулянки параллельно существовало языческое святилище, а ныне известное как Гляденовское костыще. Видимо, были попытки со стороны мусульман повлиять на их культуру и привлечь их в свою религию.

Как известно, территория Пермского края была под влиянием Великой Булгарии, позже под протекторатом Золотой Орды, затем Казанского ханства. Торгово-экономические, миграционные и ассимиляционные процессы не прекращались, что подтверждается болгаро-татарс-

ким происхождением названий населенных пунктов и даже районов, например, Ординский.

В первой половине XV в. начинается колонизация Верхнего Прикамья русскими. С северорусских территорий сюда проникает первоначально крестьянское население смешанного славяно-финского происхождения. За крестьянством следуют представители торгово-посадских кругов Новгорода, Устюга и других русских городов, которые занимались не только торговыми операциями с коренным коми-пермяцким населением, но и изучением природных ресурсов края. Особое значение для древнего населения Пермского края имели месторождения медной руды, соляные источники и леса, богатые пушными животными. Из меди делали орудия труда и оружие, пушнина шла на одежду, соль ценилась на вес золота.

Именно торговые люди первыми узнают о соляных богатствах Перми Великой и оперативно, до появления здесь военно-административных центров и монастырей, начинают развивать соляное производство. Для этого, вероятно, они заручались поддержкой местного населения.

Первыми татарами, которых застают русскоязычные источники на месте расселения татар Пермской области, были беи: Урак-бей, Сюндюк-бей. Считается, что старший сын его Урак-бей Маметкулов жил на Верхней Мулянке, а младший, Урак-бей Сюндюк-бей Маметкулов, – на Нижней Мулянке. Отец их, Маметкул, был имамом или муллоу, откуда и произошло название этих двух речек Мулянок: Верхней и Нижней. Естественно, он проповедовал ислам, и остяки, уже не отличавшиеся друг от друга по своему образу жизни, хозяйственному укладу, возможно, и по языку, и, как свидетельствуют писцовые книги в начале XVII в., носили тюркские име-

на. Более древние, дотюркские названия этих речек не дошли до историков [5, с. 13], [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 19].

Топонимические материалы региона также позволяют предполагать о том, что на территорию расселения пермских татар происходило этническое проникновение населения, связанного с болгарским государством. О.Н. Бадер и В.А. Оборин пишут, что половину жителей деревни Черти Очерского района «до сих пор зовут болгарями» [6, с.177]. В 30 километрах от города Перми, недалеко от сел Култаево и Башкултаево, есть деревня Болгары, заселенная сегодня русским населением.

Топонимика южных районов Пермской области (где расселены в настоящее время пермские (гайнинские) татары и ведутся интенсивные исследования их истории) считается в основном пермско-финно-угорской. Например, гидронимы образованы при помощи топоформантов, что в пермских языках означает вода: Сылва, Шаква, Тулва и др. Это позволяет предположить о появлении болгар, т.е. татарского населения, именно в районе Мулянок раньше, чем в других районах края. Подтверждают это названия рек – Верхняя Мулянка и Нижняя Мулянка, второй компонент которых восходит к перс. – мулла – мулла. В другой работе, где вышеприведенная легенда отражена несколько подробнее, имеется сообщение о том, что предки муллинских татар пришли из Азии в XIII столетии, покорили племена, живущие по р. Чусовой и другим притокам Камы. Хотя они были под властью «кипчакских и казанских царей», однако имели по юртам своих князей; далее, в царствование Грозного, по покорении им Казани, они «...вступили в подданство под Российский скипетр с таковым обязательством: платить ясак Российскому Государству, сверх служб, по

одной кунице с семейства или юрты» (Шишонко, с.126–127) [7]. О том, что Сюндюк существовал как личность, подтверждают и другие источники. Одним из таких является «Житие св. Трифона Вятского», где описывается быт муллинских, сылвенских «татар и остяков» середины XVI в. Так, в этом источнике сообщается, что муллинские татары жили смешанно с остяками, их князя звали Зевендук [8, с.15].

Как известно, в 1570-е гг. в эти края приехал Трифон Вятский и жил среди местного населения, о чем было составлено «Житие св. Трифона Вятского» (Труды ПУАК, IX: 65; Дмитриев, 1893: 13–19) [5]. А.А. Дмитриев приводит любопытные данные из этого «Жития» о населении бассейнов рек Мулянок и Сылвы. Так, присылвенские остяки имели князя Амбала, а в бассейне рек Верхних и Нижних Мулянок также жили остяки со своим князем Зевендуком (Сююндюк?), однако последние, как полагает А.А. Дмитриев, жили совместно, вперемешку с татарами, и татары на Тулве также жили, смешавшись с остяками [8, с.14–18]. По мнению А. А. Дмитриева, татары и остяки в XVI в. по своему жизненному укладу, быту и обычаям не отличались друг от друга [10, 11, 12]. Пермские татары первый раз учитывались в 1579 г. писцом И. Яхонтовым, однако его писцовые книги считаются утерянными, до нас дошли лишь некоторые выдержки из них, вкрапленные в труды историков XIX в.

Как считает Д.Б. Рамазанова, по всей вероятности, антропоним Зевендук в источнике отразился в мишарском (или кыпчакском) варианте и восходит к имени Сюндюк <Сююндюк> (отсюда татарская фамилия Сундуков), тат. литер. Соендек восходит к глаголу соен, в мишарском диалекте татарского языка севен – радоваться. Эти факты еще раз свидетельствуют

о том, что тюркское население исследуемого нами региона весьма древнее [14]. Таким образом, топонимические материалы позволяют утверждать, что предки татар современного Пермского края живут в нынешних местах обитания издавна, т. к. их след утвердился и в гидронимической системе, топонимах, названиях деревень региона и т.д. [14]. Поэтому спорным вопросом остается утверждение Чагина: «Основой формирования группы явились башкиры-гайнинцы, переселившиеся на р. Мулянка с р. Тулва и образовавшие отдельные территориальные образования МУП ГЭИНЭ. Во второй половине XIX в. жители этих башкирских деревень считали себя уже татарами» [2, с.238].

Согласно исследованиям Д.Б. Рамазановой, по образу жизни, языку и происхождению предки жителей деревень нынешнего Пермского, Бардымского, Ордынского, Чернушинского, Уинского, Кунгурского, Октябрьского районов Пермского края (подразделяемых Д. И. Исхаковым на «гайнинских башкир» и пермских татар) были едины [20].

Кроме того, в пользу того, что в формировании говора пермских татар решающую роль сыграл поволжско-тюркский компонент болгарского периода, говорит и его близость к среднему диалекту, хотя они развивались изолированно, в иноязычном окружении, отделившись от основной массы татар (Махмутова, 1962 а: 223) [14].

Как утверждает Д.Б. Рамазанова, приведенные данные по языку, топонимии, археологии и истории [14] ярко свидетельствуют о том, что в формировании говора пермских татар решающую роль сыграло участие поволжско-тюркского компонента раннего периода: *болгарского или близкого к болгарскому*. Население Приуралья уже с XIII в. (может быть, и раньше: Закиев, 1986: 54–60) имело

этническую связь с тюркским населением Среднего Поволжья. Тот факт, что предки пермских татар свое происхождение связывают с Булгарским государством, дает основание полагать о переселении их в указанный период [14].

Этнические связи между населением Среднего Поволжья и Приуралья продолжали еще более углубленно развиваться в последующие эпохи, особенно после падения Казанского ханства (Татары, 1967: 38–44; История, 1968: 69,76; Бахрушин, 1955: 93–95; Шишонко, 1, 1881: 167; История, 1937: 213–219, 244, 312–313 и мн. других). Происходит переселение в Приуралье татар, не желавших креститься. Возможно, среди них были и крещеные. Об этом говорит наличие русских имен или фамилий среди татар в писцовых книгах: Сылгазейко Бочкарев, Васко, Козайко Иванов, Иванайко Давлеткилдеев, Пахомов и др. (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, ед. хр. 226, лл. 241–354; Кунгурские, 1888) [14].

По языковым особенностям нельзя не отметить выделение некоторых регионов наличием отдельных явлений. Наблюдается сходство по некоторым признакам муллинского подговора с нукратским говором и т.д. Результаты исследований дают полное основание полагать и о том, что определенные районы обитания пермских татар являлись объектом колонизации со стороны выходцев-татар из различных областей. Кроме того, татары, живущие в разных районах Пермского края, общались, видимо, с татарами определенных областей. Такие экстралингвистические факторы также сыграли определенную роль в сложении пермских татар как своеобразной этнографической группы татарского народа, привели к появлению в их говоре локальных черт [13].

Процесс формирования пермских татар шел в относительной изоляции,

в отрыве от основной массы татар в территориальном отношении. Однако между пермскими татарами и татарами Среднего Поволжья существовали различные тесные культурно-экономические контакты: имелись торговые связи, в медресе преподавали выходцы из Заказанья и прочее. В советский период эти связи также не прекращались, они шли, прежде всего, через школы и печать. Тем самым основы общности пермских татар с поволжскими татарами, заложенные издревле, продолжали углубляться и развиваться и в дальнейшем, в болгарский период, после падения Казанского ханства и по настоящее время [13].

Как было ранее сказано, муллинские татары жили в окружении остяков и коми-пермяков недалеко от языческого святилища, известного Гляденовского костыща, где их в свое время застал Трифон Вятский, что дало, видимо, отпечаток их говору и некоторым особенностям языка, который отличается от гайнинского, муллинского подговора, замеченного Д.Б. Рамазановой. Бросается в глаза единство мнений авторов относительно этнической принадлежности пермских татар: их происхождение связывают с казанскими татарами (поволжскими булгарами).

Таковы наиболее значительные письменные источники, содержащие сведения о предках пермских татар, их быте, культуре и т.д.

А кто же из их предков оказался раньше всех на пермской земле? Как показывает приведенный краткий обзор имеющихся в распоряжении исследователей источников, существуют различные мнения не только о времени появления предков пермских татар в данном регионе, но также и об их этнической принадлежности. Это, во-первых. Во-вторых, письменные источники наглядно демонстрируют то, как термин *остяк* постепенно вы-

ходит из употребления по отношению к предкам пермских татар [14].

Исследователь Д.М. Исхаков приближается к XII в.: «Судя по источникам и исследованиям ученых, на рубеже XII–XIII вв. в бассейн рек Танып, Мулянки переселилось племя или группа знатного сословия Тархан, сыгравшее решающую роль в формировании пермского говора как татарского» [21, с.27].

Это утверждение одновременно позволяет предполагать, что муллинские татары являются предками древних булгар, что они раньше всех группировок татар и башкир переселились в эту местность и распространяли свою культуру в Тулвинском поречье, либо имели с ними дальнюю связь.

У исследователей имеется ряд спорных вопросов как о происхождении муллинских татар, их принадлежности к татарской и башкирской нации, так и о происхождении известного рудопромышленника Исмагила Тасимова, жителя деревни Кояново.

Именно поэтому ученые или ориенталисты, которые лично посетили муллинских татар, вынуждены были отметить разницу: кем они считаются по документам и кем они являются в действительности. Так, П.И. Мельников посетил дер. Кояново Пермского уезда (ныне Пермский район Пермского края), написал статью «Поездка в Кунгур» и называет жителей этой деревни татарами (Мельников, 1841: 264). Н. К. Чупин жителей деревень Култаевой и Кояновой считает совершенно отатарившимися башкирами, указывает, что «давно уже несколько не отличаются от ближних татар ни наречием, ни образом жизни, и русские называют их этим последним именем» (Чупин, I: 524; II: 112), т.е. татарами [15, 16]. Это подтверждают в своих исследованиях Ж. Рахимов, И. Рахимов, которые обстоятельно изучали и опубликовали в своих тру-

дах принадлежность их к татарской нации [17], а также Д.Б. Рамазанова [13, 14].

Муллинских татар, которые в середине XVII века хотя и считались башкирами Гайнинских волостей, ученые в своих книгах до революции называли «татарами» («Собранные и опубликованные исторические акты археологической комиссии (СПб., 1841, Т3)») [17, с.41].

Пермский ученый Н.К. Чупин в своем справочнике об истории Пермской губернии (стр. 208–212) подробно пишет, что деревни Кояново, Култаево не на «башкирской земле», а «в Кунгурской волости». Известно, что после присоединения к Русскому государству муллинские и кунгурские татары налоги платили городу Чердынь, а башкиры платили Казанской губернии. (Землевладение башкир и башкирской грамоты в Пермской губернии. Труды ПУАК. Пермь, 1893, с. 80–87). Дополнительно мулинцы как кунгурские татары платили дань отдельно от гайнинских башкир (В. Шишонко. Пермские летописи. Пермь, 1882) [7].

По их воспоминаниям из разных исторических книг, мулинцы рассказывали, что их предки татары. Многие ученые прошлых веков писали о различиях языка, культуры в отличие от башкир. Башкиры-тептеры – сословие «башкирские припущенники», «тептеры», «башкиры-вотчинники», «татары-башкиры», «помещичьи», крестьяне.

Башкиры добровольно присоединились к Русскому государству, а с Казанским ханством были конфликты. Поэтому при царе башкирам был дан ряд преимуществ (больше давали земли, меньше податей, налогов), поэтому татары называли себя «башкирами», башкиры-вотчинники, башкиры-припущенники. Когда было объявлено равноправие народов, пе-

репись населения 1926 г. показала совсем другие результаты. В 1926 г. в Бардымском районе башкир вообще не было, а были татары и русские, 4 эстонца, а в 1958 г. – уже 85% башкир.

По данным исследователей Ж. и Н.Рахимовых, многие ученые прошлого века писали об отличии языка и культуры у муллинских татар и башкир. И наконец, в 1926 г., согласно переписи, из 3371 жителя деревни Кояново 968 назвались татарами, а согласно переписи 1970, 1979 гг., все жители – татары (Историческая этнография татарского народа, Казань, 1990) [17, с.41].

Данные переписи 1905 г. показывают: из 148089 татар и башкир было 44324 татарина, 103765 башкир, а в 1926 г., согласно переписи, стало 93787 татар, 4424 татарина и башкира, только 268 человек назвали себя башкирами. По переписи 1926 г., жители деревни Кояново из 3371 человека 968 себя записали татарами. А по переписи 1970 и 1979 гг., – полностью татарами (Историческая этнография татарского народа, Казань, 1990) [17, с.41]. В материалах ревизий в первой 1719–1727 гг. и второй 1744–1747 гг. во второй части списка (на с. 840–844 есть сведения о деревне Куяново) служивых мишар и татар, плативших казне налоги 70 коп. – деревня Куеново – 15 домов, 64 жителя (мужчины и женщины) – «служивые мишары», первым записан Асан Кулаев (данные 1747 г.) [17, с.41]. Деревня Куенова – татарская деревня, где жили Тасимовы, служивые мишари [17].

О том, что жители деревни Кояново – татары, также подтверждается в книге генерал-лейтенанта Георгия Вильгельма де Геннина «Описание Уральских и Сибирских заводов», с. 572, 568; книга написана в 1735 г., опубли. в 1935 г. [17].

Почему вдруг татарин стал башкиром?

По историческим данным XVII–XIX вв. Оренбургской губернии, человека, имеющего землю, звали башкиром, слово «башкир» объясняет не нацию, а сословие: тархан, помещик, тептер, ясачный татарин.

В царское время татар, живущих на Урале, записывали башкирами, поскольку было сословие башкир, и давали землю. Татарам это было выгодно [17]. Имеются сведения, что пермские татары муллинской группы жили в деревнях Куен, Колтаево. В начале XX века их было 3,3 тыс. (Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990, 9 с.). По рассказам учителей деревни Колтаево [18], предки их переселились в эти края по рекам Волга и Кама, а когда началось притеснение, с русскими поднимались по реке Мулянке. Обосновали деревни Кояново и Култаево. А после взятия Казани, боясь притеснения и крещения, начали называть себя башкирами.

Прадеды татар и башкир Пермского края, как утверждают сегодня, – это гайнинские башкиры и татары. Проживание гайнинцев в районе р. Тулва установлено документально 1596 г. [7, с.470]. Однако точного времени заселения их в Прикамье не установлено. Проведенные исследования подтверждают и, согласно многочисленным источникам, позволяют предположить, что предками муллинских татар были болгары, которые распространяли свою культуру среди соседних народов, живущих в Прикамье, и ассимилировались с ними. Предположительное время их заселения в Пермский край, по археологическим данным, – X–XI вв. нашей эры. На это также указывают мусульманские захоронения в Рождественском, Анюшкорском (Кыласово) могильниках, расположенных не так уж далеко от занимающих эту территорию муллинских татар. Кроме того, «в Житии св. Трифона Вятского» по истории Пермского края XVI в.

рассказывается о «муллинских осяках». Согласно их преданиям конца XVIII в., «они более 500 лет жили в бассейне речек Мулянок» [7, с.128], что было значительно раньше, чем гайнинцы.

Полученные данные позволяют предположить, что прадедами пермских татар являются муллинские татары, предки которых – поволжские булгары – распространяли свою культуру гайнинцам и другим татарам Прикамья.

Этнические, культурные, хозяйственные связи никогда не прекращались, а наоборот, только развивались во времена Золотой Орды, Казанского ханства и в последующие годы.

Муллинские татары имеют очень много общего с казанскими татарами

по обычаям и обрядам, хозяйственному укладу и лингвистике, по обустройству жилищ, построек и т.д.

В силу существующих причин во время русской колонизации муллинские татары были вынуждены называть себя башкирами, поскольку им это было выгодно. Сегодня историю татарского и башкирского народов нежелательно рассматривать по отдельности, они имеют общие корни – жили на одной территории, говорили на родственных языках, имели схожие культурные традиции, были соратниками в бою, оказывая братскую помощь друг другу в трудные времена, и продолжают жить совместно и дружно, как один народ, понимая друг друга без переводчика, не видя особых отличий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Закиров Д.Г.* Татары и башкиры Перми (об историческом вкладе татар и башкир Перми в становление и развитие города): Историко-публицистическое и научное издание. – Пермь: ОАО «ИПК Звезда», 2008. – 496 с.
2. *Чагин Г.Н., Черных А.В.* Народы Прикамья. – Пермь, 2002, 301 с.
3. Страницы истории земли пермской в двух частях. – Пермь: Книжный мир, 1997. – 171 с., 334 с.
4. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т.1. М., 1967. – С.27–28.
5. *Дмитриев А.А.* Труды ПУАК, IX: 65, 1893.
6. *Оборин В.А.* Древние поселения на территории Перми и ее окрестностей. 250 лет Перми. Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермское книжное издательство, 1973. – 283 с.
7. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1892.
8. *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 по 1890 г. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889.
9. Труды Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК). Пермь, 1893.
10. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. – Вып. 4. – Приложение. – Пермь, 1892. – С. 106–109.
11. *Дмитриев А.А.* Исторический очерк Пермского края. Пермь, 1896, 48 с.
12. *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 по 1890 г. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889.
13. *Рамазанова Д.Б.* К вопросу о роли поволжско-тюркского компонента в формировании приуральских говоров среднего диалекта татарского языка. – Казань, 1996.
14. *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар. – Казань, 1996.
15. *Чупин Н.К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии (т.1. – Пермь, 1873 г.). Список населенных мест Пермской губернии Щадринского уезда.

16. *Чупин Н.К.* Географический статистический словарь Пермской губернии. – Пермь. 1876 г.
17. *Рахимов Ж., Рахимов Н.* Мэгъдэниче Тасимовлар. Татарстан, 1992, № 7–8, 9–10.
18. Пермские татары. – Казань, 1983. – 59 с.
19. *Аверина Н.* Веселый городок Егошиха. Пермское книжное издательство, 2005. – 317 с.
20. *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. – Казань, 1993.
21. Татарская нация: История и современность (научный руководитель и составитель Д.М. Исхаков) /Казань: Изд-во «Магариф», 2002. – 222 с.

Аннотация

Проведено историческое исследование происхождения муллинских татар Пермского края: их предки, время и место их заселения на пермской земле. Полученные данные позволяют предположить, что прадедами пермских татар являются муллинские татары, предки которых – поволжские булгары, которые заселились на пермской земле в X–XI веках и распространили свою культуру на гайнинских татар и других коренных народов Прикамья. Этнические, культурные, хозяйственные связи поволжских булгар с Прикамьем никогда не прекращались, а наоборот, только развивались во времена Золотой Орды, Казанского ханства и в последующие годы. Муллинские татары имеют очень много общего с казанскими татарами по обычаям и обрядам, по хозяйственному укладу и лингвистике, жилищ, построек и т.д. В силу существующих причин во время русской колонизации муллинские татары были вынуждены называть себя башкирами, поскольку им это было выгодно.

Ключевые слова: муллинские татары, Пермский край, поволжские булгары, пермская земля, X–XI века, культура, обычаи, обряды, хозяйственный уклад, гайнинские татары, русская колонизация, башкиры.

Summary

The historical research was conducted on the origin of Mullinskiy Tatars of Perm region, the ancestors, the time and place of their settlement on the land of the Perm. The data suggest that the forefathers of Perm Tatars were Mullinskiy Tatars, whose ancestors – the Volga Bulgars settled on the land in Perm in X–XI centuries and spread their culture to Gayninskiy Tatars and other indigenous peoples of Kama. Ethnic, cultural, and economic ties with the Kama area of the Volga Bulgars never stopped, they developed during the Golden Horde and the Kazan Khanate and the following years. Mullinskiy Tatars have a lot in common with the Kazan Tatars in customs and rituals, the economic structure and linguistics, houses, buildings, etc. Mullinskiy Tatars were forced to call themselves Bashkirs, as it was more advantageous for them because of reasons during the Russian colonization.

Keywords: Mullinskiy Tatars, Perm, Volga Bulgars, Perm land, X–XI centuries, culture, customs, rituals, economic structures, Gayninskiy Tatars, Russian colonization, the Bashkirs.

УДК 39

МИФОЛОГИЯ ТАТАР-КРЯШЕН В ЗЕРКАЛЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБРЯДОВОСТИ: АГРАРНЫЕ КУЛЬТЫ

Р.Р. Исхаков

Традиционные религиозные верования, мифологические представления, обрядовость длительное время оказывали огромное влияние на культурное развитие несекуляризованных обществ Среднего Поволжья. Эти установки в значительной степени влияли на выработку у них стереотипов поведения в окружающем мире, что в конечном итоге формировало неповторимый этнокультурный «облик» местных народов, их религиозно-мифологическую картину мира. Не были исключением и татары-кряшены (старокрещеные татары), в религиозной культуре которых традиционалистские установки вплоть до начала XX в. играли важную роль. Во многом с этим связаны, на наш взгляд, их культурные особенности, выделяющие эту этноконфессиональную общность в составе татарского народа. В данной работе мы попытаемся проанализировать один из основополагающих комплексов их традиционной религиозной системы – аграрные культы, выявить его роль в формировании их религиозно-мифологических представлений.

К одному из наиболее значимых комплексов традиционной религии у старокрещеных татар можно отнести аграрные культы. В целом зависящие от милостей природы и занимавшееся преимущественно сельским хозяйством, кряшены придавали большое значение совершению общественных молений и жертвоприношений,

направленных на умилоствление стихий природы и Верховного Бога. Эти верования были тесно связаны с культом общетюркского бога-демиурга Тенгри (Тенгере / *Tıǵre babay* (Бог-дед)). К XIX в. комплекс религиозно-мифологических представлений и верований, связанных с почитанием Тенгере, приуроченный к аграрному циклу у старокрещеных татар, можно рассматривать как вполне сложившуюся религиозную систему с развитыми формами ритуала.

Эти верования у кряшен приобрели характер переходной формы между политеизмом и монотеизмом. Образ Тенгере был связан с целым рядом теистических категорий – он выступал в роли Верховного и Единого Бога-демиурга, являлся создателем мира, его управителем, от милости которого зависит судьба всего сущего на земле. Признавая верования, связанные с почитанием Тенгере у старокрещеных татар, религиозной системой, близкой к монотеизму, все же не следует однозначно относить ее к последней. В своей идеологической основе она продолжала оставаться хотя и «высшей», но все же формой политеизма. Веря в существование «своего» Верховного Божества, кряшены признавали также наличие «русского», «чувашского» Бога. Сам образ Бога-Тенгере в их сознании длительное время не был идентичен и не сливался с трансцендентным образом авраамического («русского» и «татарского») единого

Бога и христианского св. Ильи-пророка. Напротив, существовала определенная бинарная оппозиция. Как отмечал в 1870-х гг. православный миссионер и этнограф С. Максимов, жители дер. Крещеные Ковали (*таза кергиен*) очень обижались, когда их Бога называют «Алла», и подчеркивали, что у них Бог свой, и зовется «Тенгере»¹. Во многом культ Тенгере и сам его образ у кряшен семантически были намного ближе к религиозным образам Верховного Божества у чувашей («Тура»), марийцев («Юмо»), удмуртов («Инмар»), мордвы («Нишке» / «Шкай»), чем к монотеистическим взглядам на Бога в христианстве и исламе. Как в политеистических верованиях других коренных народов Среднего Поволжья, в религиозных представлениях старокрещеных татар Верховный Бог был антропоморфен (Бог-дед), религиозная система в целом имела дуалистический характер, в пантеоне наряду с Тенгере существовали божества (духи) более низкого порядка (хозяева мест, киремети), которым также приносились жертвы, совершались моления. В отличие от авраамического Бога, к Тенгере нельзя однозначно применять такие категории, как «добрый», «всепрощающий». Он, в соответствии с антропоморфными представлениями, наделялся характерными для человека качествами: был амбивалентен – мог быть милостивым и «добрым» по отношению к тем, кто его чтил, приносил ему жертвы. Напротив, на богохульников и лиц, не оказывавших ему почтения, мог наслать неисчислимые бедствия, болезни, засуху, побить урожай градом, даже убить ударом молнии.

По представлениям старокрещеных татар, Тенгере имел облик ветхого старика с седыми волосами и бородой невообразимых размеров. Наряду с антропоморфной формой, Верховное Божество выступало в абс-

трактно-отвлеченном образе – Голубого Неба, в более широком смысле вселенского космоса. Тенгере являлся создателем неба и земли, он вездесущ, нет места, где его бы не было². Образ Тенгере подвергался определенному табуированию. Нельзя было изображать его в вещественной форме (в форме идолов и статуй). Единственным допускаявшимся вещественным символом Божества являлось священное дерево – «*тире*», возле которого совершались общественные моления и жертвоприношения в его честь. Кряшены старались использовать завуалированные термины при его обозначении. В частности, вместо Тенгере использовались такие понятия, как Небесный царь, древнеиранский термин «Кыдай» / Ходай³. Запрет на использование имени Тенгере отмечается в целом ряде религиозных обрядов. Во многих молитвах это имя также или полностью опускалось, или заменялось другим.

Как в религиозном пантеоне многих народов мира, Верховное Божество у старокрещеных татар являлось Богом-громовержцем. По его воле гремит гром и сверкают молнии, идет дождь, падает град, от него зависит, какой будет урожай. Кряшены верили, что гром гремит в тех случаях, когда Тенгере борется с вырвавшимся на волю из своей железной тюрьмы Шайтаном (Дьяволом). Для этого он запрягает телегу (колесницу) небесными рысаками. Преследуя Шайтана, Тенгере быстро разрезает по небу. В одной руке он держит вожжи, а другой крепко настигает лошадей длинным кнутом. От сильного сотрясения неба, производимого от езды повозки, происходит гром. От хлопания его кнута сверкают молнии, и видится на небе огонь. Существовало и другое поверье, согласно которому гром и молния происходили от того, что во время езды по небу Тенгере ударялись

друг о друга огромные металлические шары «в виде гири», привязанные сзади к его повозке⁴.

Во время грозы кришены обычно замечали: «Әнә Тәҗгере бабай йөри» («Вон Бог-дед ходит»), «Тенгере бабай кюкрәтә» («Бог-дед гремит»). В период борьбы Тенгере с Шайтаном люди должны были вести себя как можно скромнее и тише. Детям указывалось сидеть смирно на одном месте, не вставая и не шевелясь. Не разрешалось выходить из избы, необходимо было закрыть все щели, занавесить окна. Запрещалось употреблять пищу (со стола убирались все съедобные припасы), громко разговаривать, смеяться и, особенно, сквернословить. Данные запреты подкреплялись целым рядом легендарных рассказов. По одному из них во время грозы один кришен сел обедать. Несмотря на слова жены о возможном гневе и наказании со стороны Тенгере за богохульство, муж продолжил прием пищи, за что и поплатился – тотчас его поразила молния⁵. Само поражение молнией человека являлось признаком того, что он вел неправедную жизнь и совершил неугодное Богу деяние, являлся большим грешником⁶. Пораженное молнией жилое строение нельзя было потушить с помощью воды. Божественный, небесный огонь мог быть залит лишь с помощью молока⁷. В этих представлениях соединились два отдельных аспекта, связанных с взглядом на природу божественного огня Тенгере: 1) функциональное – такой огонь сверхъестественного происхождения нельзя было потушить обычными способами; 2) сакральное – тушение обычными средствами не допускалось вследствие обожествления этого огня. Это явилось бы признаком неуважения по отношению к Богу и его символу.

Некоторыми дополнениями к характеристике Верховного Божества

у старокрещеных татар могут послужить сохранившиеся представления о Тенгере у татар-мусульман. Вследствие сильной исламизации образ древнетюркского божества у татар-мусульман в значительной степени слился с образом Аллаха. На последнем был перенесен ряд характерных антропоморфных черт Тенгере. У татар-мусульман при обращении к Божеству встречалось (и встречается) использование обозначения Бог-дед – «Алла-бабай», взгляд на божественную сущность грозы и молний. В народном сознании татар-мусульман Заказанья существовало представление, что после захода солнца «Алла-бабай» «не видит» всех совершаемых человеком грехов. Поэтому в это время суток некоторые татары позволяли себе некоторые отступления от норм исламской религии. В отличие от старокрещеных татар, по воззрениям татар-мусульман, Тенгере напрямую не вмешивался в дела людей, не карал за нарушение своих заветов⁸. Поражение человека молнией рассматривалось как явление совершенно случайное: «преследуемый шайтан скрывается около людей; тогда Тенгере направляет искру своей молнии, может нечаянно убить и человека. Поэтому, чтобы шайтан не мог близко подойти к человеку, татары во время грозы читают каждый про себя молитву «Ла хаула ва ла кувата илла биллахил галиель газым» или «Бисмилля», произношение которых сильно пугает злых духов»⁹. У татар-мусульман Оренбургской губ. сохранялась вера, что Тенгере можно увидеть во время открытия небесных врат – «кек капка эчелгәндә» в одну из священных ночей мусульманского календаря. Открытие небесных врат продолжалось недолго: в это время земля освещалась каким-то особенным серебристо-белым светом лучей, нисходящих с неба – «Хыдай рәхмәте», «Тянгере рәхмәте» («Бо-

жественная благодать»). Всякая просьба и молитва, произнесенная в это время, непременно удовлетворятся Богом. Но это явление могли увидеть лишь редкие избранные люди¹⁰.

По поверьям старокрещеных татар, от милости Тенгере, являвшегося повелителем небесных и земных стихий, полностью зависело благополучие сельского жителя – он мог дать обильный урожай, или, напротив, побить его градом, устроить засуху, мор скота. Для того, чтобы заручиться его милостью и поддержкой, необходимо было совершать моления и жертвоприношения. Практически весь комплекс наиболее значимых традиционных религиозных обрядов аграрного периода (весна – осень) в первой половине XIX в. у кряшен был в той или иной степени связан с культом Тенгере.

Цикл аграрных культов открывал праздник *Шыйлык / Сабантуй*¹¹, отмечавшийся перед началом сева ярового хлеба, после того как высыхала земля. Данный комплекс празднично-обрядовых действий занимал важное место в религиозной и культурной традиции кряшен, о чем свидетельствует и название месяца, в котором он проводился (май), в их народном календаре – «Сабантуй ае» (месяц Сабантуя)¹². По мнению известного этнографа, исследователя празднично-обрядовой культуры татар Р.К. Уразмановой: «Истоки празднования Сабантуя уходят в глубокую древность и связаны с аграрным культом. Об этом свидетельствует его название: сабан означает «яровые» или в другом значении – «плуг», а «туй» – «свадьба», «торжество». Таким образом, смысл слова Сабантуй – торжество в честь яровых. Первоначально цель обряда, очевидно, заключалась в задабривании духов плодородия с тем, чтобы благоприятствовать хорошему урожаю в новом году»¹³. В то время как у татар-

мусульман данный праздник в XIX в. во многом потерял свое религиозное значение, превратившись в увеселительное мероприятие с массовыми гуляньями народа и различными играми, хотя и сохранив свой значимый, общенациональный характер¹⁴, у татар-кряшен он продолжал бытовать в первоначальном смысле.

Сам этот религиозный праздник у старокрещеных татар состоял из двух основных частей: «Шыйлык» – праздник преимущественно «старшего поколения» (религиозный) и собственно сам Сабантуй – праздник «молодежи» (светский). Этимология слова шыйлык не совсем понятна. По мнению Р.Г. Ахметьянова, слово шыйлык в разных фонетических вариантах бытует у ряда тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья, например: чувашское «шальлак», «шилек» – «стол посреди двора в доме невесты для свадебного угощения»; марийское – шельк – «свадебная обстановка, стол обычно во дворе; старо-турецкое – «царский пир»¹⁵. Схожий смысл вкладывается в это слово у бакалинских и чистопольских кряшен. У татар Оренбуржья встречается выражение «шеллекэ чыгу» в смысле пойти на пикник, гулянье¹⁶.

Довольно близкое лексическое значение этого слова в разных языках может говорить о широком распространении этого праздника в прошлом у народов Среднего Поволжья и единой семантике этого праздника. Само смысловое значение праздника Шыйлык как общенародного торжества и действия, связанного со свадебным ритуалом («туй»), также кажется не случайным. Об этом свидетельствуют и религиозно-обрядовые действия, связанные с этим праздником. Особая торжественность, сопровождавшая этот праздник, массовые угощения жителей деревни, действительно в символическом смысле могут рас-

смастываться как некое свадебное действо, в котором в роли невесты выступает земля – символ женского начала, и орудие земледельческого труда человека – сабан – символ мужского начала (фаллический образ). Символические основы этого праздника также связаны с таинством семейной жизни – акт оплодотворения земли с помощью плуга и крашенных яиц, зарождение новой жизни (всход яровых). В более широком смысле под словом шыйлык у кряшен понималось любое мероприятие, сопровождавшееся торжественным угощением. Наряду с весенним праздником, предшествующим севу яровых, в ряде селений Мамадышского у. шайлыком назывались общественные обряды в летний период¹⁷.

Праздник Шыйлык обычно отмечался в первый день недели (понедельник)¹⁸. У старокрещеных татар Мамадышского у. Казанской губ. (дер. Никифорово (Чия баш)) в назначенный для праздника день, утром молодые люди, собравшись вместе, отправлялись по домам для сбора крашенных яиц (*сйргн*). Каждая хозяйка должна была дать столько яиц, сколько в ее доме малолетних детей, усердные старухи давали больше «за здравие куриц». Пройдя через все дома, молодежь собиралась на поляне около деревни. В это время сюда подходили и молодые девушки. Все выстраивались в ровные ряды, а старики ходили по рядам и выдавали каждому по крашеному яйцу. Затем разводился большой костер для проведения обряда «очищение огнем» – присутствующие прыгали через костер, чтобы предохраниться от сглаза и злых духов.

В полдень начинались общественные моления. В каждом доме в ночевки ссыпалось около 5 фунтов (2 кг) ярового зерна, на которое сверху клали два ржаных каравая, блюдо со сметаной или творогом, медом и два

крашенных яйца. С собой брался также кувшин или ведро с пивом или вином. Члены семьи в праздничной одежде с приготовленными блюдами отправлялись на поляну шыйлык. Сюда жителями деревни сносились ночевки, которые выкладывались в ровные ряды. После сбора всех домохозяев начиналось моление. Взяв в руки ночевки, мужчины молились Тенгере, делая периодически поясные поклоны – у Бога просили хорошего урожая, благополучия в предстоящем году. Другой целью этого моления было символическое освещение ярового зерна. Во время ритуала соблюдалась полная тишина. В общий жертвенный котел из ночевки бралась часть принесенной пищи. Всю эту смесь – творог, мед, сметану, яйца – особо назначенные обществом распорядители из числа стариков размешивали и после второй молитвы, в которой участвовало старшее поколение, начинали распределять между присутствующими. Мужчинам полученную кашу намазывали на краюху хлеба, женщинам наливали в чаши. Освященное при молении зерно яровых сохранялось. Оно вместе с крашеными яйцами смешивалось с остальным зерном и употреблялось при севе¹⁹.

У закамских кряшен (Мензелинский у. Уфимской губ.) традиция проведения этого праздника несколько отличалась от обрядового комплекса кряшен Заказанья. Торжество начиналось с утра. Примерно в шесть часов из каждого двора мужчина в праздничной одежде в сопровождении детей отправлялся на особую площадь или лужайку, отведенную для проведения праздника. В ночевке они приносили семена яровых хлебов – проса, овса, пшеницы, полбы, а также яйца, окрашенные травяным соком, и молочные продукты (масло, творог, кислое молоко). Принесенные ночевки с продуктами выкладывали рядами в

форме прямоугольника. Старейшины совершали моления, не снимая головных уборов. После чего готовилось жертвенное угощение. Принесенные молочные продукты сливались в один котел, в которые затем примешивали нарезанные крупными кусками сваренные вкрутую яйца. Приготовленная таким образом каша разливалась в большие чаши представителей дворов (родов). Ближе к полудню, когда расходились мужчины, на Шыйлык собирались женщины. Каждая хозяйка дома, одетая по-праздничному, в сопровождении дочерей, золовок и невесток приносила на место проведения праздника большие блюда с предварительно приготовленной молочной кашей, полбенной или просяной, которые выставлялись в правильной форме на поляне. Приглашенные служители культа, становясь рядами, взяв в руки блюда с кашей, произносили молитву. После моления старики пробовали кашу, что означало разрешение к употреблению пищи всеми присутствующими²⁰.

После совершения общественного моления главы семейств (кряшены прихода с. Чуры Мамадышского у. Казанской губ.), запрягши лошадь в соху, привязав к ней борону и взяв семена, отправлялись в поле для начала посева. Во время выезда со двора хозяйка обсыпала мукою запряженную лошадь. Затем вслед за мужем со всем семейством и продуктами, оставшимися после праздничной трапезы, жена отправлялась в поле. Хозяин, вспахав полосу земли близ дороги в три сажени длины (6,40 м) и в сажень ширины (2,13 м), засеивал яровой хлеб (овес, полбу или пшеницу). Вместе с семенами в пашню кидали крашеные яйца, которые затем собирались маленькими детьми. Заборонив пашню, все члены семейства садились на нее есть и пить принесенные хозяйкою блюда. У жителей дер. Никифорово

перед употреблением пищи на засеянном поле совершался обряд жертвоприношения земле (хозяину / хозяйке земли). От принесенного цельного каравай хлеба отрезалась краюшка, которая вместе с крашеным яйцом зарывалась в землю²¹.

После трапезы, оставив в поле соху и борону, жители спешили вернуться в деревню для проведения второй части праздника – Сабантуй. Эта часть праздника была практически идентична торжествам, связанным с проведением Сабантуя у татар-мусульман. Красочное описание этого праздника у старокрещеных татар Мамадышского уезда Казанской губ. оставил священник с. Чуры И.М. Ляпидовский: «Все жители селения собираются ... к воротам ярового поля, где бывает скачка на лошадях, борьба, выбежки и прыжки молодых людей; отличившиеся получают награждения такие же, какие и у татар. Иногда в выбежку избираются люди самые престарелые, такая партия в зрителях производит сильный хохот. По окончании молодецких потех все уходят с поля и собираются в ту часть селения, которая особенно приготовилась угощать прочих. Где на дворы, который просторнее других и покрыт лужайкою, ставят столы и скамьи, пришедшие садятся за них; каждая хозяйка этой части селения приносит в большой чаше токмач и ложки, а хозяин – ведро пива и угощает по ряду всех. Покушав, все расходятся по домам и пируют всю ночь. Этот праздник продолжается дня три. После сабана принимаются за работу, если время теплое, а когда бывает холодно или дождь, посев отлагается до приятной погоды»²². Схожий характер празднования Сабантуя отмечается у молькеевских кряшен²³.

Шыйлык / Сабантуй являлся одним из немногих религиозных праздников аграрного цикла, отмечаемый в первой половине XIX в., имевший

значимый общекряшенский характер, в котором отсутствовал акт кровавого жертвоприношения, что также имело символическое значение. Культ плодородия, обряды символического оплодотворения земли («свадьба плуга и земли»), связанные с зарождением «новой жизни», не предполагали совершения обряда жертвенного лишения жизни, что противоречило бы функциональным и сакральным основам этого праздника. Жертвенное животное заменялось продуктами сельского хозяйства. Особая роль в обрядах, связанных с проведением этого праздника, принадлежала крашеным яйцам – очень древнему символу плодородия, встречающемуся у многих народов мира. Наряду с почитанием Тенгере в обрядах, связанных с проведением этого праздника, отмечаются следы культа земли и его хозяина / хозяйки. По мнению Р.Г. Кашафутдинова, в обрядовых действиях, связанных с проведением этого праздника, прослеживается связь с почитанием предков: «Во всем этом (т.е. обрядовом комплексе. – Р.И.) проступает древний поминальный характер весеннего праздника, ибо первые весенние поминки связаны с таянием снега и оживления всей природы»²⁴. В пользу этой версии говорят параллели в праздновании Шыйлык у кряшен и Шилек у чувашей-язычников. У последних в этом празднике довольно четко выделяются ритуальные действия, связанные с поминовением предков²⁵.

Праздник плодородия, праздновавшийся перед началом посевного сезона, схожий с татарским праздником Сабантуй, отмечается у чувашей (Акатуй), марийцев (Ага пайрам), удмуртов (Акаяшка), башкир (Хабантуй). К общим моментам этого праздничного комплекса у нерусских народов Волго-Уралья можно отнести обряды, связанные с проведением общественного моления в поле, посвященные

началу сева яровых культур (за исключением татар-мусульман и башкир), коллективными угощениями и народными гуляньями²⁶. В несколько исламизированной форме у чувашей-язычников, проживавших в контактных зонах рядом с татарами (Цивильский и Свяжский у. Казанской губ.), встречалось и проведение праздника Шыйлык (Шилек). Он отмечался у них перед православной Пасхой. В качестве молельщиков и служителей культа приглашались муллы или знающие исламские обряды татары, за что они получали садаку (пожертвование). Все присутствующие повторяли движения, совершаемые имамом, впрочем, не произнося мусульманские молитвы. После общественного моления совершалось торжественное угощение присутствующих жертвенной кашей и принесенными хозяйками из дома блюдами. Обильно употреблялось специально приготовленное к празднику пиво. После чего народ расходился по домам, где продолжал праздновать. В этот день было принято ходить в гости, устраивались общественные гулянья с песнями и плясками²⁷.

Особый комплекс религиозных ритуалов, связанных с аграрным культом и почитанием Тенгере у кряшен, составляли обряды общественных жертвоприношений – «*корман*». Само слово «корман» имеет исламские корни и происходит от тюркского «корбан» (арабск. *Ид аль Адха*) – мусульманский праздник, отмечаемый после окончания Хаджа (паломничества в Мекку), через 70 дней после праздника Ураза байрам, в 10 день месяца Зуль-хиджа, в память жертвоприношения пророка Ибрагима, сопровождающегося общественным жертвоприношением. Корманы совершались в соответствии с аграрным календарем и были направлены на умилоствление Верховного Божества, чтобы он

дал богатый урожай и приплод у скота, охранял их от стихийных бедствий и болезней. У кряшен можно выделить общественные жертвоприношения, проводившиеся весной перед началом сева («*сабан корманы*») (жертвоприношение плуга), в середине лета («*корман*»), осенью («*узым корманы*») (жертвоприношение озимых)). У этих обрядов не было четко очерченных дней проведения. В каждой деревне он проводился в соответствии со сложившейся традицией. В зависимости от внешних обстоятельств, погоды жертвоприношение могло быть отложено и перенесено до благоприятных обстоятельств.

Не было и четко определенно-го правила, какое животное должно быть принесено в жертву. Пожалуй, главным фактором здесь выступали материальные возможности жителей. В больших и богатых селениях, где население относилось ревниво к древним верованиям, чаще в качестве жертвы выступал крупный рогатый скот – корова или бык. Отмечались случаи принесения в жертву белой лошади. Более распространенным было жертвоприношение овец и кур. Не допускалось использование в качестве жертвы свиньи, считавшейся «нечестивым» и «не богоугодным» животным. По всей видимости, с этим связан факт, что вплоть до 1870-х гг. разведение свиней не было распространено среди кряшен и встречалось лишь в селениях с преобладающим русским населением. В ряде кряшенских деревень сложилась традиция годовичного чередования жертвенных животных. Так, в дер. Шеморбаш Мамадышского у. Казанской губ. летом раз в три года совершался «*сыер курманы*» (жертвоприношение коровы), в остальные годы в жертву приносились овцы («*тгя курманы*») и куры («*таук курманы*»)». Жертвенное животное должно было быть

без физических дефектов. Наиболее желательным окрасом считался белый и красный цвет (цвета солнца и Тенгере). При невозможности найти жертву с таким цветом допускались животные с пегим и серым окрасом. При жертвоприношении нельзя было использовать животное черного цвета, в том числе со сложным окрасом, в котором присутствовал хотя бы один черный волосок²⁹.

Весенние общественные жертвоприношения, зафиксированные у старокрещеных татар Мамадышского у. Казанской губ., Елабужского у. Вятской губ. были приурочены к началу нового аграрного цикла. Проводились для того, чтобы заручиться поддержкой и милостью Бога в предстоящем сельскохозяйственном сезоне. На общественные деньги покупалось жертвенное животное. Отдельно собирались крупа, соль, яйца, молоко и масло для жертвенной каши. Распорядителями жертвоприношения и моления выступали мужчины старшего поколения («*корман аталары*») (отцы жертвоприношения)). Корман совершался на специально отведенном месте («*корман урыны*»), считавшемся священным. Произносятся особые молитвы, ковшик совершал обряд жертвоприношения. Из мяса животного в особых котлах («*корман казаны*») варился бульон, в который затем добавлялась каша. После приготовления жертвенной трапезы старейшины совершали молитву. Во время ее служители культа стояли с покрытыми головами. Не допускались атрибуты из христианского вероучения – во время молений нельзя было креститься, приносить с собой кресты и православные иконы. Молясь, держали в руках чаши, при этом периодически совершая поясные поклоны. После молитвы присутствующие мужчины и женщины, не исключая и детей, приступали к торжественной трапе-

зе. Масло для каши давалось только для стариков, а для других делалось нечто вроде жидкой яичницы из молока, яиц и бульона. Эта яичница употреблялась только при жертвоприношениях³⁰.

В середине лета, в первых неделях июля старокрещеными татарами проводилось общественное жертвоприношение, направленное на предохранение урожая от стихийных бедствий (чтобы его не побил градом), вызов дождя. Предварительно перед днем жертвоприношения распорядителем с домохозяев собиралась определенная сумма денег, на которые покупалось жертвенное животное. Утром в день праздника старшее поколение собиралось на месте кормана. Специально назначенными обществом лицами, из числа «аксакалов», хранителей заветов предков, во главе с распорядителем совершалось жертвоприношение. При этом произносились специальные слова, что эта жертва приносится в честь Тенгере. После закалывания животного его мясо распределялось по специальным котлам. Наряду с мясом в котлы добавлялись внутренности животного. Когда вода в котлах начинала закипать, на общественное моление приглашались все жители селения. Женщины приносили с собой в чашках крупу (просяную, полбенную, гречневую и т.д.). Сваренное мясо вынималось из котлов, его место занимала крупа. Приготовленную кашу специально назначенная женщина («корман анасы» (мать жертвоприношения)) распределяла между присутствующими, а «корман атасы» – куски жертвенного мяса. Затем старейшины призывали народ к молению. Одна из вариаций этой ритуальной формулы звучала так: «Түбәсенә туклыгын бирсен, тамырына ныклыгын бирсен, халыкка бирсен, халык янында безгәдә бирсен, башлык теләкне кутәрик беләкне» – «Вершкам да упитанность

даст, корешкам да прочность даст, народу даст, а с народом и нам, начнем моление да поднимем руки»³¹. Затем все присутствующие, взяв в руки чаши с жертвенной пищей, совершали молитву. После моления приступали к еде. Каждая семья рассаживалась возле своей родовой чаши, образуя небольшие кружки и благоговейно съедала жертвенную пищу. В это время «корман аналары» кропили собравшихся водой произнося: «Тенгере бабай жангыр бирсен» (Дедушка-бог пусть даст дождя)³². У кряшен Мамадышского у. Казанской губ. существовала традиция после совершения кормана сжигать кости жертвенного животного³³.

Проведение осенних жертвоприношений в целом соответствовало обрядовой традиции весенних и летних корманов. Задача этого религиозного обряда – защита озимых посевов от заморозков и благодарение Тенгере за полученный урожай яровых хлебов.

В особую группу общественных жертвоприношений можно отнести «ак балык корманы» (жертвоприношение белой рыбой), имевшее широкое распространение среди кряшен Восточного Закамья. Следы этого религиозного ритуала сохранились и у татар-мусульман в названии рыбы лещ – «корбан балыгы» (рыба жертвоприношения)³⁴. Этот обряд совершался обычно в середине лета. Его отличительной чертой было принесение в жертву вместо животного белой рыбы. «Ак балык курманы» не имело обязательного характера для всех жителей селения и проводилось в связи с необходимостью заручиться поддержкой или поблагодарить Бога. Это жертвоприношение могло совершаться всем сельским обществом и отдельными семьями как на общественном месте жертвоприношения, так и во дворе дома, на лужайке возле деревни³⁵.

Наряду с жертвоприношениями с четкой периодичностью проведения, у старокрещеных татар отмечаются курманы, имевшие ситуативный характер. Они совершались в случаях стихийных бедствий – когда происходил массовый падеж скота, вспыхивали эпидемиологические болезни среди людей. Кроме того, жертвоприношения устраивались людьми, давшими зарок исполнить это в случае удачного предприятия, излечения от болезни, или просто богатыми людьми, желающими совершить богоугодное дело.

В день проведения курмана старокрещеные татары старались отказаться от работы, одевались в праздничные костюмы. Перед совершением жертвоприношения предварительно ходили мыться в баню. Современники, наблюдавшие этот религиозный обряд, отмечали, что этот день для жителей был праздником, особым торжеством. На лицах кряшен, идущих на курман, отмечалась радость, младшее поколение весело переговаривалось между собой, смеялось³⁶. Совершение наиболее значимых жертвоприношений, имевших общественный характер, было обязательно для всех жителей, нарушение исполнения этого ритуала рассматривалось обществом, в особенности старшим поколением, как отказ от складывавшихся на протяжении столетий традиций, заветов, оставленных предками, ведущий за собой неминуемое наказание со стороны сверхъестественного мира.

Обряд совершения кровавого жертвоприношения во время аграрного сезона, вызванного засухой, желанием предохранить урожай от стихийных бедствий, отмечается также у татар-мусульман. В частности, в дер. Татарской Юнки Краснослободского у. Пензенской губ. считалось, что их поля требовали проведения корбана через каждые 7 лет, в дер. Кикино

Чембарского у. этой же губ. жертвоприношение овец совершалось один раз в несколько лет, с пожеланием плодородия. Схожие обряды проводились в татарских деревнях Гордино, Татарские Ключи Глазовского у. Вятской губ., Татарская Багана Чистопольского у. Казанской губ., Улькунды Златоустовского у. Уфимской губ.³⁷. Наряду с общими моментами (совершение жертвоприношения, приготовление на основе жертвенного мяса каши, общественная трапеза) в проведении этого обряда имелись существенные различия. Ислам как форма идеологического осмысления реальности оказал заметное влияние на проведение этого обряда у татар-мусульман. Главным распорядителем и действующим лицом у них являлся местный имам (мулла), жертвоприношение и моления совершались по правилам мусульманского вероучения. Само сохранение этого религиозного праздника у татар-мусульман в отличие от множества других обрядов, имевших также в своей основе древние политеистические представления их предков, было связано с тем, что он в целом не противоречил нормам ислама и довольно легко облекался в его внешние формы. Как известно, акт жертвоприношения занимает важное место в проведении одного из основных мусульманских праздников – *Корбан бйиртм*. Этим же можно объяснить широкое распространение среди татар-мусульман проведения обряда *нйзер корбаны* (обетное жертвоприношение), встречаемого также и у кряшен. Другим важным отличием было место проведения. По наблюдениям Р.К. Уразмановой, в ряде татарских селений (деревни Гордино Глазовского у. Вятской губ., Татарские Юнки Краснослободского, Кобылкино, Решетино Чембарского у. Пензенской губ., Татарская Багана Чистопольского у. Казанской губ.)

жертвоприношения совершались на старых кладбищах или могильниках, относящихся к периоду Волжской Булгарии и Казанского ханства³⁸. У крышен связь проведения кормана с местами древних захоронений практически не прослеживается. Возможно, причиной различия сакральной топографии у двух конфессиональных групп при проведении этого обряда является условие культурно-религиозного развития. Можно предположить, что традиционный обрядовый комплекс, связанный с проведением общественных жертвоприношений у татар-мусульман, начал разрушаться и вытесняться исламом в период, когда он был тесно связан с культом предков, в то время как у крышен продолжал самостоятельно развиваться и к XIX в. превратился в сугубо аграрный религиозный праздник.

В комплексе обрядов, относящихся к аграрному культу, отмечавшихся у всех групп крышен, можно выделить религиозные ритуалы, связанные с проведением общественных молений о дожде – «чук». Тесная связь молений о дожде с насущными потребностями хлебопашца в получении хорошего урожая, предотвращении засухи предопределила его важное значение в системе народной религии крышен. В отличие от других религиозных обрядов, связанных с почитанием Тенгере, чук сохранил свое значение в период глобальных культурных изменений в жизни крышен второй половины XIX – начала XX в., связанных с усилением у них влияния православия, разрушением прежних патриархальных основ функционирования общества, и продолжал бытовать вплоть до 1950-х гг. О значимости этого религиозного обряда может свидетельствовать широкое распространение гидронимов, связанных с молениями о дожде, в регионах компактного проживания крышен. Так, в Заказанье имеются реки с

названием «Чук елгасы» (Река чук) – бассейн реки Аты в Арском р-не РТ, бассейн реки Аштыт в Сабинском р-не РТ, бассейн реки Казан, «Чук чийми-се» (Родник чук) – бассейн реки Аксар в Заинском р-не РТ и др.³⁹

Этимология слова чук имеет очень древнее происхождение. Довольно сложно установить его первоначальное значение. Во второй половине XIX в., когда обряды, связанные с проведением моления о дожде стали объектом специального исследования со стороны этнографов и православных миссионеров, сами старокрещеные татары уже не могли объяснить смысл этого слова⁴⁰. В современном татарском языке, в его отдельных диалектах и говорах известны различные варианты слов, обозначающие этот праздник, например: заказанский говор – чульмянчек / чурмянчек / чормянчек, бирский – карга боткасы, кузнецкий, хвалынский – йангыр боткасы, темниковский – йангыр намазы⁴¹. Схожие по лексическому значению слова встречаются и в других языках: чувашское учук, чук, марийское цок, чок, удмуртское чек, чеке, цок, мордовское озск. Слово чок в значении «жертвенное окропление идолов» имеется у алтайцев. В казахском, киргизском и туркменском языках учук, ушук означает «пузырьки на губах от болезни», которые якобы исчезают, если плюнуть на раскаленное железо с наговором. У башкир сок означал взятие нового огня, осок идола. Исходя из параллелей в значении этого слова в разных языках, Р.Г. Ахметьянов приходит к мысли, что первоначально этот обрядовый комплекс у древних тюрков был связан с культом огня, который при переходе их к земледелию стал календарным праздником аграрного цикла и в таком виде был заимствован местными финно-угорскими народами⁴². По мнению Ф.С. Баязитовой, слово чук,

употреблявшееся у кряшен в смысле полевого моления о дожде, имеет прямое отношение к татарскому чук – кисть руки, в первоначальном значении множество предметов, стоящих близко друг к другу. В пользу этой точки зрения может говорить факт употребления слова чук у заказанских кряшен в значении сборища (*үйен*), в смысле улицы, кучки домов, в говоре пермских татар⁴³.

У кряшен отмечается значительное расхождение в обрядовом комплексе, связанном с проведением молений о дожде, в том числе в самих ее сакрально-символических основах. При этом значительные типологические различия можно выявить внутри отдельных групп, проживавших на единой территории и поддерживавших тесные культурные и семейные контакты между собой и жителями соседних селений.

Особой архаичностью отличался обряд чук у жителей дер. Большой и Нижний Арняш Мамадышского у. Казанской губ. Моления о дожде проводились здесь ежегодно в определенное время года (в середине лета) и напрямую не зависели от состояния погоды (было ли в это время бездожье). В совершении этого обряда в данной местности можно выделить религиозные ритуалы, связанные с культурами Тенгере, хозяина / хозяйки воды, дерева, рода. Сам этот праздник можно рассматривать как реликт общинно-родового устройства общества. Не случайно, что наряду со словом «чук» для его обозначения применялся термин «үйен»⁴⁴ – древний родовой праздник татар, бытовавший у татар-мусульман и отчасти татар-кряшен (Мамадышский и Казанский уезды Казанской губ.) вплоть до начала XX в. Параллели в проведении чука и праздновании жиена прослеживаются и в его общественно-семейном характере. На него приглашались жители соседних

селений, с которыми сохранялись семейные и родовые связи, а также татары-мусульмане. Правда, последние не присутствовали на самом молении, а участвовали в «неофициальной» части праздника, сопровождавшегося массовыми гуляниями и торжественным угощением⁴⁵.

Для совершения чука в середине июля старшее поколение дер. Большой Арняш обоего пола собиралось возле священного древнего дуба («*тире*»), росшего в лесу около деревни. Невдалеке от него протекал священный ручей, питавшийся горными ключами. На заклатие пригонялись специально приготовленные животные из числа крупного и мелкого рогатого скота, предварительно купленные на деньги семейств, участвовавших в молении. Служителями культа сооружались специальные перекладки для жертвенных котлов. На месте непосредственного жертвоприношения раскладывались длинные полоски дубовой коры с предварительно нанесенными на них родовыми тамгами семейств, участвующих в данном обряде. Распорядитель моления, которым не могло быть лицо, являвшееся главным молельщиком во время кормана, произнося молитву, резал животное, стараясь, чтобы кровь жертвы разливалась по всей поверхности импровизированного настила. Затем обгаженными кровью кусками коры опоясывалось дерево, обратив окровавленную сторону к стволу. Из мяса и принесенной крупы готовилась жертвенная каша, после чего на молении приглашались остальные жители селения. Распорядительницей моления каша распределялась в чаши, мясо укладывалось в особые лубяные коробки. Жертвенную пищу торжественно переносили непосредственно к священному дубу, где устанавливался стол. Три старейшины, взяв в руки чаши с едой, состоявшей из жертвенного мяса и

яичницы, с покрытыми головами, обротившись к дубу, совершали моления, делая при этом поясные поклоны. У Тенгере просили дождя и обильного урожая. Во время моления, продолжавшегося около четверти часа, все присутствующие сохраняли молчание. После его окончания старик, заколовший жертвенное животное, шел с чашей к священному ручью, куда кидал часть пищи в жертву хозяину / хозяйке воды. Прочие также могли последовать его примеру – принести в жертву крупу, соль, мелкие монеты. Завершало обрядовые действия торжественное угощение⁴⁶.

Более распространенный характер имели общественные моления о дожде без кровавых жертвоприношений. Традиционно чук совершался один или несколько раз в летнее время года (во время засухи). Основной целью его проведения было предотвращение засухи и вызов дождя. Во второй половине XIX – начале XX в. этот обряд теряет свою четкую периодичность и все чаще начинает проводиться от случая к случаю, лишь во время сильной засухи. Главными действующими лицами, распорядителями, а часто и инициаторами этого обряда выступали женщины. Гендерный приоритет в этом вопросе может говорить: 1) об определенном стадийном уровне, когда сформировался этот ритуальный комплекс, – можно предположить, что время появления этих религиозных обрядов совпало с периодом, когда роль женщины в обществе была довольно велика; 2) о важном сакральном значении женского начала в культуре плодородия.

В день, назначенный для проведения чука, женский пол старшего поколения шел на определенное место на берегу реки или другого крупного водоема («чук урыны»). Чук урыны рассматривался как сакральный locus. Заходить сюда обывателям было

разрешено лишь во время проведения обряда. Специально назначенные женщины следили за этим местом, поддерживали здесь чистоту и порядок. В ряде селений чук урыны отгораживалось, для входа устраивались специальные стилизованные ворота⁴⁷. Для жертвенных котлов здесь имелись специальные перекладки, крепившиеся на столбах. С собой на чук брались продукты питания для приготовления жертвенной каши и жертвенные котлы. Во время этого праздника кряшенами Восточного Закамья надевалась особая одежда – мужчинами специальные халаты вроде чува / чыба, женщинами вместо обычных платков – *ак жаулык* (белый платок)⁴⁸. Главная молельщица (*кляу анасы* – буквально, мать моления), наряду с платком, надевала особое одеяние обязательно белого цвета⁴⁹.

Среди участвующих в обряде женщин выделялись наиболее пожилые и уважаемые жительницы, выполнявшие обязанности служителей культа. Например, в с. Янцевары Лаишевского у. Казанской губ. главная роль в проведении обрядов принадлежала старейшине-распорядительнице – «Тенгри» и ее помощницам – «*ўир анасы*» (мать земли), «*ўир атисе*» (отец земли), «*кояш анисе*» (мать солнца), «*кояш атисе*» (отец солнца), «*су анасы*», «*су атасы*», «*ўил анасы*», «*ўил атасы*» и т.д. Надо полагать, что данные «высокие» звания являлись архаичными следами существовавшего ранее жречества, в ведении которого находилась организация религиозного ритуала тому или иному божееству⁵⁰.

Чук начинался с обрядового купания. Все присутствующие входили в воду, не снимая с себя одежды кроме головных уборов. Выйдя из воды, одевались во все чистое и сухое и тогда принимались готовить болтушку, в роде горохового киселя. При этом

вместо крупы использовалось мелко толченое полбенное зерно. В это время молодые люди ходили по домам с целью искупать встретившихся девушек. В случае, если кого-нибудь найдут, несли их на реку и кидали в воду в одежде или обливали на месте водой из ведер. В связи с этим молодые девушки в этот день до захода солнца, когда прекращался праздник, старались никуда не выходить, запирались в клетях, амбарах и чуланах⁵¹. Когда жертвенная каша была готова, она распределялась между присутствующими. Повернувшись к реке, взяв в руки чаши с кашей, жители во главе с распорядительницами совершали моления. Часть каши приносилась в жертву водной стихии⁵². Обрядовые действия завершались торжественным ужином. Ели кашу спешно, из опасения быть облитыми, потому что распорядительницы моления, как только сами завершали прием пищи, принимались поливать всех присутствующих водой из заранее приготовленных ведер. День оканчивался как праздник, играми молодежи⁵³. У закамских кряшен обливание водой иногда продолжалось до позднего вечера, превращаясь в подобие молодецкой потехи: «Все как бешеные носятся с ведрами по лужайке, гоняясь друг за другом, настигают и обливают друг друга, падают, роняют ведра, хохочут, задыхаются и т.д. Не ограничивается обливание бережком и лужайкой, – переходит на улицы, не щадит никого, вплоть до проезжающих, и под конец становится исключительным достоянием взрослых мужчин, продолжается до полночи и перед концом переходит в особое соревнование, в котором победителем считается тот, кто сумел остаться в сухом платье»⁵⁴.

Празднование чука продолжалось от одного до трех дней. В зависимости от внешних обстоятельств и сложившейся традиции его проведение могло

приобретать большие масштабы. На него собирались жители нескольких деревень, приезжали многочисленные родственники из отдаленных селений⁵⁵. В ряде деревень Мамадышского у. чук продолжался два дня. На второй день проводились общественные жертвоприношения. В них участвовали только женщины и дети. В жертву приносили белых кур, из которых вместе с крупой варилась каша⁵⁶.

Наряду с коллективными молениями и жертвоприношениями у кряшен отмечались типологически схожие религиозные ритуалы, участие в которых принимали отдельные лица и семьи. Обычно эти обряды обозначались общим словом «кляу». В татарском (кел, келяу, тел, теляу) и чувашском (кел, келев) языках этот термин применяется в смысле «языческая молитва», «моление». По мнению Р.Г. Ахметьянова, это слово происходит от общеалтайского кил / тил – моление, молитва⁵⁷. Дериват это слова теляулек / келяулек в значении «языческий идол» (в виде головы коня, надетой на деревянный столб) имеется в удмуртских и марийских говорах Северной Башкирии, где представители этих народов хорошо знают язык, обряды и обычаи местных татар⁵⁸.

Словом «кляу» у старокрещеных татар обозначалось как любое традиционное моление, так и особый вид религиозно-обрядовых действий. Кляу (как особый вид обряда) имел некоторые отличия от других традиционных молений. Его проведение имело более специализированный и частный характер. В большинстве зафиксированных случаев проведение кляу было связано с желанием человека излечиться от болезней, получить поддержку от существ сверхъестественного мира в каком-либо деле, поблагодарить Тенгере, хозяев мест или киреметь и т.д. Довольно часто инициатива проведения этого обряда

принадлежала не старейшинам деревни, а курзяя / куремче (знахарям-шаманам). Местом совершения кляу, в зависимости от функционального и сакрального значения обряда, могли быть поле, лес, опушка леса, двор, дом человека. В отличие от курманов и чуков во время проведения кляу служителем культа мог выступать любой человек, знающий традицию его проведения. Другим характерным отличием этих обрядов, относящихся к аграрному циклу, была их более тесная связь с культом хозяина / хозяйки земли, нежели Тенгере. Главным объектом поклонения выступала земля. У нее просили обильного урожая, благодарили за милость после сбора хлебов. Довольно распространенными среди старокрещеных татар являлись такие моления после сбора урожая. После сваживания хлебов глава семьи отправлялся на поле, где совершал моление в честь хозяина / хозяйки земли. Земле приносилась в жертву курица или петух. Зарезав птицу, крестьянин зарывал ее голову в землю. Сама курица съедалась дома семьей домохозяина⁵⁹. Во время совершения кляу, посвященных хозяину / хозяйке земли, наряду с птицей в качестве жертвы могли выступать овца или баран («*тякя кляу*»), бык («*кугез кляу*»), причем допускались животные черного окраса⁶⁰. Такие моления имели более длительную периодичность. Они проводились один раз в несколько лет. Одной из форм жертвоприношения хозяину земли можно считать традицию оставлять несжатым участок поля «для земли», отмечаемую у кряшен Лаишевского, Мамадышского, Цивильского уездов Казанской губ. Схожий обычай существовал у чувашей Казанской губ. По наблюдениям Н.В. Никольского, «при окончании жатвы (у чувашей. – *Р.И.*) соблюдается обычай: оставляют небольшой клочок несжатым, садятся, едят, потом

уже дожинают. Это делается, чтобы на следующий год был хороший урожай»⁶¹.

Архаичный обряд жертвоприношения хозяину / хозяйке земли после окончания уборочной страда был зафиксирован в начале 1920-х гг. А.К. Москвиным в с. Албаево Мамадышского у. Казанской губ. После сваживания ржаного хлеба местные жители приносили каравай хлеба, который завертывался в солому, специально оставленную необранной на поле, после чего это приношение закапывалось в землю. Это делалось для того, чтобы «в следующем году урожай был еще лучше»⁶².

Рассмотренный выше религиозно-обрядовый комплекс аграрного цикла являлся одним из основополагающих элементов народной религии кряшен. Не случайна его тесная связь с куклами Верховного Божества Тенгере, хозяином / хозяйкой земли и воды, т.е. с самими значимыми персонажами религиозного пантеона традиционных верований кряшен. Это вполне объяснимо, учитывая роль природной среды в формировании традиционной культуры и религиозности кряшен, а сельского хозяйства в их социально-экономическом развитии и самом укладе жизни. Оценивая систему ритуала, связанную с аграрными куклами, можно отметить четкий, складывавшийся на протяжении веков порядок обрядовых действий с жестко регламентировавшейся традицией его проведения. Несмотря на то, что фиксация и сохранение этих обрядов осуществлялись вербальным способом, передаваясь «от отца к сыну», длительное время они мало подвергались существенным изменениям и формировали единую систему аграрных культов. У этих религиозных обрядов имелась строгая периодичность, определенный ритуал, в зависимости от значения того или иного действия оп-

ределялось место его проведения, использование жертвенного животного, цвет его окраса, лица, которым делегировались права служителей культа.

Цели, которые преследовались при проведении этих религиозных ритуалов, имели довольно утилитарный, прагматичный характер – получить от Божества и духов потустороннего мира хороший урожай, большой приплод у скота, избавиться от болезней. Такая мотивация при проведении ритуальных действий аграрного цикла была довольно характерна для всех народов Волго-Уральского региона, сохранявших в своей традиции основы древней народной веры, что вполне соответствовало основам их религиозного сознания.

Главными действующими лицами при совершении аграрных культов являлись старейшины сельской общины – наиболее авторитетные люди деревни, выступавшие также в роли «хранителей веры предков». Этим лиц можно вполне однозначно отнести к категории служителей культа, обслуживающих религиозные нужды населения. Структура «жречества» у старокрещеных татар имела иерархический характер. Наряду с распорядителем, являвшимся главным модельщиком, который совершал акт жертвоприношения, имелись лица, помогавшие ему при ритуальных действиях, заведовавшие приготовлением и распределением жертвенной пищи среди присутствующих. Кроме того, общиной назначались лица, следившие за местом культа, собиравшие и хранившие средства на покупку жертвенного животного. У них имелись определенные атрибуты «высокого» положения: специальная форма одежды преимущественно белого цвета (у старокрещеных татар Мамадышского у. Казанской губ., Мензелинского у. Уфимской губ.), обязательное наличие головного убо-

ра и чаши с жертвенной кашей при молении. Отмечается также наличие некоторой семейной преемственности «жреческих» родов, его квазисловный характер. Служители культа выделялись из общего числа жителей, простые обыватели относились к ним с большим пиететом, довольно часто эти лица передавали свои «тайные» знания членам своего рода, семьи, т.е. фактически оставляли после себя преемника из числа ближайших родственников. Эта традиция может являться как пережитком древней родовой структуры общества, где жречество занимало привилегированное положение, а само это звание передавалось по наследству, так и результатом длительного развития народных представлений и влиянием окружающих религиозных систем местных народов. При этом, говоря об институте служителей культа у старокрещеных татар, необходимо подчеркнуть, что он не был столь развит как, в частности, у чувашей, и в особенности у марицев и удмуртов. Возможно, причиной этого было довольно раннее вхождение кряшен в ареал влияния мировых религий, имевших свою состоявшуюся структуру духовенства. Институциональному развитию должно было мешать также и то, что данные процессы могли сопровождаться внешними проявлениями, наличие которых могло вызывать открытые конфликты с представителями «официального» клира. С этим может быть связана типологическая близость института служителей культа традиционных верований у кряшен и мордвы – другой крупной этноконфессиональной общности, которая также относительно рано приняла христианство.

Система аграрных культов и связанных с ними религиозно-мифологических представлений, существовавших и развивавшихся у кряшен на протяжении многих столетий в

XIX в., начинает постепенно разрушаться, отдельные ее элементы вытесняются монотеистической традицией, другие подвергаются значительной деформации и трансформации, входят в состав празднично-обрядовой культуры кряшенского бытового (народного) православия. К началу XX в. мифологические образы Тенгере сливаются с образом христианского Ильи-пророка, образы хозяев мест окрашиваются в негативный оттенок, приобретая характер злых духов, «приспешников Шайтана». Хотя этот процесс у отдельных групп татар-кряшен проходил неравномерно, в целом общая тенденция сводилась к постепенной утере сакрального и религиозного

значения этих культов. Важным явлением стало введение в обряды аграрного культа новых религиозных установок и православных ритуалов. На полевые моления начинают приглашаться православные священнослужители, в большинстве своем сами являвшиеся по происхождению кряшенами, приносятся православные иконы, читаться православные молитвы. Несмотря на это, празднично-обрядовая культура аграрного цикла современных татар-кряшен сохранила многие следы архаичной религиозной культуры, дающей богатую пищу для широких историко-этнографических реконструкций традиционных религиозных верований предков татар в прошлом.

Список сокращений

- ГАКО – Государственный архив Кировской области
губ. – губерния
НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия
у. – уезд

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Максимов С.* Остатки язычества в современных верованиях крещеных татар Казанской губернии. – Казань, 1876. – С.5.

² *Максимов С.* Указ. соч. С.5.

³ У татар-мусульман этот термин использовался как синоним слова Аллах.

⁴ *Максимов С.* Указ. соч. С.5.

⁵ *Степанова С.* Сочинение курсанта старшей подготовительной группы трехгодичных Казанских кряшенских педагогических курсов о религиозно-мифологических представлениях жителей дер. Козьяковы-Челны Кодряковской волости Лаишевского кантона Казанской губ. (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр.321. Л.104.

⁶ *Сизов С.* Народный календарь кряшен // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.112.

⁷ Там же.

⁸ В этих представлениях четко прослеживается влияние исламской традиции с его взглядом на трансцендентную сущность Бога, напрямую, «физически» не вмешивающего в дела людей в их мире.

⁹ *Зорин Б.* Остатки язычества у татар Оренбургской и Уфимской губерний // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1913. – № 2. – С.54.

¹⁰ Там же. С.54.

¹¹ Необходимо подчеркнуть, что сами кряшены не разделяли два этих праздника. Один как бы дополнял второй, формируя единый религиозно-обрядовый комплекс. Слово Шыйлык часто выступало у них как синоним слова Сабантуй. Тесная связь Шыйлык и Сабантуя отмечается в этнографическом очерке священника с. Чуры Мамадышского у. Казанской губ. И.М. Ляпидовского, где впервые был зафиксирован этот праздник у кряшен (Ляпидовский И. Записка, составленная для Российского географического общества о жителях Ядыгеровской волости Мамадышского уезда Казанской губернии (1848 г.) // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.1. Д.А1./232. Л.17). О «Майдане» (т.е. Сабантуе. – *Р.И.*), «который во всем похож на «Майдан» башкир и татар», проводимый кряшенами Мензелинского кантона ТАССР и Белебеевского кантона БАССР в день Шыйлык пишет этнограф И. Коваль (Коваль И. Обряды крещеных татар (именуемых кряшен) // Краеведческий сборник. – 1930. – №2–3. – С.82). По сообщениям информантов Р.Г. Кашафутдинова из числа старшего поколения кряшен, «шийлык – это тот же сабантуй» (Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамудинов. – М., 1967. – С.370).

¹² *Баязитова Ф.С.* Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. – М, 1986. – С.182.

¹³ *Уразманова Р.К.* Современные обряды татарского народа. Историко-этнографическое исследование. – Казань, 1984. – С.80.

¹⁴ По мнению Р.К. Уразмановой, в отличие от казанских татар, первоначально мишари Сабантуй не праздновали. Его празднование отмечается лишь у отдельных групп, проживавших в контактных зонах, находившихся в тесном культурном взаимодействии с казанскими татарами. Широкое распространение этого праздника у мишарей происходит в период усиления консолидационных процессов внутри татарского общества, формирования единого культурно-информационного и национального пространства во второй половине XIX – начале XX вв. (Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (годовой цикл XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2001. – С.54).

¹⁵ *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981. – С.100.

¹⁶ *Баязитова Ф.С.* Указ. соч. – С.170.

¹⁷ *Иванов И.* Сочинение курсанта 1 курса трехгодичных Казанских кряшенских педагогических курсов «Наше село» (с. Владимирово Мамадышского у. Казанской губ.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр. 309. Л.25.

¹⁸ Возможно, с этим был связан запрет на начало полевых работ в понедельник (Петров И.В. Сочинение о сохранившихся суевериях и религиозно-мифологических представлениях кряшен (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.155 об.).

¹⁹ *Тимофеев В.Т.* Мое воспитание (рассказ старокрещеного татарина) // Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887. – С.18.

²⁰ *Коваль И.* Обряды крещеных татар (именуемых кряшен) // Краеведческий сборник. – 1930. – №2–3. – С.81–82.

²¹ *Тимофеев В.Т.* Указ. соч. С.18.

²² *Ляпидовский И.* Записка, составленная для Российского географического общества о жителях Ядыгеровской волости Мамадышского уезда Казанской губернии (1848 г.) // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.1. Д.А1./232. Л.17–17 об., Коваль И. Указ. соч. С.82 – 83.

²³ *Осипова М.* Село Молькеево Старо-Тябердиновской волости Цивильского у. Казанской губ. (16 сентября 1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Ед. хр.309. Л.556–557.

²⁴ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.371.

²⁵ Шилек // Известия по Казанской епархии. – 1913. – №30–31. – С.909.

²⁶ *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (годовой цикл XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2001. – С.48–53.

- ²⁷ Шилек // Известия по Казанской епархии. – 1913. – № 30–31. – С.909–910.
- ²⁸ *Машанов М.А.* Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. – Казань, 1875. – С.22–25.
- ²⁹ Животных с черным окрасом дозволялось приносить в жертву хозяевам мест, в частности, хозяину / хозяйке земли, хозяину хлева, духам типа киремет и т.д.
- ³⁰ *Гаврилов Б.* Описание кереметей крещеных татар Елабужского уезда (1882 г.) // ГАКО. Ф.237. Оп.74. Д.2170. Л.2–4; Тимофеев В.Т. Указ. соч. С.18–19.
- ³¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... С.365.
- ³² Жертвоприношения крещеных татар // Казанский телеграф. – 1895. – №569.
- ³³ *Ляпидовский И.* Указ. соч. Л.17 об.
- ³⁴ *Баязитова Ф. С.* Указ. соч. С.172.
- ³⁵ *Гаврилов Б.* Указ. соч. Л.3.
- ³⁶ *Знаменский П.* О крещеных татарах деревни «Большой Арняш» (Извлечение из дневника) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1868. – Часть 137. – № 3. – С.364.
- ³⁷ См.: *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (годовой цикл XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2001. – С.63–64.
- ³⁸ Там же. С.138–140.
- ³⁹ *Гарипова Ф.Г.* Татарстан гидронимы сузлеге. – Казан, 1984. – С.162, 223.
- ⁴⁰ *Гаврилов Б.* Указ. соч. Л.3.
- ⁴¹ *Баязитова Ф.С.* Указ. соч. С.171.
- ⁴² *Ахметьянов Р.Г.* Указ. соч. С.164.
- ⁴³ *Баязитова Ф.С.* Указ. соч. С.171.
- ⁴⁴ *Баязитова Ф.С.* Указ. соч. С.171.
- ⁴⁵ *Знаменский П.* Указ. соч. С.363.
- ⁴⁶ *Знаменский П.* Указ. соч. С.361–363.
- ⁴⁷ *Коваль И.* Указ. соч. С.83.
- ⁴⁸ *Коваль И.* Указ. соч. С.82–83.
- ⁴⁹ Этнографический очерк о татарах Мензелинского у. Уфимской губернии (начало 1910-х гг.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр. 216. Л. 443–444.
- ⁵⁰ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.363.
- ⁵¹ *Гаврилов Б.* Указ. соч. Л.3.
- ⁵² *Тимофеев В.Т.* Указ. соч. С.19.
- ⁵³ *Гаврилов Б.* Указ. соч. Л.3.
- ⁵⁴ *Коваль И.* Указ. соч. С.83.
- ⁵⁵ *Яковлев А.* Наша деревня (дер. Иванаево Кодряковской волости Лаишевского кантона Казанской губ.) (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Л.65.
- ⁵⁶ *Тимофеев В.Т.* Указ. соч. С.20.
- ⁵⁷ *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). – М., 1978. – С.146–147.
- ⁵⁸ *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981. – С.31.
- ⁵⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.356.
- ⁶⁰ *Гаврилов Б.* Указ. соч. Л.3 об.–4. Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.356.
- ⁶¹ *Никольский Н.В.* Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. – Чебоксары, 2004. – С.67.
- ⁶² *Москвин А.К.* Село Албаево Шеморбашевской волости Мамадышского уезда (17 сентября 1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Ед. хр. 309. Л.383.

Аннотация

В данной статье рассматривается один из основных элементов традиционной религиозной системы татар-кряшен в XIX в. – аграрных культов и связанных с ними религиозно-мифологических представлений. В работе дается анализ кряшенской религиозной обрядовости аграрного цикла, показывается ее место в культурной и религиозной традиции крещеных татар.

Ключевые слова: мифология татар, религиозная обрядовость татар-кряшен, межкультурное взаимодействие в Волго-Уралье.

Summary

This article deals with one of the key elements of the traditional religious system of Tatar Kryashens in the XIX century, agrarian cults and related to them religious and mythological concepts. The article analyzes the Tatar Kryashen religious rites of agricultural cycle, its place in the cultural and religious traditions of Tatar Kryashens.

Keywords: Tatar mythology, religious ritualism of Tatar Kryashens, intercultural interaction in the Volga-Ural Region.

УДК 314 (091)

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА РУБЕЖА XIX–XX вв.

М.И. Роднов, доктор исторических наук (Уфа)

Во второй половине XIX в. возникновение земского самоуправления, быстрое социально-экономическое развитие России, требовавшее оперативной информации о текущем состоянии общества, технологический прогресс полиграфической промышленности привели к появлению новых исторических источников. Началось регулярное издание всевозможных справочных или памятных книжек, адрес-календарей, хозяйственно-статистических обзоров, в том числе периодически выпускались списки населенных мест. С 1860-х гг. в регионах начали проводиться многочисленные исследования сельского и городского населения, а максимально возможная точность (и достоверность) данных достигалась в ходе подворного опроса, когда сведения сообщал лично глава семьи – домохозяин.

Однако подобные исследования создали новую проблему. После проведения переписи возникал огромный массив документации (сотни пудов), для хранения которого в плохо оборудованных провинциальных архивах просто не имелось помещений. Поэтому обычно после окончания подсчетов и подведения итогов первичная документация (подворные карточки и др.) уничтожалась (продавалась старьевщикам и т. д.). Но в опубликованные итоговые данные чаще всего попадала не вся информация, поэтому первоисточник – сама подворная карточка сельскохозяйственных пе-

реписей – вызывает большой интерес у историков, любителей генеалогии, краеведов.

Далеко не все архивы России хранят в своих фондах материалы подворных переписей, которые уничтожались из-за нехватки площадей, в советское время отправлялись на переработку как макулатура. Дополнительным негативным фактором стало изменение административных границ регионов в СССР. Перечисление территории приводило к тому, что большое количество исторических источников оставалось в архиве бывшего губернского центра, что до сих пор создает проблемы краеведам и историкам западной части Оренбургской области (бывшая Самарская губерния) или горнозаводским районам Челябинской области (бывшая Уфимская губерния).

Когда в 1920 г. большевики приняли решение отдать Мензелинский уезд Уфимской губернии в новообразованную Татарскую советскую республику, в начале 1920-х гг. из Уфы в Казанский архив отправили большую партию документов, которые там, по всей видимости, затем... сдали в макулатуру. У полумиллионного населения Мензелинского уезда просто стерли историческую память. Среди отправленных из Уфы в Казань архивных материалов находились подворные карточки сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Сравнение с близкими по числу жителей Белебе-

евским и Бирским уездами свидетельствует, что из Уфы на погибель вывезли несколько сотен увесистых связок подворных карточек общим весом в несколько сотен пудов. Правда, есть одно исключение. В Муслимовском районе РТ находится село Новые Усы. До советской эпохи оно числилось в Нагайбакской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии. И карточки с богатейшей информацией на каждую семью жителей Ново-Усов (209 семей крещеных татар, 83 русских, 30 мари в 1917 г.) хранятся в Уфе, как и материалы переписи 1920 г. (223 двора крышен, 86 русских, 33 мари и один татарский)¹.

В Уфе же, в немалой степени благодаря политике директоров архива (сейчас ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан), не позволявших уничтожать массовые источники, сохранились уникальные коллекции подворных карточек (аналогичные собрания есть в Самаре и Пензе), которые сейчас активнейшим образом используются при генеалогических, исторических, краеведческих изысканиях. Автор этих строк совместно с сотрудниками Уфимского архива Г.Ш. Габ и С.Н. Грищенко обработал подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1917 г.², которые ныне разложены по каждому населенному пункту (пользователь просто указывает название селения), и буквально нет ни одного рабочего дня, когда бы посетители читального зала архива не изучали подворные карточки переписи 1917 г. в поисках своих предков или с другими целями.

Во время сплошного просмотра всей коллекции карточек переписи 1917 г. было обнаружено незначительное количество документации и по Мензелинскому уезду, видимо, случайно оказавшейся в других уездах. Так, среди материалов по Ша-

ранской волости Белебеевского уезда есть данные по землевладению 4 волостей Мензелинского уезда³. В числе карточек Богородской волости Уфимского уезда отложились 4 карточки по Ахметьевской волости Мензелинского уезда на жителей хуторов и кордонов при разных деревнях: одна семья русская (2 чел.) и три – крещеных татар (18 чел.)⁴.

Но внутри Уфимского уезда находится и небольшое отдельное дело по Мензелинскому уезду⁵. Здесь содержатся разрозненные карточки на хутора, мельницы, лесные кордоны, частновладельческие хозяйства по различным волостям (всего примерно немногим более 200 штук). Наибольшее количество – по Токмакской, Мензелинской, Троицкой, Старо-Кашировской, Матвеевской, Бишинды-Останковской, Александро-Карамалинской и Старо-Мелькенской волостям. Например, по Ирехтинской волости находятся 2 карточки на крестьянские хозяйства (русские – 1 чел., вторая пустая), 3 подворки на семьи дворян башкир (Фатыма Султанова – 1 чел., Султановы – 8 чел., Султановы – 5 чел.), карточка на дворян-татар (7 чел.), на хутор (вотчинник башкир, 2 чел., 4 рабочих лошади, 36,5 дес. посева). Здесь же лежат 7 карточек, датированных 1913 г., они составлялись на частновладельцев во время переписи 1912–1913 гг. Кроме того, среди мельниц есть карточки на семьи крестьянина тептяря (5 чел.), припущенника башкира (2 чел.), мещанина русского (6 чел.). Несмотря на малое количество и отрывочность этих данных, они представляют интерес для историков, особенно тех, кто изучает помещичье хозяйство. Например, по Александро-Карамалинской волости уцелели карточки на владения татар Мусиных, где под посевом в 1917 г. было 26,12; 67 и 14,87 дес., у купца Кукаркина засеяли 123 дес., у другого Кукаркина –

50, татарин Ахтямов имел лишь 11,12 дес. посева, зато Тохтамышев – целых 183,82 дес. Сословие у Тохтамышева записано башкир, национальность – татарин. Башкирская идентичность сохранялась и в 1920 г. Рядом лежат карточки на дворянские имения Пальчиковых (225 и 152,25 дес. посева).

А летом 1920 г. в Уфимской губернии прошла очередная, уже советская, сельскохозяйственная перепись, подворные карточки которой благополучно хранятся в Уфе. Но можно обрадовать и жителей Нижнекамского района РТ. Каким-то чудом, случайно, по недосмотру не отправили в Казань одну волость Мензелинского уезда – **Сухаревскую**.

Сохранились три тома (дела) подворных карточек примерно на 2700 хозяйств⁶. Помимо генеалогических сведений, которые вызывают наибольший интерес, в карточке есть богатейшая информация об экономическом положении двора – количество скота, земли, посева, инвентаря и пр. Фактически это единственный источник, по которому можно восстановить положение крестьянства Сухаревской волости. Изучение карточек переписи 1920 г. по этой волости дает неожиданную информацию. Среди подворок по селу Сухарево (часть Мусино-Пушкино) найдена одна карточка тоже по Сухарево и тоже по Мусино-Пушкинской части, но... переписи 1917 г. – на русскую крестьянку 50 лет Биряльцеву Анисью Фокеевну (в семье еще был сын 15 лет). Я обработал сотни тысяч карточек переписи 1920 г. по Бирскому, Белебеевскому, Златоустовскому уездам и нигде и никогда не встречал среди них карточек переписи 1917 г. Карточки этих двух переписей не смешивались, они проводились в разное время и лежат отдельными коллекциями. Сам факт присутствия карточки переписи 1917 г. в стопке карточек переписи 1920 г. мо-

жет означать только одно, документы готовились к отправке в Казань, их сортировали, материалы по Мензелинскому уезду складывали вместе, видимо, тогда одна карточка случайно и оказалась не в своей стопке.

Кроме того, на карточках Сухаревской волости можно видеть одно отличие от остальных уездов Уфимской губернии. На лицевой стороне подворной карточки, где отмечался семейный состав двора, сверху и снизу карандашом проставлялось общее количество мужчин и женщин, а затем слева на полях указывалась итоговая цифра – сколько всего человек в семье. Эти записи делались при обработке карточек и, скорее всего, уже в Уфе, куда свозили подворные карточки из уездов. Но на подворках по Сухаревской волости подобных отметок нет, лишь в некоторых селениях количество мужчин и женщин суммировалось, но итоговой цифры слева на полях нет нигде. Это может означать, что подворные карточки переписи 1920 г. по Мензелинскому уезду в Уфе не обрабатывали. Вероятно, уже было известно, что эти архивные материалы отправятся в Казань в связи с передачей в Татарскую Республику Мензелинского уезда, почему губернские статистики и не стали делать лишнюю работу по «чужой» территории. Действительно, Татарская социалистическая советская республика была образована большевиками постановлением от 27 мая 1920 г., а перепись проводилась летом (скорее всего, с июня) 1920 г. То есть едва было закончено обследование Мензелинского уезда, как стало известно о передаче его соседнему региону. Вероятно, поэтому в Уфе и не стали тратить силы и время на обработку подворных карточек Мензелинского уезда. В январе 1921 г. Казанский губернский архивный фонд преобразуется в Центральный архив ТАССР, который стал из соседних

губерний получать документацию по уездам, вошедшим в советскую Татарию. Видимо, в начале 1920-х гг. и из Уфы отправили материалы, в том числе карточки переписи 1920 г., но Сухаревскую волость почему-то забыли. На радость местным краеведам.

Рассмотрим ситуацию в Сухаревской волости подробнее. Располагалась она на самой границе Мензелинского уезда и всей Уфимской губернии, западнее лежала «чужая» казанская земля. В Сухаревскую волость входили деревни в самом низовье реки Зай, которая при своем устье являлась границей между Сухаревской и Афонасовской волостями. Северной границей Сухаревская волость выходила к Каме, которая на этом отрезке сохранила историческую береговую линию, советские «затопители» до нее не дошли. Сейчас Сухаревская волость – это центральная часть Нижнекамского района.

В 1877 г. в Санкт-Петербурге вышел список населенных мест Уфимской губернии, составленный статистиком В. Зверинским по имевшимся у него в Петербурге источникам на 1870 г., сам он здесь не бывал и никаких обследований не проводил (поэтому к его сведениям нужно относиться критически, как, впрочем, и к другим источникам). Селения в этой работе группировались не по административным границам, а в основном по расположению вдоль гужевых трактов. Указывался и «этнографический состав населения». Так, в 3 стане Мензелинского уезда в 1870 г. располагались: Малые Ерыклы (395 русских), Красная Кадка (736 татар, мечеть), Туба (377 татар, мечеть), Малые Аты (Оскина) (349 татар), Каинлы (Татарские Ерыклы) (578 татар, мечеть), Байгулова (308 татар), Байданкина (Черемиш) (334 русских), Старая Минкина (173 русских), Новая Минкина (163 русских), Березовая Грива (191 рус-

ский), Большие Аты (848 татар), Богородское (оно же Тюремное Городище, Сухарево) (907 русских, церковь), Новое Сухарево (Нератовка) (270 русских), Верхние Ерыклы (Семеновка) (1360 татар), Нижняя Уратьма (она же Камышенский Враг, Чувашская Уратьма) (435 татар, 236 чувашей, мечеть), Абросимовка (Смыловка) (366 русских) и Борок (415 русских)⁷.

На рубеже XIX и XX вв. было выпущено еще несколько списков населенных мест Уфимской губернии⁸, где есть разнообразная информация о всех селениях Сухаревской волости. Так, в 1896 и 1902 гг. волостное правление располагалось уже в Малых Ерыклах, приводятся итоговые сведения – 2830 ревизских мужских душ (то есть на момент проведения последней X ревизии в 1858 г.) и 5623 наличных мужских души на 1902 г.⁹ Очень подробный список, на который необходимо краеведам обращать особое внимание, составили в 1896 г., где кроме крупных деревень указывались мельчайшие населенные пункты. Приведем небольшой фрагмент: Сухарево (Тюремное Городище и Богородское), село, при речке Тош-Торкменке, 140 дворов, 795 мужчин, 736 женщин, церковь, земское училище, 2 хлебозапасных магазина, 2 бакалейные лавки, казенная винная лавка; Нератовский казенный кордон, на Поповой горе близ дачи Нератовой, 1 двор, 2 и 1 чел.; пасека Маслова, 1 двор (то есть постоянного населения не было); Нератовка (Новоселье), деревня, при речке Прости, 34 двора, 177 и 173 чел.; караулка Родионова, 1 двор; мукомольная мельница Леонтьева, при речке Ерыклинке, 1 двор, 1 и 3 чел.; хутор Юшевой, при речке Ерыклинке, 1 двор, 3 и 4 чел., водяная мукомольная мельница; караулка Муратаева, 1 двор; хутор Резанцевой, близ деревни Семеевой, 1 двор, 1 и 7 чел.; пасека Гусенкова, при реч-

ке Атинке, 1 двор; хутор Баклушина, близ деревни Семеевой, 1 двор, 4 и 4 чел.; Семеева (Верхние Ерыклы), деревня, при речке Ерыклинке, 10 дворов, 29 и 30 чел.¹⁰

На территории Сухаревской волости располагалось несколько помещичьих имений, что повлияло на поселенческую структуру, так как бывшие крепостные каждого поме-

щика затем образовали отдельное сельское общество / общину со своей землей и управлением, хотя могли жить фактически в одной деревне. Поэтому Сухарево делилось на несколько частей. По данным на 1861 г. в третьем стане Мензелинского уезда Оренбургской губернии, в интересующей нас округе находились следующие поместья:

№	Наименование помещичьих селений, деревень, выселков и хуторов	Имена владельцев, коим принадлежат поселения	Число ревизских душ (муж. – жен.) (первый столбец – дворовые, второй – крестьяне)		Число дворов	Количество состоящей при имении земли (дес.)
1	Богородицкое (Тюремное Городище, Сухарева)	Вороновой Аристовой Мусиным-Пушкиным Им же Алексеевой и Еселевым	–	3 – 2	}120	86
			21 – 24	178–197		1365
			4 – 6	73 – 61		1251
			6 – 4	126–131		
			2 – 3	14 – 9		93 ½
			10 – 7	42 – 44		231 ½
2	Сарапала (Нератовка)	Нератовой	–	112–101	24	1404
3	Верхние Ярыклы (Семеново Биящины)	Яушеву	–	51 – 59	22	1023
4	Никольское (Скорятиново)	Скорятиновой	12 – 12	4 – 5	3	180 ½
5	Новая Сухарева (Новоселье, Нератовка)	Нератовой	–	117–125	38	1022
6	Средние Челны	Маслову	–	42 – 46	10	350

№	Наименование помещичьих селений	Имена владельцев	К какой церкви приписаны, расстояние	Кто из помещиков находится в имении, или кому поручено управление
1	Богородицкое (Тюремное Городище, Сухарева)	Вороновой Аристовой Мусиным-Пушкиным Им же Алексеевой и Еселевым	В этом селе церковь	Аристов живет в Казани, а Мусины-Пушкины, Алексеева и Еселевы в селе Сухаревке и сами управляют, а у Аристова распоряжается из крестьян староста
2	Сарапала (Нератовка)	Нератовой	К селу Уратыше, 5	Нератов живет в Чистопольском уезде, а имением управляет староста
3	Верхние Ярыклы (Семеново Биящины)	Яушеву	В этой деревне мечеть	Яушевы живут в имении и управляют сами
4	Никольское (Скорятиново)	Скорятиновой	К селу Богородскому, 1 ½	За смертью имение находится в опеке у Г. Буткевич

№	Наименование помещичьих селений	Имена владельцев	К какой церкви приписаны, расстояние	Кто из помещиков находится в имении, или кому поручено управление
5	Новая Сухарева (Новоселье, Нератовка)	Нератовой	К селу Богородскому, 3	Имением управляет дворовый человек, а сам владелец живет в Чистопольском уезде и приезжает сюда временно
6	Средние Челны	Маслову	К тому же селу, 12	Маслов живет на мельнице и управляет сам

Источник: Оренбургские губернские ведомости. 1861. Часть официальная. 18 февраля. Приложение к № 7 (орфография оригинала). Полные сведения по Мензелинскому уезду опубликованы: *Роднов М.И.* Новые материалы о помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда накануне отмены крепостного права // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2 (93).

Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, многие помещики разорились¹¹, но в Сухаревской волости, видимо, из-за близости к речным пристаням – рынкам сбыта зерна, вплоть до Первой мировой войны сохранилось несколько достаточно крупных имений. Бывшие дворянские усадьбы оказались в руках преуспевавших предпринимателей, в первую очередь елабужских купцов Стахеевых. На 1912 г. Г.И. Стахееву возле Смыловки принадлежало поместье в 1194,6 дес. (955,27 дес. посева), рядом находились земли наследников И.Г. Стахеева – 1635,5 дес. (708 дес. посева, винокурный завод) и совместно Стахеевы, М.И. Падурова и А.И. Чикина владели хозяйством в 2790,8 дес. (1070,47 дес. посева, мукомольная мельница). В то же время землю при деревне Семекеево скупают крестьяне наследники П.А. Баклушина – 191,5 дес. (120 дес. посева) и некий Я.У. Березкин – 250,21 дес. (98,67 дес. посева, мукомольная мельница), а возле Сухарево участок в 225,75 дес. приобрели Ф. и Н. Кузнецовы (225,75 дес., посева – 107,72 дес.). Любопытно, но вблизи Семекеево имение в 964,57 дес. с мукомольной мельницей (посева 397,3 дес.) оказалось в собственности Чистопольской старообрядческой богадельни. Остатком бывшего дворянства выступали лишь Г.С. Яу-

шев, имевший 223 дес. возле Верхних Ерыклов (115,5 дес. посева), и другие дворяне Яушевы, которым при Семекеево принадлежало всего 104 дес. земли (66 дес. посева)¹².

Во время переписей и составления списков населенных мест власти собирали (хотя не всегда) сведения и по этническому составу населения. При этом в имперской России национальность не имела никакого юридического (правового) значения, ни в каких официальных документах (паспортах и др.) не фиксировалась, не случайно вопрос о национальной принадлежности не был включен в программу единственной Всероссийской переписи населения 1897 г. Поэтому указание этнического состава жителей имело чисто познавательное значение и организаторы статистических исследований в зависимости от собственных представлений сами формулировали национальные категории, что нужно подчеркнуть для районов со смешанным населением.

Первое земское обследование было проведено в 1884 г. известным мензелинским статистиком Д.Н. Тяжелниковым¹³. Этнический состав мензелинскими статистиками приводился в графе «к какому племени и вероисповеданию принадлежит население». Данные по Сухаревской волости показаны в следующей таблице.

Население Сухаревской волости в 1884 г.

№	Селение и сословие	Жителей в 1858 г.	Жителей в 1884 г.	К какому племени и вероисповеданию
1	Байгулово (госуд. крест.)	292	421	½ к славянскому и ½ к монгольскому, православного вероисповедания
2	Байданкино (то же)	290	423	
3	Каинлы (то же)	492	754	К монгольскому, магометанского вероисповед.
4	Старая Минкина (то же)	104	168	К славянскому, православного вероисповедания
5	Березовая Грива (то же)	139	150	
6	Новая Минкина (то же)	153	245	
7	Борок (то же)	448	580	
8	Смыловка (то же)	294	467	
9	Туба (то же)	380	508	К монгольскому, магометанского вероисповед.
10	Малые Аты (Оськино) (то же)	342	534	К монгольскому, православного вероисповед.
11	Красная Кадка (то же)	523	867	К монгольскому, магометанского вероисповед.
12	Нератовка (быв. помещ.)	172	292	К славянскому, православного вероисповедания
13	Сухарево (быв. помещ. и госуд. крест.)	868	1225	
14	Верхние Ерыклы (Семинево) (быв. помещ. и свободные хлебопашцы)	136	161	К монгольскому, магометанского вероисповед.
15	Большие Аты (госуд. крест.)	751	1050	К монгольскому, православного вероисповед.
16	Малые Ерыклы (то же)	324	491	
17	Нижняя Уратьма (то же)	504	657	К финскому (чуваши), 54 двора православного вероисповедания и 94 двора к монгольскому, магометанского вероисповедания
18	Архипов-Выселок (то же)	12	32	К монгольскому, православного вероисповед.

Источник: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому III. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования 1884 года, собранные и обработанные Д.Н. Тяжельниковым. Самара, 1900. С. 192, 198.

В 1896 г. во время первого сплошного обследования всей Уфимской губернии статистические работы в Сухаревской волости Мензелинского уезда проводил земский статистик Д.А. Ведерников с 8 помощниками, из которых четверо являлись постоянными сотрудниками статистического отделения (П.И. Зобов, Я.Е. Акимов, И.В. Щепетов и И.Х. Андреев), остальные были наняты временно – сельский учитель, студент казанского ветеринарного института и два студента Казанского университета¹⁴.

При группировке населения земские статистики по-разному определяли местное население. Так, из 22 общин / обществ Сухаревской волости (16 бывших государственных и 6 бывших помещичьих) указывалось, что в 8 общинах проживали башкиры (5315 чел.), в 11 – русские (3340 чел.), а три общины являлись смешанными (2296 чел.). В другой таблице при группировке населения по народностям и разрядам выделены «башкиры, мещеры и татары» – 8 общин (5315 чел.), остальные жители Сухаревской

волости отнесены к русским и смешанным общинам¹⁵. То есть земские статистики весьма поверхностно отнесли к национальному вопросу, не считая его сколько-нибудь существенным, и группировали население по приблизительным, искусственно выделенным группам. Отметим, что мусульман-татар нарекли башкирами, видимо, по общепринятой в Уфимской губернии «привычке» именовать

башкирами всех магометан, ранее состоявших в Башкирском (Башкиро-мещеряжском) войске, память о котором еще сохранялась.

При проведении переписи в 1896 г. составлялись краткие описания деревень. Приведем пример по Сухаревской волости: «С. Бол. Аты – расположено в равнине при рр. Большая Аты, годной для мельниц, и Малая Аты. Надел получен на 367 ревизских

Население Сухаревской волости в 1912 г.

№	Селение	Общество	Сословие	Народность	Дворов	Жителей
1	Архипово	Мало-Атинск.	гос.	т.	11	70
2	Аты Большие	Больш.-Атин.	гос.	к.т.	269	1630
3	Аты Малые	Мало-Атинск.	гос.	т., к.т.	146	766
4	Байгулова	Байгуловское	гос.	р., к.т.	114	654
5	Байданкина (Чермыш-Аул)	Байданкинское	гос.	р., к.т.	115	753
6	Борково (Борок)	Минкинское	гос.	р.	147	835
7	Березовая Грива (Березовка)	Минкинское	гос.	р.	37	232
8	Ерыклы Малые (Ерыклы)	М.-Ерыклинское	гос.	к.т.	151	909
9	Каинлы (Каин-Елга, Татарские Ерыклы)	Каинлыинское	гос.	т.	226	1209
10	Красно-Кадкина (Казыл-Чапчак, Казыл-Кипчак)	Кр.-Кадкинское	гос.	т.	256	1413
11	Минкина Новая	Минкинское	гос.	р.	57	336
12	Минкина Старая	Минкинское	гос.	р.	54	278
13	Нератовка (Новоселье)	Нератовское	п.	р.	52	295
14	Семекеева (Верхние Ерыклы)	Семекеевское	п.с.	т.	12	90
15	Смыловка (Абросимовка)	Смыловское	гос.	р.	124	766
16	Сухарево (Богород- ское, Тюркменское городище)	Сухаревское	п.	р.	81	271
17	«»	«»	п.	р.	66	210
18	«»	«»	п.	р.	17	68
19	«»	«»	п.	р.	21	73
20	«»	«»	п.	р.	7	16
21	Туба	Тубинское	гос.	т.	149	864
22	Уратьма-Нижняя (Татарская Уратьма)	Н.-Уратьминское	гос.	т. чв. р.	297	1738

Источник: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 154–155.

душ, находится в одном месте и окружает селение. Изменения в угодьях: пашня отошла под усадьбу; лес (351 дес.) распахан; луга (35 дес.) отошли в неудобную, вследствие разрушения берегов весенними размывами. Община делит землю по наличным душам. Поля по холмистой местности, при самом селении. Почва – чернозем, частью суглинистый чернозем. В полях 12 оврагов, с каждым годом увеличивающихся. Система полеводства – трехполье. Имеется 8 веялок. Выгон 20 дес. присельный. Во всем остальном так же, как и в предыдущем селении. Промыслы: сельские работы в соседних экономиях¹⁶.

В 1912–1913 гг. в Уфимской губернии состоялась первая подворная перепись крестьянских хозяйств, в Мензелинском уезде она прошла с мая по август 1912 г. Эта перепись стала «вершиной» уфимской земской статистики, по каждому селению / общине получен огромный объем разнообразной информации, материалы этой переписи обязательно должен использовать каждый краевед и историк Мензелинского уезда¹⁷. К сожалению, после проведения переписи 1912–1913 гг. все подворные карточки были уничтожены, за исключением небольшого количества карточек по помещичьим хозяйствам, обследование которых проводилось одновременно. Именно в ходе проведения этой переписи были получены точные сведения и по этническому составу населения Сухаревской волости, что показывает следующая таблица (сословные разряды: гос. – государственные, п. – помещицы, п.с. – переселенцы собственники; «народность»: т. – татары, к.т. – крещеные татары, р. – русские, чв. – чуваш).

Всего в 1912 г. в Сухаревской волости насчитывалось 2409 крестьянских хозяйств с населением 14 077 чел., этнический состав: русские (в книге «великороссы») – 4549, татары

– 5432, крещеные татары – 3637, чуваш – 459 чел.¹⁸

Материалы переписи 1917 г., как уже говорилось, погибли, но по сохранившимся подворным карточкам переписи 1920 г. мною подсчитана численность населения в Сухаревской волости (исключена незначительная часть карточек на отсутствующие хозяйства). Следующая таблица позволяет сопоставить данные мирного, предвоенного периода и сведения после окончания Гражданской войны.

Во-первых, общая численность населения в Сухаревской волости оставалась стабильной и даже немного возросла – с 14 077 в 1912 г. до 15 578 чел. в 1920 г. Это доказывает, что в Уфимском архиве сохранились все карточки по Сухаревской волости. Прирост населения фиксируется у русских (4549 и 5285 чел.) и крещеных татар (3637 и 4107 чел.). А самые интересные данные получены по мусульманскому населению. У части жителей (в Каинлах и Архипово почти все) национальность (уже не народность) указана как «мусульмане». Вполне вероятно, переписчики, в большинстве русские, именно так, «по простонародному», именовали жителей²⁸. Анализ материалов переписи 1920 г. свидетельствует о более низком качестве записей по сравнению с переписью 1917 г., после всех революций, войн и мятежей количество образованных людей подсократилось и организаторы переписи брали всех мало-мальски грамотных. А в Нижней Уратье, вероятно, происходил переход чувашей в мусульманство, они «распались» на просто чувашей, крещеных чувашей и мусульман. При проведении же конкретных изысканий по истории населенных пунктов Нижнекамского района РТ, которые ранее входили в Сухаревскую волость, необходимо изучать сами подворные карточки переписи 1920 г., которые откроют перед исследователями огромное количество уникальной информации.

Население Сухаревской волости в 1920 г.

Селение	Национальность	Число хозяйств	Число жителей ¹⁹
1. Архипово	мусульмане	11	66
2. Б. Аты	крещеные татары	310	1839
3. Байданкино	крещеные татары	70	440
	русские	66	463
4. Байгулово	крещеные татары	90	483
	русские	30	204
5. Березовая Грива	русские	40	262
6. Борок	русские	159	901
	украинцы ²⁰	7	18
	крещеные татары	1	2
7. Каинлы	мусульмане	251	1338
	татары	2	15
8. Красная Кадка	татары	145	835
	мусульмане	130	708
	русские	3	14
	крещеные татары	1	6
9. М. Аты	татары	114	629
	крещеные татары	42	216
10. М. Ерыклы	крещеные татары	175	1106
	русские	2	6
11. Нератовка	русские	50	320
12. Ниж. Уратьма	татары ²¹	167	962
	мусульмане ²²	50	308
	русские	50	253
	чувашаи	26	131
	крещеные чувашаи ²³	26	135
	крещеные татары ²⁴	2	15
13. Ново-Минкино	русские	58	341
14. Семенеево	татары	19	120
	мусульмане	2	13
15. Смыловка	русские	128	850
16. Старо-Минкино	русские ²⁵	54	297
17. Сухарево	русские ²⁶	74	455
Сухарево (часть Горской)	русские	20	123
Сухарево (часть государ.)	русские	8	32
Сухарево (часть Мусино-Пушкино)	русские	85	596
Сухарево (часть Цибаровской?)	русские	24	160
18. Туба	татары	163	908
	русские ²⁷	1	8
Всего в волости		2656	15578
Национальный состав волости: русские – 5285 (33,9%), крещеные татары – 4107 (26,4%), татары – 3469 (22,3%), мусульмане – 2433 (15,6%), крещеные чувашаи – 135, чувашаи – 131, украинцы – 18 чел.			

Подсчитано по: ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 903–905.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Итоги см.: *Роднов М.И., Дудина О.И.* Крестьянство Уфимской губернии в 1917 году: Белебеевский уезд // Башкирский край. Вып. 2. Уфа, 1992. – С. 64; *Роднов М.И.* Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. – М., 2009. – С. 91.

² Данные по волостям, селениям и национальностям опубликованы: *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1997 года. Уфа, 1997; *Он же.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / Сост. Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Уфа, 2001; *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002; *Он же.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010; др.

³ ЦИА РБ (Центральный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 267 (старая нумерация, сейчас все селения выделены в отдельные дела, искать материалы по Мензелинскому уезду нужно среди частновладельческих хозяйств).

⁴ Там же. Д. 517 (то же).

⁵ Там же. Д. 508 (дело оставлено в прежнем виде с этим номером).

⁶ Там же. Д. 903–905.

⁷ Список населенных мест по сведениям 1870 года. XIV. Уфимская губерния / ред. В. Зверинский. СПб., 1877. С. 119–121. Эта работа переиздана: Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа, 2002.

⁸ См., напр.: Полный список населенных мест Уфимской губернии / Под ред. Н.А. Озерова. Уфа, 1896; Алфавит волостей и селений Уфимской губернии / Под ред. В.П. Михайлова. Уфа, 1902; Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии / Под ред. А.П. Лобунченко. Уфа, 1906; др.

⁹ Алфавит волостей и селений Уфимской губернии. – С. 120–121.

¹⁰ Полный список населенных мест Уфимской губернии / Под ред. Н.А. Озерова. С. 262.

¹¹ Точные сведения о частновладельческих и иных владениях были собраны во время обследования Мензелинского уезда в 1896 г., см.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть II. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901.

¹² См.: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 116–119.

¹³ Агроном Дмитрий Николаевич Тяжелников – один из первых статистиков Уфимской губернии, с февраля 1896 по апрель 1897 г. временно заведовал в Уфе губернским статистическим бюро, впоследствии проживал в Мензелинске, участвовал в движении 1905 г., а весной 1917 г., будучи в преклонных летах, был избран председателем Мензелинского уездного совета Всероссийского Крестьянского союза, издавался. Его труды: *Тяжелников Д.Н.* Крестьянское слово о наших российских порядках. Мензелинск, 1905; *Он же.* Отчего зависит наша бедность и как от нее избавиться? Мензелинск, [1917]; *Он же.* Где нашей стране искать свое спасение. Мензелинск, 1917; др.

¹⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. III. Мензелинский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1896 года / под ред. С.Н. Велецкого. Уфа, 1899. Предисловие. [С. VII].

¹⁵ Там же. – С. 128–129, 132–135.

¹⁶ Там же. Отдел V. Приложения. – С. 50.

¹⁷ Подробнее об уфимской статистике см.: *Роднов М.И.* Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5.

¹⁸ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. – С. 254–255.

¹⁹ Еще 3 работника и 2 прислуги в Красной Кадке, 2 работника в Семеево, по работнику в Ново-Минькино, Смыловке и Тубе, работник и прислуга (у 60-летнего священника Тихона Л. Леонтьева) в Б. Атах, 2 прислуги в Борках.

²⁰ Малороссы, беженцы.

²¹ Включая карточки с записью национальности – «т.». Хусамов Хасматулла, «т.», «отказался от показания».

²² Формы записи: «мус., мас., масульм.» и др.

²³ Форма записи в карточках: «кр. чув., к. ч.».

²⁴ Форма записи: «кр. т.».

²⁵ Все великороссы.

²⁶ Все великороссы.

²⁷ Местный, «приписной» житель, 44-летний Сафиулин Хабибрахман.

²⁸ Подробнее см.: *Роднов М.И.* Административный ресурс в этнографических исследованиях // *Этнографическое обозрение*. – 2004. – № 6.

Аннотация

В статье приводится информация о сохранившихся в архиве города Уфы материалах сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. по Мензелинскому уезду Уфимской губернии. Подробно проанализированы сведения о численности населения и этническому составу жителей Сухаревской волости (современный Нижнекамский район Татарстана).

Ключевые слова: статистика, история, крестьянство, демография, этнический состав населения, переписи 1917 и 1920 гг.

Summary

This article provides information on materials of agricultural censuses of 1917 and 1920 in Menzelinsky County of the Ufa Province preserved in the archives of Ufa. The information about the population and ethnic composition of the inhabitants of Sukharevskaya township (modern Nizhnekamsk region of Tatarstan) is analyzed in detail.

Keywords: statistics, history, peasants, demography, ethnic composition of the population, census of 1917 and 1920.

УДК 792.2

ПОСЛЕДНИЕ ПОСТАНОВКИ К.ТИНЧУРИНА В ТАТАРСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

*М.Г. Арсланов, доктор искусствоведения,
профессор, член-корреспондент*

Татарское искусство – активный строитель нового общества. В работах национальных режиссеров, в лучших образцах литературы, в произведениях изобразительного искусства нашла выражение героическая борьба татарского народа за свою свободу и независимость, его славное историческое прошлое и настоящее. В спектаклях и концертных программах, романах и поэмах, художественных полотнах и повестях создавались образы героев Октябрьской революции и Гражданской войны, промышленных строек и коллективизации, пятилеток. Они вдохновляли трудящихся республики на новые свершения. Основные черты татарской литературы этих лет отражены в следующих произведениях: «Когда рождается прекрасное», «За туманом» Ш.Камала; «Искры», «Славная эпоха», «Потоки», «Бишбуляк» Т.Гиззата; «На Кандре», «Их было трое» К.Тинчурина; «Агидель» М.Амира; «Неотосланные письма» А.Кутуя; «Сиваш» Г.Баширова; «Аникин» Ф.Карима; «Путь легиона» Ш.Усманова; «Алтынчеч» и «Ильдар» М.Джалиля¹. Закладывался фундамент музыкального искусства.

По решению Советского правительства в 1934 г. при Московской консерватории была открыта татарская студия. Там вместе с певцами, оркестрантами, артистами балета повышали свое мастерство композиторы С.Сайдашев, Ф.Яруллин,

З.Хабибуллин, Д.Файзи. В это же время в Московской консерватории учились М.Музафаров, Н.Жиганов, А.Ключарев.

В 1936 г. в Казани был создан музыкальный техникум, а в 1937 г. – Татарская государственная филармония.

Вместе с тем в тридцатых годах усилился идеологический нажим на искусство со стороны правящей партии и правительства. Следуя их указаниям, Татарский обком ВКП(б) и Правительство ТАССР придавали огромное значение развитию театрального искусства республики. В тридцатых годах работа Татарского государственного академического театра и других коллективов неоднократно обсуждалась на бюро обкома ВКП(б), на заседаниях Наркомпроса ТАССР. В них нелицеприятному анализу подвергалась деятельность ведущих режиссеров, актеров, драматургов, предлагались конкретные меры по улучшению их работы.

Новый этап в развитии татарской советской режиссуры открыл спектакль по пьесе А.М.Горького «На дне». Осенью 1932 г. общественность Татарской республики широко отметила сорокалетие творческой деятельности прославленного писателя. 26 сентября в здании Татарского государственного академического театра прошел торжественный вечер, посвященный жизни и деятельности первого пролетарского писателя. С

докладом о творчестве Горького выступил профессор Г.Нигмати. Художественная часть вечера состояла из двух отделений. В первом исполнялся четвертый акт готовившегося спектакля ТГАТа «На дне», а во втором – прозаические произведения писателя.

Премьера спектакля состоялась ровно через месяц и открывала сезон 1932/33 г. Режиссер спектакля К.Тинчурин, хотя и оставил конкретные очертания ночлежки, стремясь выявить социальную, философскую и психологическую глубину великого творения А.М.Горького, но освободил действие от излишних подробностей, бытовых деталей. События драмы разворачивались достаточно быстро, в хорошем темпо-ритме.

В центр мизансценических построений К.Тинчурина почти всегда выдвигались два образа: Лука – Х.Абжалилов и Сатин – Г.Уральский. В течение всего спектакля режиссер как бы сравнивал, сопоставлял их мировоззрение, образ жизни и через это выходил на социальное обобщение. Лука – Абжалилов – человек, оторванный от реальной действительности, как бы живущий в выдуманном мире грез и самообмана. Он настолько погружен в свою философию утешительства, что даже не видит окружающий мир – убогость, обстановку ночлежки, затхлость, спертость ее воздуха, отсутствие элементарных условий для жизни. Вредность его философии в том, что она социально пассивна, ибо отвлекает людей от реальных проблем, призывает довольствоваться тем, что есть.

В отличие от Луки Х.Абжалилова, Сатин Г.Уральского – трезво мыслящий, умный, верно понимающий суть многих вещей и явлений человек. Он прекрасно осознал самоценность человеческого существования, видит, что нынешняя жизнь не создает условий для раскрытия заложенных

в нем способностей. Но вместе с тем он не способен решительно бороться против социального неравенства, тем более возглавить эту борьбу. Самое большое, на что может решиться Сатин – Уральский, это устное отрицание буржуазного общества.

В углублении социального содержания спектакля немаловажная роль принадлежала образу Васьки Пепла, созданному замечательным актером Ш.Шамильским. В трактовке режиссера К.Тинчурина и актера Пепел – талантливая личность, может быть, самая талантливая среди обитателей ночлежки. У него золотые руки и светлая голова. В том, что он стал вором, огромная вина окружающей его среды, буржуазного общества. Это они поставили его в такие обстоятельства, из которых нет другого выхода, кроме как стать преступником. В Ваське – Шамильском было много хорошего: доброе, отзывчивое сердце, умение понимать чужую боль и горе. В иных, более благоприятных условиях он мог бы стать и порядочным человеком. Но законы «дна» неумолимы. Они так просто не отпускают своих жертв.

В тридцатых годах произведения А.М.Горького широко шли во многих театрах страны. «При кажущейся традиционности формы пьесы Горького потребовали от театра новаторских решений. Нужно было освоить новые принципы построения драмы, не совпадавшие с обычными представлениями о театральности. У Горького за бытовыми конфликтами проступают социальные мотивы, которые постепенно, по ходу действия занимают главное место в драме. Следовало понять и особую природу горьковской исторической концепции, не связанной с изображением внешних политических перемен и официальных исторических актов. Хотя герои Горького движимы исторической необходимостью, их индивидуальные устремления

свободно переплетаются с общим движением исторического потока. Наконец, предстояло понять и особенности интеллектуализма пьес Горького: его герои по большей части обладают оригинальным, независимым складом ума и ведут между собой спор о главном – о правде, о смысле жизни, о будущем: в этом споре они находят себе врагов и союзников. Чтобы удовлетворить все эти требования, следовало пересмотреть многое из привычных приемов предшествующего театрального опыта»².

Судя по отзывам прессы, режиссеру К.Тинчурину и коллективу исполнителей удалось успешно решить многие из этих проблем. «В целом спектакль исполнялся хорошо, – писала газета «Кызыл Татарстан» в редакционной статье. – Режиссер над производением работал с увлечением и результативно, коллектив к постановке готовился тщательно. Произведение, талантливо раскрывающее гнилость буржуазного общества и занимающее место в классовом воспитании трудящихся, должно стать достоянием всей общественности города Казани, особенно молодежи»³.

Велико было значение произведения А.М.Горького для коллектива театра. На материале пьесы первого пролетарского писателя актеры и режиссеры ТГАТа проходили урок социальной диалектики. Именно поэтому в данной работе слились воедино открытая политическая тенденциозность, идейная глубина и подлинная художественность.

В тридцатые годы режиссеры татарского театра, стремясь осмыслить современность с позиций социализма и отобразить в своем творчестве преобразующего мир нового человека, подвергли пристальному анализу окружающую их действительность. Национальные зрители уже в начале указанного периода познакомились

с героем-современником, активно строящим новую жизнь. Акбирдин Х.Абжалилова и автора пьесы и режиссера спектакля «На Кандре» К.Тинчурина являлся именно таким общественно активным героем современности, идеалом того времени.

Сегодня, когда пересматриваются оценки на многие события отечественной истории, изменилось отношение и к процессу коллективизации сельского хозяйства, «успешно и в короткий срок» проводимой в стране. Умудренные опытом и новейшими знаниями люди понимают, что деятельность «идейно подкованных», но плохо разбирающихся в проблемах села рабочих-двадцатипяти тысячников не всегда приносила пользу деревенским жителям. Но работники искусства тридцатых годов искренне верили в правоту и необходимость каждого мероприятия, проводимого ВКП(б) и правительством. Именно поэтому в спектакле «На Кандре» отчетливо прослеживаются и усиленно внедряемая в искусство официальная идеологическая установка, и горячая вера создателей спектакля в возможность строительства новой, счастливой жизни подобным путем.

Спектакль отражал реальные процессы жизни села. Еще на стадии написания музыкальной драмы К.Тинчурина и композитор С.Сайдашев долго ездили по деревням республики и изучали жизнь нового села, его людей. В пьесу, а затем в спектакль вошло многое из того, что было увидено и зафиксировано художниками во время поездок. Это было отмечено в свое время и театральной критикой. «Драматург К.Тинчурин в своей новой работе «На Кандре» показывает серьезное намерение окончательно уйти с позиций наблюдателя-попутчика и непосредственно включиться в художественное отражение социалистического строительства и классовой

борьбы, в отображение всего того, чем живет сегодня республика Советов», – говорится в статье, названной «На премьере в Татарском академическом»⁴.

...Первые годы колхозного строительства в Татарии. Герой музыкальной драмы председатель – двадцатипятилетний Акбирдин – Х.Абжалилов поставлен перед необходимостью определения путей развития колхоза «Красная звезда». И он решает начать строительство новой жизни с электрификации деревни. Его план построения гидроэлектростанции на реке Кандыр многим показался неосуществимой, даже опасной затеей. В спектакле убедительно и по-хорошему театрально рассказывалось о том, как Акбирдину – Х.Абжалилову удалось убедить людей в возможности «получения огня из воды», построить ГЭС и доказать преимущества коллективного труда.

...Старая мельница, расположенная на берегу когда-то полноводной реки Кандыр. Ветхое здание полуразвалившейся мельницы занимало почти всю правую часть сценического пространства. Такой же ветхий, покосившийся настил с кое-как сколоченными перилами и расширяющимися книзу лестницами-станками соединял площадку перед дверью мельницы с левой стороной сцены. Выше – за настилом – очертания мельничной запруды, береговая насыпь. Неподалеку виднеется одинокая полузасохшая верба. Серые, блеклые тона. Всюду печать заброшенности. Спектакль открывала широкая, очень мелодичная песня «На Кандре» С.Сайдашева на слова К.Тинчурина. Ее распевал наседающий зубья на жернове помощник мельника Гали – Хабибов. Неподалеку сидел старик Утяш и делал нарезки на посохе.

Тема формирования колхозного крестьянства в процессе социалисти-

ческого строительства красной нитью проходила и через образ старика Утяша, созданного Х.Уразиковым. Этот умный и остроумный старец вначале тоже не верит в затею Акбирдина. Как же верить, если за свою долгую жизнь он и не слышал о подобном «чуде». В конце спектакля Утяш – Уразиков предстает совсем другим человеком, полностью поверившим в силу коллективного хозяйства. Ярko, убедительно, с мягким юмором показывали Х.Уразиков и режиссер К.Тинчурин эволюцию героя. Перед зрителем в полной бытовой достоверности вставал образ мудрого, милого и одновременно смешного татарского старика.

Песня, а затем и последовавший за ней разговор сразу же вводили публику в события спектакля. Река Кандыр стала совсем маломощной. Раньше она свободно могла тянуть два жернова, теперь же едва один. Тут же произносилась фамилия Акбирдина, будто обещавшего найти для Кандыр другой источник. Из уст неожиданно появившегося из дверей мельницы и встрявшего тут же в разговор подкулачника Мингаза – Мутина характеристика на председателя звучала двусмысленно, иронично. «Видимо, хороший парень, – говорил М.Мутин плавно, не спеша закручивая самокрутку. – Партиец, всю жизнь работавший на заводе. На месте председателя нашего колхоза будет как литой, хотя и говорят, что плохо отличает пшеницу от полбы».

Мингаз – Мутин с первого же появления на сцене начинал непримиримую борьбу против двадцатипятилетнего Акбирдина. Нет, он не боролся в открытую, не такой человек. Для того у него нет ни сил, ни возможности. Но неприятие Акбирдина – Абжалилова сквозило в каждой фразе Мингаза – Мутина, любое его слово начинено скрытым ядом, малейшее действие – тайным умыслом. Замаскировавший-

ся под личиной добродушия хитрый и коварный враг не упускает ни единой возможности опорочить начинания Акбирдина, свести на нет его усилия и восстановить против него людей колхозной деревни. Вроде бы безобидной шуткой, насмешкой, а то и колким словом он пытается постепенно уничтожить авторитет председателя. Затем очередь дошла бы и до самого двадцатипятилетия. Однако не все удастся подкулачнику. За Акбирдиным стоят его реальные дела.

Акбирдин – Абжалилов ворвался на сцену, как ураган, нарушивший тихую гладь безмятежного озера. И сразу выбило из привычной колеи уже налаженный, размеренный ритм действия. Зрители лишь прихватили конец его спора с председателем сельского совета Хилялом – Салимжановым, но поняли, что последнему не совсем по душе крутые меры, принятые председателем колхоза. Он – сторонник более умеренных действий. Однако именно размеренность многовекового уклада крестьянской жизни призван разрушить Акбирдин – Абжалилов. Его не устраивает, например, что мельница за сутки выдает лишь шестнадцать пудов муки. Нужно, чтобы этот показатель дошел до трех тысяч пудов. Не хватает мощности реки – надо искать иные ресурсы, новые источники поднятия уровня воды на Кандре.

Акбирдин К.Тинчурина и Х.Абжалилова кровно связан с героями-комиссарами периода Гражданской войны. И внешне, и в характере много общего, что роднило его с предыдущим поколением борцов за народное дело. Та же кожаная тулупка и та же кожаная фуражка, та же одержимость идеей и презрительное отношение к личной жизни. В то же время этот герой актера Х.Абжалилова и режиссера К.Тинчурина создан совершенно иными средства-

ми выразительности психологического театра – способным на глубокие чувства, умеющим любить и ненавидеть, страдать и переживать.

С первого же появления Акбирдина – Абжалилова публика сразу же улавливала главное, что отличало двадцатипятилетника от других окружающих его людей. Чтобы он ни делал, за что бы ни брался, о чем бы ни говорил – всегда действовал в полную силу, целиком и полностью отдавая себя. Такая не часто встречающаяся способность мгновенно зажечься, воспламениться, до конца гореть за общее дело давала повод таким, как Мингаз, насмеяться над председателем: «Горячий конь быстро устает». Но насмешки оставались лишь насмешками.

Второй раз зритель встречался с Акбирдиным – Абжалиловым в правлении колхоза «Красная звезда». Режиссер К.Тинчурина и художник П.Сперанский и здесь не отступили от правды жизни. Своеобразную общую проходную комнату в правление колхоза, в сельский совет, в общество противопожарной охраны они «оборудовали» такой, какой были эти дома в реальной действительности. Несколько дверей с табличками-указателями, письменные столы и стулья, телефонный аппарат, на стенах – портреты вождей, плакаты... Акбирдин – Абжалилов появлялся, будто влетал на крыльях. Он нашел решение проблемы! Вода будет. Нужно каналом соединить Кандыр с рекой Акчишма. В результате осушатся и станут пригодными для посева болотные места Кызылташ и Кульбаш. А уровень воды на Кандре поднимется на несколько метров. На ее берегах можно будет построить мощную гидроэлектростанцию. Все уже подсчитано районным техником, остается лишь решить вопрос в правлении колхоза. Однако здесь дело осложнилось. Не-

которые члены правления, в том числе и председатель сельского совета Хилял – Салимжанов, старик Утяш – Уразиков, подкулачник Мингаз – Мути, Сафа – Уральский, не поверили в возможность осуществления планов Акбирдина – Абжалилова. Вот где понадобились бойцовские качества председателя, его убежденность, вера в правоту начатого дела.

К.Тинчурин и Х.Абжалилов были далеки от понимания образа Акбирдина как идеального героя, лишённого всяких человеческих недостатков и слабостей. При таком понимании образ двадцатипятилетнего получился бы неубедительным, однобоким, как бы бестелесным. На практике этого не случилось. В исполнении Х.Абжалилова Акбирдин – живой, полнокровный человек. Но его недостатки – продолжение его достоинств. В эпизоде спора в правлении колхоза проявилась его излишняя горячность. Во время отстаивания своих взглядов он оказывался способным оскорбить, обозвать оппонента. Являясь по сути правым, в выборе средств для достижения цели Акбирдин – Абжалилов не мог оставаться на высоте своего положения.

Таким же горячим, вспыльчивым предстал Акбирдин – Абжалилов в сцене проложения канала Кандыр – Акчишма. Принцип личного примера для бывшего рабочего являлся основополагающим. Зажигаясь сам и вдохновляя других, он весь день трудился наряду со всеми и лишь на минутку прибегал на стан напиться. Здесь застали его слова Хиляла – Салимжанова о возможном затоплении села. Ведь Акчишма протекает на несколько метров выше, чем Кандыр. В случае сильного дождя плотина на Кандре может быть смыта потоком, и тогда дома колхозников окажутся во власти разбушевавшейся стихии. Акбирдина – Абжалилова вывело

из себя не то, что подобное, в принципе, возможно, а то, что известие, распространяемое подкулачниками, повторяется и председателем сельского совета. Разгоряченный физическим трудом Акбирдин – Абжалилов вспылал моментально. Но возникшую было ссору погасило появление любимой девушки председателя колхоза Гуляндам – Кайбицкой.

Но правыми оказались противники двадцатипятилетнего. Неожиданно ночью пошел проливной дождь, сопровождаемый ураганным ветром, громом и молнией. Селу грозила опасность затопления. Что делать?

...Проходную комнату, знакомую зрителям по второму акту, трудно узнать. Теперь здесь царят хаос и беспорядок. Ослепительные вспышки молнии освещают сбившихся в кучу людей. Полумрак. Атмосфера испуга, даже паники. Трепещущий язык пламени единственной керосиновой лампы без стекла и воющий звук ветра придавали происходящему дополнительную тревогу. То и дело с треском распахивались окна и до публики доходил звон разбитого стекла. В отсутствие руководителей колхоза тут заправляли такие подкулачники, как Мингаз – Мути, Нагим – Тутуруш. Они делали все, чтобы, посеяв панику, напугать народ, создать суматоху и, воспользовавшись возникшей суетой, избавиться от двадцатипятилетнего и его сторонников. Все их действия подчинены этой задаче. Они постепенно подогревали недовольство людей. И, наконец, настала кульминационная сцена всего спектакля. Во взрывную атмосферу всеобщей паники входили Акбирдин – Абжалилов и Полевод – Гиззатов. Теперь от самообладания председателя колхоза, его умения разговаривать с людьми, найти оптимальное решение в экстремальной ситуации зависело многое, если не сказать все. Напряженнейшая тиши-

на. Малейшая оплошность Акбирдина – Абжалилова, будь то необдуманное слово, жест, движение или неверная интонация, даже произвольное выражение лица – все может привести к необратимому концу. Именно в такой критический момент одержал Акбирдин – Абжалилов важную победу над собой. Неимоверным усилием воли он подавил вспыхнувший было гнев и твердым, уверенным голосом начал давать указания, кому куда пойти, что делать. Такое завершение событий не входило в планы подкулачников. Чтобы подлить масло в огонь, они вынуждены были сами броситься в атаку. Неожиданно гас свет. Суматоха. Истошные крики. Кто-то призывал на помощь, а кто-то кричал «караул». Когда Бригадир – Айдаров зажег спичку, мгновенно восстанавливалась тишина. Посередине неожиданно возникшего круга с гордо вскинутой головой стоял Акбирдин – Абжалилов, рядом – готовые броситься на него Мингаз – Мутин и Налим – Тутуруш. Опоздай бригадир на секунду – события завершились бы трагедией... Вид подкулачников не испугал председателя. Спокойно взглянув на перекошенные от злости и страха их лица, он твердо проговорил: «Еще успеете расправиться со мной. Надо спасать деревню. Кто с нами, пошли...». За председателем тронулись многие. Оставались лишь подкулачники и, не зная что предпринять, Хилял – Салимжанов...

Четвертый и пятый акты являлись своеобразным эпилогом спектакля. Между третьим и последним актами прошло несколько месяцев. Планы Акбирдина осуществились полностью. Лампы Ильича освещают радостные лица колхозников. Подкулачники изгнаны из колхоза. Председатель сельского совета Хилял на некоторое время направлен на исправление на книжную фабрику в город. Также

настало время отъезда двадцатипяти тысячника. Село готовится провести праздник урожая и одновременно проводить своего полюбившегося председателя. Вот в таких обстоятельствах и происходит финальная встреча Акбирдина – Абжалилова и Хиляла – Салимжанова, неожиданно вернувшегося в родное село.

Только что произошло объяснение Акбирдина с Гуляндам. В личной жизни двадцатипяти тысячник потерпел неудачу: она не согласилась уехать с ним на Урал. Акбирдину – Абжалилову необходимо некоторое время, чтобы прийти в себя, осмыслить услышанное, наконец, привыкнуть к новым обстоятельствам. Но некстати появился Хилял – Салимжанов. Его поведение казалось весьма странным. Так сразу и не понять: то ли извиняется он, то ли шутит, а то и вовсе угрожает председателю. Все это Акбирдину – Абжалилову ни к чему. Ему нужно остаться одному. Не тут-то было, вдруг Хилял – Салимжанов громким окриком созвал народ. Оказывается, за достигнутые успехи постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР колхозу «Красная звезда» присужден орден Ленина. А Хилял – Салимжанов приехал с первыми оттисками газеты с указом поделить радость с односельчанами. Сценой всеобщей радости и торжественной праздничной песней завершался спектакль.

И публика, и театральная критика с восторгом встретили эту работу К.Тинчурина. «Зритель с неослабевающим интересом легко воспринимает все, что происходит на сцене, – говорится в статье «На премьере в Татарском академическом». – Успеху пьесы во многом способствует дружный, крепкий ансамбль исполнителей. Актеры в большинстве своем серьезно проработали роли. Из них особо

следует выделить Абжалилова (рабочий 25-тысячник), Айдарова (Бригадир), Мутина, Уразикова, Салимжанова, Болгарскую и Кайбицкую»⁵. Автор статьи был безусловно прав. Но ему следовало бы сказать еще о великолепнейшей работе композитора С.Сайдашева, написавшего удивительно мелодичные, светлые, полные огня и темперамента песни и арии, марши для спектакля. Многие из его сочинений вышли за рамки данной постановки и по сей день успешно исполняются мастерами вокального искусства республики. Свежестью, темпераментом и композиционной стройностью отличались молодежные танцы, поставленные молодым балетмейстером Г.Тагировым. Через них выражались не только молодая удаль, задор и сила, но и выявлялась радость созидательного коллективного труда. Массовые молодежные сцены являлись своего рода украшением постановки.

В августе – сентябре 1932 г. Татарский государственный академический театр гастролировал в Уфе. В гастрольный репертуар театра были включены «Рой», «Голубая шаль», «На Кандре» К.Тинчурина, «В вороньем гнезде» Ш.Камала, «Наемщик» Т.Гиззата, «Платок с письмом» С.Баттала, «Междубурье» Д.Курдина и «Рабиндар» Ас. Хабиб Вафа. Среди наиболее удачных работ режиссуры ТГАТа был назван и спектакль «На Кандре» К.Тинчурина. Башкирская театральная критика отметила акту-

альность постановки, ансамблевость актерской игры, а также выразительность музыкального и пластического оформления⁶.

Спектакли «На дне» и «На Кандре» являются самыми последними режиссерскими работами К.Тинчурина на сцене Татарского государственного академического театра. Как видно, они были встречены и публикой, и театральной общественностью весьма положительно. Даже партийная критика оценила их как серьезное желание «наблюдателя-попутчика» (так называли тогда К.Тинчурина) «непосредственно включиться в художественное отражение социалистического строительства и классово-борьбы, в отображение всего того, чем живет сегодня республика Советов»⁷. Однако эти постановки не спасли К.Тинчурина. В стране четко действовала машина тоталитарной чистки и она целенаправленно и систематично удаляла художника от живого театрального процесса. С начала тридцатых годов он уже не выступал как актер. С сезона 1932–1933 гг. его уже не использовали в качестве режиссера. Кроме того, начиная с 1933 г. под явно ошибочным лозунгом: «Драматический театр – только для драматических постановок, а музыкальные спектакли – в музыкальных театрах!», из репертуара были удалены все музыкальные произведения К.Тинчурина. В 1934 г., под видом сокращения штатов, был уволен из театра и сам режиссер. А там недалек и 1937 год...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История татарской советской литературы. – М.: Наука, 1965. – С.222.

² История советского драматического театра. В 6 т. Т. 4. – М.: Наука, 1968. – С.27.

³ Сезон ачылды// Кызыл Татарстан. – 1932. – 28 октябрь.

⁴ Я.Ч. На премьере в Татарском Академическом// Красная Татария. – 1932. – 18 апреля.

⁵ Я.Ч. Там же.

⁶ Татар дәүләт академия театры турында Башкортостан матбугаты// Яңалиф. – 1932. – № 8. – 97–98 б.

⁷ Я.Ч. На премьере в Татарском Академическом// Красная Татария. – 1932. – 18 апреля.

Аннотация

Развитие татарского театрального искусства в тридцатых годах – процесс достаточно драматичный и неоднозначный. С одной стороны, шло активное и во многом успешное освоение новой социалистической действительности и отражение ее в художественных произведениях. С другой – набирала оборот система тоталитарного контроля, которая не допускала ни малейшего отклонения от общепринятых норм. Анализированные в статье две последние постановки режиссера К.Тинчурина отражают именно эти взаимоисключающие тенденции развития национального сценического искусства.

Ключевые слова: татарский театр, режиссерское искусство, К.Тинчурина, «На дне», «На Кандре».

Summary

The development of the Tatar theater in the thirties is rather dramatic and ambiguous process. On the one hand, there was active and in many respects a successful development of new socialist reality and its reflection in works of art. On the other hand – the system of totalitarian control which didn't allow the slightest deviation from the standard norms gathered a turn. The last two directions of the director K. Tinchurin which were analyzed in the article reflect these mutually exclusive tendencies of the development of national theatrics.

Keywords: the Tatar theater, stage direction, K. Tinchurin, «At the bottom», «On Kandra».

УДК 34 (091)

МЛАДШИЙ БРАТ ФАТИХА АМИРХАНА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент*

Среди репрессированных немало замечательных людей с интересной судьбой, людей талантливых, с разносторонними способностями. К таким, несомненно, относится младший брат известного татарского писателя Фатиха Амирхана – Ибрагим Зарифович Амирханов.

Обратимся к некоторым сведениям из биографии братьев Фатиха и Ибрагима Амирхановых. Они родились в Казани: Фатих – в 1886 г., Ибрагим – в 1889 г. Разница в возрасте была небольшая, всего три с небольшим года, поэтому братья росли вместе и одновременно. Их отец – известный казанский мулла Зариф Амирханов дал сыновьям достойное образование.

Фатих Амирхан рано начал писать. Он исписывал все книги волнистыми линиями. Когда книги прятали, Фатих, обмакнув палец в чернила, начал рисовать волны на лице брата Ибрагима. Говорят, что Фатих был мастером доводить до слез старшую сестру Сагадат и младшего брата Ибрагима.

Фатих и Ибрагим учились в школе, а осенью 1895 г. поступили в медресе «Мухаммадия». В медресе оба брата получили глубокое знание арабского языка. Кроме того, дома они разговаривали с отцом и матерью по-арабски. Летом 1904 г. Ибрагим и Фатих учились на курсах русского языка в Самаре.

С 1905 г. в г. Казани начинает выходить подпольная газета шакирдов «Эль-Ислах» («Реформа»). Одним из ее организаторов был Ф. Амирхан. С

1907 г. она превратилась в легальную газету, отражавшую интересы демократической молодежи. Активное участие в работе редакции принимает Фатих Амирхан, который фактически являлся редактором и основным автором газеты. На фото редакции газеты «Эль-Ислах» (1908 г.) Ибрагим Амирханов сидит рядом с Габдуллой Тукаем, который также сотрудничал с газетой.

Ибрагим Амирханов был среди тех увлеченных молодых людей, у которых в начале XX века появилась идея о постановке спектаклей на татарском языке. После обсуждений остановились на пьесе «Несчастный юноша». Ее доработали для сценической постановки – сократили некоторые части, дописали отдельные сценки. Начались репетиции, готовились декорации и костюмы. Спектакль был поставлен в декабре 1903 г. в медресе «Мухаммадия». В главной роли Закира выступил Ибрагим Амирханов. Фатих Амирхан исполнял обязанности суфлера, гримера. Зрителями спектакля были шакирды медресе. Были и другие постановки в стенах медресе, известных татарских домах. Фатих и Ибрагим Амирхановы участвовали в постановке спектаклей и играли в них в качестве артистов.

В 1905 г. Ибрагим Амирханов входил в состав комитета шакирдов «Эль-Ислах». Во время революционных событий в октябре 1905 г. народ разоружает казанскую полицию. Начинается создание народной мили-

ции. Несколько дней власть в Казани находится в ее руках. В организации и работе народной милиции участвует и Ибрагим Амирханов. Но вскоре группа шакирдов, в том числе и Ибрагим, была арестована Казанским жандармским управлением. На другой день Ибрагима освободили по ходатайству отца.

Шакирды добивались некоторых реформ в татарских школах, выдвигали определенные требования. Когда их требования не были удовлетворены, в 1906 г. Ибрагим Амирханов вместе с группой революционно мыслящих шакирдов в знак протеста покинул медресе.

Фатих Амирхан характеризует своего брата Ибрагима в молодости как беспечного, бесхарактерного, с неустойчивыми взглядами на жизнь. Одно время Ибрагим связался с молодежью, попусту растрачивающей свое время, посещал сборища с выпивкой. И родители, и Фатих переживают, уговаривают Ибрагима, ругают его. В конце концов родители решают отправить Ибрагима подальше, в Бейрут, учиться.

Таким образом, в сентябре 1908 г. Ибрагим оказался в г. Бейруте в американском колледже. Он был основан в 1866 г. и назывался «Сирийский протестантский колледж». Впоследствии (1920 г.) он стал Американским университетом Бейрута – частным, независимым светским учебным заведением. В нем преподавали многие науки: медицину, бизнес, сельское хозяйство, строительство, архитектуру и другие. Здесь Ибрагим учится до 1914 г. После возвращения в Казань он работает учителем в татарской школе.

Фатих Амирхан оказал серьезное влияние на брата Ибрагима. Он приложил немало сил, чтобы тот из легкомысленного и беспечного юноши стал серьезным человеком.

Перед революцией 1917 г. Ибрагим Амирханов служил в царской

армии в г. Свердловске в чине младшего унтер-офицера. До декабря 1917 г. он находился в национальном самоуправлении в г. Саратове, а также в мусульманском военном комитете. В феврале 1918 г. стал членом партии большевиков.

После освобождения Казани от белочехов Ибрагим Амирханов работает народным судьей, является помощником председателя Совета народных судей. В 1919 г. его назначают заведующим отделом по делам национальностей при Казанском губисполкоме. В 1920 г. Ибрагим добровольно ушел на фронт, участвовал во взятии Крыма в качестве помощника начальника политотдела Казанской стрелковой дивизии. В Крыму его избрали членом революционного комитета Симферополя, поручили руководство отделом народного просвещения. Одновременно Ибрагим был членом мусульманского бюро при Крымском областном комитете партии. Вместе с ним в Крыму находилась и супруга Нафиса.

После возвращения из Красной Армии в 1923 г. начинается работа И. Амирханова в органах юстиции – он назначается членом Верховного трибунала. Затем следует работа в областном суде – членом Президиума, заместителем председателя (1923–1924 гг.).

Ибрагим Амирханов считается одним из первых татарских дипломатических работников. В 1924–1926 гг. он работает в консульстве СССР в Саудовской Аравии. Генеральным консулом СССР в этой стране тогда являлся опытный дипломат К.А.Хакимов. В Аравии Ибрагиму особенно пригодились знания английского, арабского, турецкого языков, которыми он овладел во время учебы в Бейруте. В посольстве Ибрагим выполнял обязанности переводчика, а также все другие поручения.

После Аравии он некоторое время работает в Ташкенте – помощник

ком управляющего сельхозбанком. В 1928 г. И.Амирханов возвращается в Наркомюст Татарской республики и работает членом Главного суда. В 1930–1931 гг. он помощник прокурора Татарской республики. Затем Амирханов снова работает членом Главного суда (1931–1933 гг.) и позже – старшим помощником прокурора Татарской республики.

Обратимся к материалам архивного уголовного дела. И. Амирханов был арестован 23 декабря 1937 г. На тот момент он работал юрисконсультом фанерного завода № 10 г. Зеленодольска. В этот же день проводится обыск в его квартире 6 по улице Баумана, дом 54. Ничего существенного при обыске не было изъято.

В уголовном деле перечислены следующие «преступления» Ибрагима Амирханова:

- проводил шпионскую деятельность в пользу Японии;
- участвовал в антисоветской националистической Идель-Уральской организации;
- являлся секретным агентом бывшего Казанского губернского жандармского управления;
- оказывал помощь белочехам во время оккупации ими Казани в 1918 г.

На первом допросе 23 декабря 1937 г. следователь обвинил И. Амирханова в том, что он в 1918 г., являясь начальником «железной дружины», арестовал рабочих Зайнуллина и Хабибуллина и направил их в контрразведку белочехов. Следователь также утверждал, что при вступлении в партию в 1918 г. Амирханов скрыл свое социальное происхождение. Арестованный отвечал на эти вопросы-утверждения отрицательно.

На первом же допросе следователь задал Ибрагиму вопрос: «Писатель Фатих Амирханов — это Ваш брат?». Ибрагим отвечал утвердительно. Для чего, в какой связи, из каких соображений был задан этот вопрос — непо-

нятно. Других вопросов, упоминаний о Фатихе Амирхане в уголовном деле нет.

В материалах уголовного дела упоминается еще один представитель Амирхановых – Гумер Амирханов, двоюродный брат Фатиха и Ибрагима Амирхановых. Его называют не иначе как белым офицером. Еще 1 сентября 1920 г. красноармейца строевого отдела ПриВО Гумера Назиповича Амирханова, 1899 г. р., арестовали. Приговор был характерным для того времени – заключить в концлагерь на время гражданской войны. 27 ноября 1920 г. Г.А. Амирханову определили срок – 5 лет концлагерей. Он находился в лагере трудовой повинности.

28 февраля 1938 г. И. Амирханов обращается к наркому НКВД ТАССР с заявлением о желании дать «чистосердечное признание» о своей шпионской и контрреволюционной деятельности. Этот основной протокол допроса – с полным признанием вины – датирован 21 марта 1938 г. Вполне очевидно, что этот протокол готовился длительное время, ибо содержит много информации. В нем И.Амирханов признается во всем, и в первую очередь в шпионской связи с Абдуллой Газизовым. В 1908–1913 гг. Амирханов и Газизов учились вместе в Американском колледже в Бейруте. Затем они переписывались. Газизов присылал письма из Харбина. Амирханов тоже писал товарищу. Письма обычно отправлялись оказией – через кого-либо. В частности, И. Амирханов передавал письма через Алмаева Яхью, который ездил в Харбин. Вскоре Газизов приехал во Владивосток, где начал работать учителем татарского языка при Управлении Владивостокского морского пароходства. Газизов был женат на дочери известного троцкого купца Яушева.

В 1934 г., со слов Амирханова, Газизов приезжал в Казань – за татарской литературой. Газизов заходил

на работу к Амирханову – в Главный суд, он пригласил его домой на чай. Дома Газизов открылся перед И.Амирхановым как эмиссар Харбинской Идель-Уральской общины и японский шпион. Как записано в протоколе со слов И.Амирханова: «Мы признались в откровенной беседе в своей враждебности к советскому строю и высказались о необходимости борьбы с советской властью».

Газизов якобы подробно рассказал о созданной в Харбине Идель-Уральской общине, которая по существу составляла татарский белоэмигрантский штаб. Руководил организацией Гаяз Исхаков. В Харбине издавалась и националистическая газета. Г. Исхаков, со слов Газизова, создал стройную систему Идель-Уральских комитетов борьбы против СССР. Работа велась среди татар-эмигрантов Японии, Китая.

По словам Газизова, в 1927 г. он приехал из Харбина во Владивосток вместе с шпионско-диверсионной группой. Членам группы удалось получить разрешение на въезд в СССР под предлогом возвращения на родину из-за притеснения харбинских властей.

Задачами Идель-Уральской организации были определены:

- переброска в СССР специальных групп;
- организация специальных отрядов для нападения на СССР;
- высылка в СССР эмиссаров;
- воспитание татар в антисоветском духе.

Для выполнения этих задач Газизов посещал национальные республики, осуществлял связь с родственниками и знакомыми белоэмигрантов, получал сведения о положении в СССР, организовывал борьбу против советской власти. Идель-Уральская организация была создана в Башкирии, в татарских районах Поволжья, Урала и Сибири.

Как показал И.Амирханов, он дал согласие Газизову на проведение шпионской деятельности в пользу Японии. Сразу же Амирханов подробно информировал Газизова о политико-экономическом состоянии Татарии, о ведущейся здесь антисоветской работе. Газизов заплатил И.Амирханову 500 рублей – за полученную информацию. Обещал оплачивать также и последующую информацию.

Газизов, с его слов, уже встречался с людьми в Казани и Уфе и успел некоторых завербовать, в частности, состоялась его встреча с Хамитом Апанаевым. Сразу отметим, что Абдулхамит Исхакович Апанаев, 1885 г.р., старший контролер завода коммунального треста г. Казани, был уже арестован и в сентябре 1937 г. расстрелян по решению тройки НКВД ТАССР.

Связь с Газизовым И.Амирханов должен был держать через Яхью Алмаева – эмиссара Харбинской Идель-Уральской организации. Впоследствии Амирханов передавал информацию Алмаеву – в частности, после поездки в составе бригады Татарского обкома партии по районам республики он представил обстоятельную информацию о политико-экономическом состоянии этих районов.

Далее Алмаев якобы попросил собрать информацию о числе осужденных по ТАССР за время с 1930 г., особо выделив осужденных колхозников. И.Амирханов собрал и передал необходимые сведения, получив за это 500 рублей. В дальнейшем Амирханов передавал Алмаеву сведения о партийных решениях, распоряжениях по линии суда и прокуратуры.

Обратим внимание на следующие слова И.Амирханова в протоколе допроса, написанные явно по настойчивой подсказке органов НКВД: «Я являюсь сыном известного казанского муллы, вырос в буржуазно-националистическом окружении, воспитан в буржуазно-националистическом духе,

Октябрьскую революцию встретил враждебно».

Краткая справка – Газизов Абдулла Калимуллович, 1895 г.р., уроженец Оренбургской области, проживал во Владивостоке и работал учителем. Его арестовали за шпионаж еще 23 мая 1934 г. В ноябре 1934 г. осудили на 5 лет лагерей и отправили в Карелию. Интересно, что в своих показаниях Газизов вообще не упоминал про И. Амирханова.

Братьев Алмаевых – Яхью и Рауфа – арестовали в 1938 г. Обоих 6 ноября 1938 г. приговорили к расстрелу и расстреляли. Рауф перед арестом работал преподавателем Ключищинского сельскохозяйственного техникума в Верхнеуслонском районе. Яхья Алмаев был экономистом-статистом на нефтепромысле в Республике Коми. Именно его и признали органы НКВД как агента японской разведки.

Как и каждому арестованному, органы задавали Амирханову вопрос: а кого ты вовлек, завербовал в организацию лично? И здесь, чтобы мы ни говорили, у человека был определенный выбор. Некоторые составляли огромные списки «завербованных» ими лиц. На основании этих показаний производились новые аресты. Но некоторые поступали по-другому. В частности, И. Амирханов на допросе 21 марта 1938 г. заявил, что вовлек в Идель-Уральскую антисоветскую организацию помощника капитана Волжского пароходства «Воронеж» Хабибрахмана Рафикова. Тот был сыном учителя русско-татарской школы в слободе Габдрахмана Рафикова. Фатих Амирхан поддерживал очень тесные отношения с Г.Рафиковым. Фатих, Ибрагим и Гумер Амирхановы путешествовали на пароходе, помощником капитана на котором работал Хабибрахман Рафиков. «Вербовка» состоялась еще в 1929 г., когда Амирханов совершал поездку на этом теплоходе. Но, заметил Амирханов,

Рафикова уже давно арестовали и отправили в Куйбышев.

И на самом деле, Хабибрахман Абдурахманович Рафиков, 1897 г.р., уроженец г. Казани, инженер-гидротехник, был арестован раньше Амирханова — еще в апреле 1937 г. и направлен в распоряжение Управления НКВД Куйбышевской области. В январе 1940 г. его дело прекратили из-за недоказанности. То есть И. Амирханов «выдал» уже арестованного НКВД человека, и об аресте Рафикова Амирханов знал.

Также в апреле 1937 г. был арестован преподаватель русского языка в институте, на рабфаке и в школах Якуп Сулейманович Богданович, 1883 г.р., уроженец г. Гродно. Уже в ноябре 1937 г. Богдановича расстреляли в Москве. Наверное, роковую роль в его судьбе сыграло то обстоятельство, что Богданович был женат на сестре Фуада Туктарова (по официальной идеологии того времени – белоэмигранта и врага советской власти).

Когда Ибрагим Амирханов дал показания о том, что он вовлек в антисоветскую организацию Богдановича, это не могло ничем навредить последнему — его уже расстреляли.

В подобной тактике, безусловно, следует усматривать как ум и рассудительность И. Амирханова, так и порядочность, благородство, стремление не навредить другим.

Итак, кого бы ни назвал И. Амирханов, он уже был арестован ранее, либо осужден, и даже расстрелян. Он не назвал никого из тех, кто еще оставался на свободе. Ибрагим Амирханов своими показаниями не причинил никому вреда. Это достойно уважения.

Следователь задает очередной вопрос: «Работая членом Главного суда и помощником прокурора, Вы покровительствовали врагам народа». Скорее, это даже не вопрос, а прямое утверждение, на которое Амирханов отвечает отрицательно.

Между тем в уголовном деле нет никаких фактов о контрреволюционной деятельности И. Амирханова в сфере юстиции. Его не обвиняют в прекращении каких-либо уголовных дел, необоснованном освобождении арестованных и т.д.

Что касается обвинения в сотрудничестве с жандармским управлением, то, со слов Ибрагима, в 1907 г. его вызвали в жандармское управление, где под угрозой ареста заставили стать информатором. Амирханов дал письменное обязательство о сотрудничестве. Завербовал его ротмистр – фамилию его Амирханов не смог вспомнить и назвать. А ведь они якобы неоднократно после этого встречались – Ибрагим и ротмистр. Ни имени, ни фамилии ротмистра – странно!

Как сообщил Амирханов, по его доносу была раскрыта нелегальная шакирдовская газета «Эль-Ислах», печатавшаяся на гектографе и помещавшаяся в одной еврейской квартире на Рыбнорядской улице. Также были арестованы и высланы на родину два студента, являвшиеся организаторами кружка по изучению и внедрению новой методики в татарской школе и распространявшие революционные идеи (фамилий студентов в протоколе нет). Якобы за эти сообщения Ибрагим получал от жандармского управления от 5 до 15 рублей в месяц, в зависимости от ценности доноса. Такое секретное сотрудничество имело место в 1907–1908 гг. – до отъезда Амирханова в Бейрут. После возвращения из Бейрута связи с жандармским управлением не имел.

Признания Ибрагима Амирханова в сотрудничестве с Казанским жандармским управлением не выдерживают никакой критики. Никто проверкой этих фактов не занимался. А ведь времени прошло немного, архивы жандармского управления были доступны. При желании доказать или

опровергнуть указанные факты не составляло никакого труда.

Тем более раскрытия, закрытия шакирдовской газеты «Эль-Ислах» в 1907–1908 гг. не было. Да и как мог Ибрагим Амирханов выдать газету, которую выпускал его старший брат Фатих? На момент отъезда Ибрагима Амирханова в Бейрут газета издавалась. 68-й номер газеты стал последним из-за преследований цензуры и нехватки средств, но случилось это в 1909 г.

Конечно, при желании следствие могло бы и расширяться, пойти еще дальше. В частности, следователь задавал Ибрагиму Амирханову вопрос о его работе в Аравии – переводчиком в полномочном посольстве СССР (1924–1926 гг.), требовал сообщить о проведенной в посольстве контрреволюционной работе. Ибрагим ответил отрицательно. Но следователь пообещал (и записал в протокол) – «Вам придется рассказать об антисоветской деятельности в советском посольстве в Аравии...», и что об этом речь пойдет на следующем допросе.

Однако протокола допроса об этом в уголовном деле нет. Возможно, что следователь решил не утруждать себя поиском новых обвинений. Ведь Амирханов уже признался в том, что он шпион и секретный жандармский агент. Этого было вполне достаточно для расстрела.

Перейдем к следующему обвинению – содействие белочехам. Когда Амирханов работал в Главном суде, его сняли с работы и исключили из партии за содействие белочехам в Казани в 1918 г. Потом Амирханов был принят на работу в прокуратуру республики. Как рассказывал на партийном собрании один из прокурорских работников, сам участвовавший в боях с белочехами, Амирханов до чехословаков был судьей. Он – сын крупного казанского муллы, участник Забулачного контрреволюционного

правительства и один из командиров вооруженного отряда. При наступлении чехов остался в Казани и был председателем уличного комитета, мобилизовывал для чехов жителей города Казани. Когда об этом было высказано товарищами, частично в этом признался и сам Амирханов. Его исключили из партии.

Ибрагим Амирханов в анкете в уголовном деле указывает, что до прихода белочехов он был народным судьей, состоял в дружине Забулачной республики, а при чехах являлся председателем квартального комитета. Один из допрошенных по делу свидетелей показал, что Ибрагим Амирханов работал судьей как при красных, так и при чехах. Все это время суд находился в доме Казакова около озера Кабан. Вспомним в этой связи характеристику Фатихом Амирханом личности брата Ибрагима – как бесхарактерного, с неустойчивыми взглядами.

Этот же свидетель рассказал, что во время нахождения в Казани белочехов были созданы квартальные комитеты – как органы-посредники между населением и белочехами. Амирханов при белочехах был судьей, затем председателем квартального комитета в Новотатарской слободе, а также начальником так называемой «железной дружины». Дружина существовала на денежные средства крупных купцов. Квартальные комитеты должны были обеспечить мобилизацию населения в армию белочехов. Народу в армию белочехов было мобилизовано много, но большинство мобилизованных не явились и скрывались. Были случаи ареста тех, кто выступал на собраниях против мобилизации. В частности, свидетель указал на арест Зайнуллина и Хабибуллина – с участием Амирханова.

Со слов этого же свидетеля, когда в Казань вернулись красные, Ибрагим Амирханов был арестован и доставлен

в социалистический комитет. Его допрашивал комиссар Исхак Рахматуллин. Но вскоре Ибрагима отпустили.

Следует подчеркнуть, что в уголовном деле нет никаких показаний и сведений об участии Ибрагима Амирханова в каких-то карательных мероприятиях на стороне белочехов – в расстрелах, казнях, задержаниях красноармейцев или представителей революционных властей Казани.

Квартальные комитеты выполняли приказы белочехов – о мобилизации населения в армию, поставке лошадей и телег для фронта и др. Комитет под руководством Амирханова ввел ежедневное дежурство жителей Новотатарской слободы. То есть комитет обеспечивал порядок на своей территории.

Свидетель, слесарь Пишмаша Ибрагим Зайнуллин, на допросе показал, что по постановлению квартального комитета состоялось собрание жителей Новотатарской слободы. Народу на собрании было очень много. Собранием фактически руководили Зариф Амирханов (отец Ибрагима и Фатиха), мулла Садык Иманкулов и другие. В основном выступали, говорили о необходимости проведения мобилизации для армии белочехов. Ибрагим Амирханов находился возле президиума.

Зайнуллин показал, что если кто выступал против белочехов, говорил в пользу красных, их по указанию президиума хватили вооруженные люди и избивали. И. Амирханов написал постановление и отправил Зайнуллина к белочехам. Там была неразбериха и Зайнуллину удалось сбежать.

Другой арестованный, свидетель Абдулла Хабибуллин, печатник, на допросе показал, что летом 1918 г. при белочехах во дворе около мечети состоялось собрание жителей. Народу было много – около четырех тысяч. Он и Зайнуллин выступили против решения белочехов о мобилизации.

Их обоих привели в квартальный комитет, где допрос произвел лично И.Амирханов и составил протокол. Потом их отправили к белочехам. Ему удалось уйти.

Еще в сентябре 1936 г. органы НКВД провели очные ставки между И.Амирхановым и двумя рабочими, в аресте которых его обвиняли. И Хабибуллин, и Зайнуллин настаивали, что их арестовали вооруженные люди на собрании жителей, когда они выступили против призывов к мобилизации в армию белочехов. Далее их привели в квартальный комитет, и там И.Амирханов написал бумагу (по словам Зайнуллина — «крепко» написал), в которой просил военные органы белочехов принять меры. С этой бумагой, составленной Амирхановым, Зайнуллина отвели в полицейский участок.

Амирханов на очных ставках с обоими рабочими доказывал, что он лично их не арестовывал — каждого из них привел в квартальный комитет народ. Амирханов утверждал, что он отпустил Зайнуллина, и того уже арестовал народ, затем отвели в полицейский участок. Зайнуллин продолжал настаивать — его арестовал Амирханов и написал «крепко» бумагу, хотя он и просил его — не писать так «крепко».

В 1936 г. И.Амирханов приходил домой к Зайнуллину и Хабибуллину, пытался с ними объясниться, говорил, что их арестовал народ, а не он.

Таким образом, единственное реальное действие, в котором принял участие Амирханов, — это задержание, арест на собрании двух рабочих, которые были доставлены потом в распоряжение армии белочехов. И то это не повлекло для арестованных каких-либо серьезных последствий — одного отпустили, второй убежал.

Как пишет биограф Ф. Амирхана, Ибрагим Нуруллин, в конце августа 1918 г. Казань находилась во власти учредителей и чехов. Учредителю-

цы — представители новой власти, центр которой находился в Самаре, призывали граждан записываться в добровольческую белую армию. Кроме того, они объявили мобилизацию средних и младших офицеров. Ибрагим был унтер-офицером и должен был идти на регистрацию. Списки скрывающихся от мобилизации были переданы новым властям, в них был И. Амирханов. Его спасло лишь наступление Красной Армии.

Возможно, что И. Амирханов участвовал в работе квартального комитета и «железной дружины» для того, чтобы не идти по мобилизации в армию белых.

1 июля 1938 г. датирован короткий допрос И.Амирханова. Он подтверждает свои прежние показания, что являлся секретным агентом, японским шпионом и проводил антисоветскую работу в Идель-Уральской организации.

3 октября 1938 г. утверждается обвинительное заключение по делу и оно направляется для рассмотрения. Тройка НКВД ТАССР 3 ноября 1938 г. выносит приговор — расстрел, который исполняется в этот же день.

По поводу реабилитации Ибрагима обратилась Разия Абдулловна Амирханова — племянница Фатиха и Ибрагима Амирхановых, дочь их сестры Сагадат, которая воспитывалась в семье Зарифа Амирханова. В связи с рассмотрением вопроса о реабилитации И. Амирханова Комитет государственной безопасности ТАССР провел проверку, в том числе по сведениям об оказании Амирхановым помощи белочехам в Казани в 1918 г. Проверяющие пришли к выводу об отсутствии каких-либо доказательств, подтверждающих эти сведения. КГБ также не располагал сведениями о сотрудничестве И.Амирханова с Казанским жандармским управлением. Ибрагим Амирханов был реабилитирован в 1958 г.

УДК 81'35

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

И.Б. Баширова, доктор филологических наук,

Р.М. Мирхаев, кандидат филологических наук

История татарского письменного литературного языка начинается в 20–30-е гг. XX века, в 60–70-е гг. XX века она формируется как самостоятельная наука, начинает преподаваться в высших учебных заведениях. В этом деле, несомненно, есть большая заслуга сотрудников ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан.

В свое время в трудах Дж. Валиди (1912), Г. Газиза, Г. Рахима (1922), Г. Сагди (1926), Н. Хакима (1928), А.Н. Самойлович (1928), Х. Бадиги (1930) и др. в определенной степени были обобщены мнения о том, что историю татарского литературного языка можно разделить на периоды.

В конце 50-х гг. XX века в Казанском государственном университете на факультете татарской филологии началось чтение студентам лекций по курсам «История татарского литературного языка», «Стили литературного языка», которые вел заведующий сектором языка Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР Л. Заляй. В своих лекциях по курсу «Стили татарского литературного языка» профессор Л. Заляй отмечает, что сформировавшийся литературный язык характеризуется наличием пяти функциональных стилей и что у каждого из них есть своя история (Жәләй, Кульзәма, 1958–1959). На основе трудов

Л. Заляя в татарском языкознании формируется новая отрасль – стилистика, основной целью которой является исследование истории татарского литературного языка и его функциональных стилей, определяются ее задачи и методы (Бәширова, 2005: 39–48).

Дело изучения этих сложных вопросов татарского языкознания, начатое в свое время Л. Заляем, в последующем было продолжено его учениками Ф.С. Фасеевым, М.З. Закиевым, В.Х. Хаковым, Х.Р. Курбатовым, в трудах которых освещались различные аспекты истории татарского литературного языка. Таким образом, была заложена твердая научная основа данного направления.

В трудах Ф.С. Фасеева и М.З. Закиева этапы развития татарского литературного языка освещаются во взаимосвязи с историей тюркских племен и с историческими факторами, повлиявшими на формирование татарского народа (Зәкиев, 1965, 1993: 23–43; Фасеев, 1966: 809–810, 1982: 57–62). В этих исследованиях подробно описывается всеобщая история тюркских народов. Так, например, в работе М.З. Закиева «Тюрко-татарский этногенез» дается этимологическая, семантическая и функциональная характеристика 23 тюркским этнонимам. На данный труд могут опираться представители любого тюркского народа, занимаю-

щиеся историей литературного языка своего народа. Говоря о роли и месте письменно-литературных традиций в истории развития татарского литературного языка, мы тоже опираемся на этимологическую, семантическую и функциональную трактовку этнонима «тюрк» (Зэкиев, 1995, 1998: 235–321).

В трудах Х.Р. Курбатова функциональные стили татарского литературного языка заложены в твердую систему и рассматриваются в историческом плане (Курбатов, 1971, 1978; Хаков, 1972, 1993, 1999).

В.Х. Хаков, который обучался в аспирантуре при ИЯЛИ и долгое время преподавал в Казанском государственном университете историю татарского литературного языка и вел исследования в этой области, говорит о том, что история татарского литературного языка как отдельная отрасль татарского языкознания формировалась в 60–70-е гг. XX века (Хаков, 2003: 5).

В то же время заведующий отделом языкознания ИЯЛИ, известный диалектолог Л.Т. Махмутова, поддерживая мнение Л. Залая, отмечает, что в развитии татарского литературного языка важную роль сыграли диалекты и в этой связи необходимо изучать их взаимосвязи в различных аспектах, в том числе и в историческом плане (Махмутова, 1969).

С ее подачи началось изучение языковых и стилистических особенностей поэмы «Кыссаи Юсуф» Кул Али (Ф.С. Фасеев), книги «Кисекбаш» (Я.С. Ахметгалеева), драматических произведений Г. Камала (И.А. Абдуллин), прозы Ш. Камала (М.Г. Мухаммадиев). Для работы в этой области в аспирантуру были приняты Ф.Х. Хакимзянов, М.И. Ахметзянов, М.М. Негматуллин, А.Х. Исхакова (Алиева), З.А. Хисамиева (Казыйханова), Э.Х. Вафина (Кадирова) и др. Большинство молодых ученых вели свои исследова-

ния под руководством академика Э.Р. Тенишева, стали издаваться сборники их научных статей (Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань, 1983) и т.д.

Одновременно под руководством Н. Юзеева начинается работа по составлению «Истории татарской литературы» из шести томов, в начале которой дается информация о том, что язык письменных памятников сохранен как в первоисточнике. Первый и второй тома этой книги включают в себя статьи таких видных ученых, как Х. Кероглы, Ш. Абилов, Г. Тагирджанов, М. Гайнуллин, А. Каримуллин, Я. Абдуллин, М. Гайнетдинов, Н. Хисамов, М. Ахметзянов, Х. Махмутов, Х. Миннегулов, Ф. Мусин, о тюркотатарской литературе IX–XX вв. В их трудах наряду с общественно-историческими событиями и литературно-культурной жизнью определенной эпохи дается также характеристика языковых особенностей произведений писателей и поэтов (Казань, 1984, 1985).

Наряду с этим группа текстологов проводит большую и трудоемкую работу по возвращению письменного наследия народу. В результате их стараний тексты, которые дошли до наших дней в виде рукописей, доходят и до простого читателя. По мнению составителя «Татарская литература XVIII века. Поэзия» М. Ахметзянова, «...в деле подготовки источников по нашей литературе татарская текстология в последние пятьдесят лет накопила большой опыт и успешно решает поставленные перед ней задачи» (Әхмәтжанов, 2006: 6). В Казанском государственном университете ведется работа по изучению исторических источников (Усманов, 1972, 1979) и официальных документов (Хисамова, 1981, 1999) на старотатарском языке.

На основе деятельности историков, литературоведов и языковедов с це-

лью систематизации изученных тюрко-татарских письменных источников, выявления новых и их изучения в соответствии с современными требованиями в свое время директор ИЯЛИ и заведующий отделом языкознания М.З. Закиев предложил Х.Р. Курбатову и И.А. Абдуллину составить единую программу изучения истории татарского литературного языка.

Программа, составленная Х.Р. Курбатовым, совместно с московскими тюркологами была обсуждена в ИЯЛИ 5 мая 1987 г. Из-за разногласий, касающихся письменных памятников и их происхождения, она не была принята. Та же участь постигла и вторую программу, составленную И.А. Абдуллиным.

Но, несмотря на это, интерес к истории татарского литературного языка не уменьшился. Сборники научных статей, написанные в результате исследований письменных источников, под редакцией Х.Р. Курбатова издавались каждый год. Как видно из этих статей, изучение истории татарского литературного языка велось на основе разделов фонетики и морфологии языкознания. Большинство авторов акцентировали свое внимание на общих с отдельными говорами или же с современным татарским литературным языком фонетических и морфологических особенностях исследуемых письменных источников, т.е. они хотели показать, что письменные источники имеют отношение и к татарскому народу. Наряду с этим дается краткая характеристика письменному языку той эпохи, в которой было написано или издано литературное произведение, а также использованию языковых единиц в соответствии с требованиями определенных жанров.

Мнения Х.Р. Курбатова и И.А. Абдуллина, озвученные в программах, но не принятые официально, в дальнейшем заняли свое место в сборнике

«Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка». И самое важное: в статьях, включенных в сборник, были определены дальнейшие задачи, которые предстояло решать исследователям истории татарского литературного языка. В своей объемной статье «Основные концепции изучения истории литературного языка и источников» И.А. Абдуллин, говоря о том, что «... изучение литературного языка того или иного периода, а в целом истории литературного языка, развития лексико-семантических и грамматических норм (Тенишев, 1988, 71), а также письменных источников возможно лишь на основе заранее согласованной методики и выдержанной схемы», делает следующий вывод: «Для такого серьезного достоверного изучения татарского литературного языка необходима целевая и четкая программа написания монографий, диссертаций по отдельным письменным источникам, жанровым стилям, периодам и подготовки кадров» (Абдуллин, 1992: 8–20).

Все научные сборники, которые издавались ежегодно, открывались ввводной статьей директора ИЯЛИ и заведующего отделом языкознания М.З. Закиева. В его статье «Татарская лингвистика в системе тюркологии» говорится о следующем: «... в 50–60-х гг. XX века начала формироваться как самостоятельная научная дисциплина история татарского литературного языка на уровнях лексики, фонетики, грамматики и стилистики, но, к сожалению, она не получила интенсивного развития. Пока мы имеем лишь книги по истории формирования литературных стилей на уровне вузовских учебников» (Закиев, 1992: 6).

В дальнейшем авторами статей, включенных в эти сборники, были защищены кандидатские и докторские диссертации, написанные в результате изучения языковых особенностей

литературных произведений, деловых бумаг, публицистических, научных и религиозных текстов, изданы их монографии.

Наряду с этим, как справедливо отметил Н.Ш. Хисамов, «... во время передачи литературно-поэтических текстов, сочиненных на основе арабской графики, буквами современного алфавита выявляется много трудностей. Допускаются грубые ошибки, которые бросаются в глаза» (Хисамов, 2006:4).

На эту проблему обращают внимание и другие ученые. Поэтому ими постоянно поднимается вопрос об изучении истории татарского литературного языка на должном объективно-научном уровне и по-новому (Фасеев, 1982; Курбатов, 1987; Закиев, 1989; Хәкимжанов, 1991; Хаков, 1992; Абдуллин, 1992; Хисамова, 1999; Нуриева, 2004) и т.д.

Подчеркивая важность этой работы, руководство Института языка, литературы, искусства приняло решение о подготовке «Истории татарского литературного языка» на русском языке.

Труд был издан в виде однотомника, который включает в себя «Вводное слово» и «Заключение», написанные ответственным редактором Х.Р. Курбатовым, и объемное введение, написанное В.Х. Хаковым: «История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.)». – Казань, Фикер, 2003. – 656 с.

Он состоит из четырех глав, в основы которых были заложены этапы развития тюрко-татарского литературного языка, а именно XIII в., XIV в., XV–XVII вв., XVII в. – первая четверть XX века. Данные главы в основном содержат отрывки из изданных трудов отдельных авторов (Х. Кузьмина, Ф. Нуриева, Х. Курбатов, Э. Наджип, Ф. Хисамова, Э. Кадырова, А. Алиева, Л. Гимадиева и др.), написанных в результате исследования

текстов, относящихся к указанным периодам.

Результаты исследований в обобщенном виде даются в аннотации книги: «Эта коллективная монография (авторами которой являются московские и казанские ученые-тюркологи) посвящена исследованию особенностей татарского письменного литературного языка. В работе тщательному анализу подвергнуты наиболее важные письменные памятники прошлых столетий (эпические и лирические произведения, деловые памятники, дидактика и т.д.).

В результате выяснилось, что единого письменно-литературного языка, начиная с XIII до первой четверти XX в., не было. Оказалось, что язык у каждого автора был своеобразен, в зависимости от того, в каких странах и тюркоязычных краях он получил образование, к какому диалекту (или говору) татарского языка принадлежал. Единый татарский стандартный литературный язык установился лишь в 20 – 30-х гг. XX века.

Исследование же татарского разговорного литературного языка ждет особого исследования» (Казань, 2003: 4).

Из этого становится понятным, что природа и функция старотатарского литературного языка, бывшего в употреблении с XIII века до первой четверти XX века, были оценены в отрыве от своей эпохи в свете современного единого и стандартного литературного языка. Если смотреть в этом фоне, конечно, язык каждого автора может показаться своеобразным, потому что в старотатарском языке одни и те же слова писались по-разному, и по своей природе, как отмечают языковеды, он был «смешанным»: *бар-вар, булаула, төрле-дөрле, тау-таг и т.д.*

Однако дает ли нам основание данное явление говорить о том, что в языке литературных произведений, напи-

санных языком, который с XIII века назывался повожским тюрки, с XV века старотатарским литературным языком, а со второй половины XIX века татарским национальным литературным языком, не было определенной последовательности и преемственности, т.е. традиции, являющейся основной особенностью литературного языка. Если подойти к вопросу в данном ракурсе, получится так, что татарский литературный язык формировался лишь в 30-е гг. XX века, т.е. после так называемых младописьменных языков, письменность в которых появилась лишь после 1917 г.

Поэтому в последней четверти XX века со всей остротой стал вопрос о необходимости обновления методов изучения истории литературных языков (Серебрянников, 1981). В трудах Э.Р. Тенишева подчеркивается, что, занимаясь историей литературного языка, надо всегда учитывать основные признаки, определяющие его природу, и что в этом плане еще не изучен ни один тюркский литературный язык. А под основными признаками литературного языка подразумеваются: 1) наличие обработанности, шлифовки в той или иной степени; 2) функционально-стилистическая вариативность; 3) вариативность нормы; 4) наддиалектный характер; 5) преемственность (традиции) (Тенишев, 1987: 133–134, 1988, № 1 и т.д.). Именно в этом направлении группа сотрудников отдела общей лингвистики, образованного в 2007 г. в Институте языка, литературы и искусства, под руководством Ш.Н. Асылгараева начала исследование истории татарского литературного языка.

Изучение классического старотатарского литературного языка в новом ракурсе предполагает также претворение в жизнь приоритетной задачи «всестороннего и глубокого научного исследования татарского

языка как духовного наследия татарского народа, в том числе в русле новых лингвистических подходов и с учетом опыта развития мировых языков», утвержденной в «Государственной программе Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 гг.» (Закон, 2005: 26).

Все это в первую очередь предполагает поиск ответов на следующие вопросы:

1. Сохранилась ли в письменных памятниках, созданных в течение многих веков, какая-нибудь преемственность?

2. На каких традициях основывался письменный язык, который в трудах видных тюркологов упоминается под названиями «повожский тюрки» и «классический старотатарский язык»?

3. Существовали ли устойчивые письменные нормы, или же каждый автор писал по-своему?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, во-первых, определить степень изученности в татарской филологии основных признаков, определяющих природу и функцию литературного языка, во-вторых, обобщить мнения, высказанные в трудах, посвященных анализу языковых особенностей татарских письменных источников, относительно проблем, касающихся фонетики, морфологии, графики и орфографии.

На этой основе необходимо разработать теорию, которая объяснила бы, что в письменных памятниках, созданных в течение многих веков, начиная с XIII века и заканчивая началом XX века, сохранялась определенная последовательность и преемственность, а также определить цели, задачи и методы исследования.

В начале пути, особенно во время исследования вопросов, касающихся

раздела фонетики, возникли определенные трудности. Потому что до этого перед исследователями письменных памятников не ставилась задача определения литературной нормы, вследствие чего указывалось лишь то, как отражались те или иные звуки в письме при помощи арабских графем, а в качестве примеров приводились и арабо-персидские заимствования, и слова тюрко-татарского происхождения. В результате выяснилось, что одни и те же звуки в этих словах передавались по-разному. Например, звук /и/ в слове *исем* «имя» передавался буквой «алиф», а в слове *иген* «хлеб» сочетанием букв «алиф» и «йай». Можно ли назвать это смешанностью? В последние годы этот вопрос начали поднимать в своих трудах Ф. Хакимзянов (1991), Ф. Хисамова (1999), И. Баширова (1999), Ф. Нуриева (2004) и выяснилось, что разнообразие, наблюдаемое в письменном языке, можно объяснить лишь на фоне нормы и ее вариативности.

Благодаря этому, стало возможным изучение письменных памятников на основе единого метода и доказать наличие преемственности в старотатарском литературном языке, которая сохранялась в течение многих веков. Когда разрабатывалась проблема преемственности, которая отражается в фонетике, графике и орфографии, учитывались следующие моменты: во-первых, как показали исследования, арабо-персидские заимствования писались как в языке-источнике, т.е. по правилам арабского или персидского языка. Учитывая, что 60–70% лексического фонда старотатарского литературного языка составляли арабо-персидские заимствования, было выявлено, что в этой области соблюдались устойчивые письменные нормы. Во-вторых, как отмечают ученые, в написании слов тюрко-татарского происхождения тоже существовали

свои особенности, которые определяют лицо поволжского тюрки и старотатарского языка (Фасеев, 1982: 48–51). Значит, для того, чтобы увидеть эту преемственность, в первую очередь необходимо строго разделить вопросы, касающиеся написания арабо-персидских заимствований, от вопросов написания слов тюрко-татарского происхождения. В этом случае несоответствия, наблюдаемые в написании арабо-персидских заимствований и тюрко-татарских слов, никак нельзя рассматривать как явления смешанности-вариативности, потому что они, будучи элементами двух различных языков, несмотря на общность графики, в письме передавались согласно правилам своего языка. Поэтому мы можем назвать их явлением, обозначающим несоответствие одной орфографической нормы другой, а не вариативностью.

Говоря о «смешанности» языка письменных памятников, мы должны учитывать лишь разное написание слов одного языка. Например, слова *алла* «аллах, бог, господь» и *иман* «вера», будучи словами арабского происхождения, должны начинаться лишь одной буквой «алиф», однако в этих словах наблюдаются также написание начального «алифа» в сочетании с буквой «йай» и т.д.

Вариативность такого рода больше всего встречается в словах тюрко-татарского происхождения, чем в арабо-персидских заимствованиях. Здесь в основном учитывается несоответствие форм, в которых отражаются особенности местности-региона, где было написано произведение, с традиционной общетюркской формой.

Большинство из них связано с различиями, характерными для языков огузской и кыпчакской групп. Эту особенность мы можем объяснить с двух аспектов: а) общетюркская вариативность, так как она наблюдает-

ся в языках, входящих в одну семью; б) отражение нормы, которая свойственна двум разным языкам внутри одной общетюркской семьи.

Разное написание слов, наблюдаемое в языке письменных памятников, объясняется еще и тем, что для передачи десяти гласных звуков татарского языка в письме использовались лишь три арабские графемы, а для передачи согласных /г/, /з/, /с/, /т/, /х/ по три графемы.

Таким образом, смешанность-вариативность старотатарского письменно-литературного языка явилась следствием взаимовлияния особенностей татарского и арабского языков, а также особенностей, характерных для языков различных групп одной общетюркской языковой семьи. Однако эти вариации отражались лишь в фоне определенной нормы – традиции. Поэтому, говоря о вариативности нормы, в первую очередь нужно учитывать, что письменный язык характеризуется наличием нормы.

Применение данного метода дает возможность изучения языковых особенностей старотатарских письменных текстов, не отделяя их от той исторической эпохи, в которой они были написаны. Для этого наряду со смешанностью-вариативностью, свойственной структуре языка каждого текста, нужно определить также функциональные особенности употребления структурных элементов, так как продолжение каких-либо традиций можно увидеть только тогда, когда структурные особенности языковых единиц и особенности их употребления в отдельном тексте рассматриваются вместе.

Если литературный язык исследуется этим методом, становится очевидным несоответствие мнения о том, что «...единого письменно-литературного языка, начиная с XIII до первой четверти XX в., не было...» не соответствует действительности.

Таким образом, когда речь идет о традиционной норме в письменных текстах, необходимо учитывать как структурные особенности языковых единиц, так и особенности их употребления в отдельно взятом тексте, а именно их функциональные особенности в сравнении с современным состоянием.

Для того, чтобы установить преемственность тюрко-татарской литературно-письменной нормы, необходимо взять в основу не арабские графемы, а графемы кириллицы, которые в настоящее время используются для передачи звуков татарского языка, и определить, как они в письме отражаются арабскими графемами, и тем самым выявить причины появления вариативности. Когда исследование велось на основе арабских графем, в основном отражались особенности арабского языка, а не татарского.

В ходе работы над первым томом истории татарского литературного языка «Фонетика, графика, орфография: литературная норма һәм вариативность» авторами был применен описанный выше единый метод (Баширова, 2009: 50–54).

Работа над вторым томом «Морфология: литературная норма и вариативность в грамматических категориях» предполагает исследование системы частей речи и значений, выражаемых грамматическими формами. При этом в основу берется их современное состояние.

Исследование лексического фонда старотатарских письменных текстов, написанных в различные периоды, будет вестись в направлении определения частных свойств, определяющих его природу. Наряду с изучением тематических групп, в основе которых лежат номинативные возможности слова, необходимо будет также объективно осветить их функцио-

нальный потенциал, т.е. взаимосвязи между лексико-семантическими категориями.

Подводя итог, можно сказать следующее: татарский национальный литературный язык, который берет свое начало со второй половины XIX в.

и который в XV–XVI вв. на основе древнетюркских (VI–VIII вв.) и старотюркских (XI–XIV вв.) письменных литературных языков формировался как классический старотатарский литературный язык, продолжает существовать и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллин И.А.* Г.Камал драмаларының теле. – Казан, 1968. – 198 б.
- Ахметгалиева Я.С.* Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». – М.: Наука, 1979. – 191 с.
- Бәдигъ Х.* Татар әдәби теленәң барышы/ Безнең юл, 1930, №2, Б. 3-4.
- Вәлиди Ж.* Телебезнең эшләнеше, иске һәм яңа әдәби, гыйльми тел / Ж.Вәлиди. «Татар теленәң тулы сүзлегенә» сүз башы. – Казан, 1927.
- Газиз Г., Рәхим Г.* Татар әдәбияты тарихы, 1 том. 2 бүлек. – Казан, 1922.
- Жәләй Л.* Татар әдәби теле тарихы. Әдәби телнен стильләре. – Кулязма, 1958.
- Закон РТ О государственных языках РТ и других языках в РТ. Казань, 2005. – 68 с.
- Зәкиев М.З.* Төрки-татар этногенезы. – Казан:Фикер, М.: Инсан, 1998. – 624 б.
- Ибраһимов Г.* Яңа әдәби татар теленәң беренче баскычларында/ К.Насыйри мәжмугасе. – Казан, 1922. – Б. 150–160.
- История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.). – Казань: Фикер, 2003. – 656 с.
- Кол Гали.* Кыйссаи Йосыф. Йосыф турында кыйсса. – Казан, 1983. – 512 б.
- Курбатов Х.Р.* Татар әдәби теленәң стилистик системасы. – Казан, 1971.
- Махмутова Л.Т.* Современный татарский литературный язык и диалекты /Вопросы тат. языка и лит.-ры: кн. 4. – Казань, 1960. – С.26–34.
- Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казань, 1992. – 137 с.
- Нуриева Ф.Ш.* Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского лит. языка золотоордынского периода. – Казань, 2004. – 376 с.
- Самойлович А.Н.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка /Мир Али Шир. – Л., 1928. – С.3–25.
- Сәгъди Г.* Беренче дәвер татар әдәбиятындан яңа материаллар. – Мәгариф, 1927.
- Серебренников Б.А.* Об основных отличиях истории строевых элементов языка от истории литературного языка // Сов. тюркология. – Баку, 1981, № 4.
- Тенишев Э.Р.* Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Сов. тюркология. – Баку, 1988, №1. – С.68–78.
- Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – 222 с.
- Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979.
- Фасеев Ф. С.* Краткий грамматический справочник татарского языка // Татарско-русский словарь. – М., 1966. – С.807 – 863.
- Фасеев Ф.С.* Старотатарская деловая письменность XVIII века. – Казань, 1982.
- Хакимзянов Ф.С.* Варианты реализации поволжского литературного языка / Старотатарский лит. язык. Исследования и тексты. – Казань, 1991.
- Хаков В.Х.* Татар әдәби теле тарихы. – Казан: Ун-т нәшр, 1993. – 323 б.
- Хисамов Н.Ш.* Классик әдәбиятны нәшер итүнең кайбер принципиаль аспекты // Татар әдәбияты текстологиясе мәсьәләләре (Урта гасырлар – XX йөз башы). – Казан, 2006. – Б.4–8.
- Хисамова Ф.М.* Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX в. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 1999. – 408 с.

Аннотация

Статья посвящена истории и научно-теоретическим аспектам изучения татарского литературного языка. В ней подчеркивается ее актуальность, дается описание историографии и основных дифференциальных признаков старотатарского литературного языка.

Ключевые слова: старотатарский литературный язык, литературно-письменная традиция, вариативность нормы, функционально-стилистическая вариативность.

Summary

This article is devoted to the history of the Tatar literary language. Actuality of the research is emphasized, describing of the historiography and main differential features of the Old Tatar literary language are presented in the article.

Keywords: Old Tatar literary language, literary and written tradition, the variation rules, functional and stylistic variation.

УДК 811.512.1

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

А.К. Булатова, младший научный сотрудник

Лексическое значение слова подвижно. Именно подвижность способствует своеобразию лексической системы любого языка. Синхронное состояние словарного состава, иными словами, его состояние на определенном этапе его развития (в нашем случае современном), есть результат всех предшествующих этапов его существования, и отражает всю сложность и противоречивость его многовековой истории. Изменение же лексических значений приводит к языковой полисемии. Равным образом как причины семантических изменений могут быть самыми разными, сами семантические изменения по своей природе могут также различаться, ибо в их основе могут лежать различные закономерности: 1) расширение значения; 2) сужение значения; 3) смещение (сдвиг или перенос) значения. При расширении значения видовое понятие, присущее денотату, развивается в родовое, иначе говоря, происходит генерализация. Сужение значения, наоборот, предполагает, что исходное значение выступает как родовое, а измененное – как одно из составляющих его видовых. Изменения третьего типа (смещение (сдвиг, перенос) значения) в отличие от первых двух типов не идут постепенно. Как правило, подобный перенос осуществляется говорящим осознанно. Закрепление же результата в языке происходит при условии, что основание для переноса признается языковым большинством, т. е. образуются устойчивые ассоциации.

Необходимо отметить то, что соматизмы представляют собой часть

древнейшего основного фонда языка. Данная лексико-тематическая группа восходит к древнетюркскому языку, и по этой же причине номинативные значения соматизмов общие в основном для всех современных тюркских языков. Практически все соматизмы полисемантичны. В отдельных же тюркских языках дальнейшее развитие лексико-семантических вариантов в некоторых случаях имеет общность, в некоторых же имеет и расхождения, так как обнаруживаются различные смысловые оттенки. Например, татарское слово *йөз* (в татарских говорах варианты *йез*, *жөз*) в номинативном значении употребляется как 'лицо, часть головы человека': *Элекке иркә, матур йөздә хәзер бик аз житдилек күренә* (Г.Ибраһимов) 'Теперь на этом когда-то милом, красивом лице появилось немного серьезности'. Здесь также ощущаются и смысловые оттенки: физиономия, лик, выражение лица. Это слово восходит к древнетюркскому *йүз*, *йүзә* (*yüz*) 'лицо, маска'.

В татарском языке из этого основного значения исходят следующие лексико-семантические варианты:

1) поверхность чего-либо: *күк йөзе* (небосвод, поверхность неба). Данное значение также развилось в азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском, уйгурском, башкирском, караимском, карачаевском, кумыкском, ногайском, киргизском языках;

2) облик, внешний вид: *шәһәр йөзе* (облик города). Это значение имеется в казахском, каракалпакском языках;

3) площадь, поверхность (о маленьких предметах): *яфрак йөзе* (поверхность листа). Этот лексико-семантический вариант имеет место также и в турецком, туркменском, узбекском языках;

4) лицевая сторона, поверхность: *итек йөзе* (лицевая сторона сапога) также в туркменском, гагаузском, азербайджанском, турецком, киргизском, ногайском, башкирском;

5) лезвие, острие – переносное наименование (название орудия + острый ← передняя сторона): *пычак йөзе* (лезвие ножа). Данный лексико-семантический вариант встречается в турецком, казахском, ногайском, башкирском языках;

6) авторитет, достоинство: *Минем хэзер дус-иш арасына күренерлек йөземне калдырмадыгыз* (Ф.Амирхан) ‘Вы не оставили мне авторитета перед друзьями’.

В азербайджанском языке есть лексико-семантический вариант ‘сливки, то, что на поверхности молока’. В якутском языке слово употребляется и в значении ‘щека, лоб, чело’. В турецком,

казахском, киргизском имеется вариант ‘сторона, направление, край, берег’.

Слово *арка* (фонетический вариант *арқа*) в татарском, также и во многих тюркских языках в основном значении ‘спина’. Из номинативного значения исходят вторичные:

1. Задняя сторона/часть, оборотная сторона. Данное значение встречается в азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском, уйгурском и др.

2. Переносное значение – спинка (стула, кресла): *урындык аркасы* (спинка стула). Характерно для карачевского, кумыкского языков.

3. Заплечье, закорки: *арка капчыгы* (заплечный мешок). Лексико-семантический вариант имеется в азербайджанском языке.

4. Возвышенность, хребет: *тау аркасы* (хребет горы). Также в данном значении используется в караимском, карачевском, балкарском языках.

5. Обратная сторона ладони, лицевая сторона руки: *кул аркасы*.

6. Обратная сторона лезвия, острия орудий: *пычак аркасы* (оборотная сторона ножа).

Таблица 1

ЙӨЗ

Лексико-семантические варианты	Тюркские языки												
	татарский	башкирский	турецкий	туркменский	казахский	азербайджанский	узбекский	уйгурский	хакаский	кумыкский	каракалпакский	гагаузский	якутский
	йөз	йөз	yüz	йүз	йүз	-	-	үз	-	юз	жүз	-	-
Лицо, личико	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+
Облик, внешний вид	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-
Лицевая сторона, поверхность	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
Площадь	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сторона, берег	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лезвие, острие	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Авторитет, достоинство	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сливки	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Щека, лоб	-	-	+	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+

Таблица 2

АРКА

Лексико-семантические варианты	Тюркские языки												
	татарский	башкирский	турецкий	туркменский	казахский	азербайджанский	узбекский	уйгурский	хакасский	кумыкский	каракалпакский	гагаузский	якутский
	арка	арка	arka	арка	арка	-	орка	арка	арга	аркъа	арка	-	-
Спина	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Задняя/оборотная сторона	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-
Заплечье	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Запад	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Опора, поддержка	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Спинка (мебели)	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Шов, соединяющий рукав со спинкой	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Хребет, склон	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
Род, поколение	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Защитник	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 3

АЯК

Лексико-семантические варианты	Тюркские языки												
	татарский	башкирский	турецкий	туркменский	казахский	азербайджанский	узбекский	уйгурский	хакасский	кумыкский	каракалпакский	гагаузский	якутский
	аяк	азак	ауак	айак	адак	айак	оёк	аяк	азах	аякъ	айак	айак	атах
Нога	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ступня	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Лапа, лапка	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+
Ножка мебели	+	+	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-
Машинное колесо	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Подставка	-	-	+	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+

7. Во многих языках, в том числе и в татарском, развилось значение ‘опора, поддержка, защитник’: *Син аркам булырлык кеше* ‘Ты мой защитник’.

Также в ногайском языке у этого слова появилось значение ‘часть спины между лопатками’, ‘запад’ – в якутском, ‘север, северная сторона’ – в каракалпакском, в хакасском есть лексико-семантический вариант ‘место соединения рукава со спинкой’, в туркменском, азербайджанском име-

ется лексико-семантический вариант ‘поколение, род’.

В тюркских языках *аяк* употребляется в номинативном значении ‘нога’. В татарском языке произошло следующее развитие значений:

1. Лапа: *кош аягы* (лапка птицы) – это значение также характерно для якутского, азербайджанского, ногайского, хакасского языков.

2. Ножка стула, стола – встречается во многих тюркских языках.

В кумыкском, балкарском языках есть лексико-семантический вариант 'ступня, пятка'. В турецком, туркменском, кумыкском, уйгурском языках есть значение 'подставка, пьедестал'. В турецком диалекте слово употребляется и в значении 'колесо машины'.

Подытоживая кратко наблюдения, необходимо отметить, что в основном при развитии лексико-семантических

вариантов обнаруживаются сходства в большинстве тюркских языков, вместе с тем в отдельных тюркизмах прослеживаются различные смысловые оттенки. Сравнительное исследование развития, дифференциации значения слов в родственных языках дают ценные сведения для дальнейшего анализа истории семантического развития слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Әхмәтҗанов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. – Дүрт томда. – Т.1. – Бирск: БГПИ нәшр., 2005. – 232 б.

Әхмәтиянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

Древнетюркский словарь. – М.: Наука, 1969. – 676 с.

Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т.Жанұзақов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 968 б.

Киргизско-русский словарь / Сост. К.К.Юдахин. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 974 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. – М.: Наука, 1989.

Татар теленең анлатмалы сүзлеге: 3 томда / Редкол.: Л.Т.Мәхмүтова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С.Сабилов, Ш.С.Ханбикова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977–1981.

Татар теленең анлатмалы сүзлеге / Редкол. Ф.А.Ганиев, К.С.Миңнебаев, Ф.М.Газизова һ.б. – Казан: «Матбугат йорты» нәшр., 2005. – 848 б.

Türkçe sözlük. – Ankara, 2005. – 2244 s.

<http://sozluk.gagauz.in/>

<http://sozdik.kz/ru>

<http://solver.uz/>

<http://huzlek.bashqort.com>

<http://www.tilachar.biz/ru/dictionary>

<http://sostik.info>

<http://old.sakhatyla.ru>

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению изменений значений слов в татарском языке в сравнении с другими тюркскими языками. Исследование состояния лексических составов тюркских языков дает ценные сведения для изучения лексикона татарского языка. В данном случае предлагаются некоторые наблюдения над изменениями лексико-семантических вариантов слов, относящихся к лексико-тематической группе соматизмов.

Ключевые слова: лексическое значение, полисемия, тюркские языки, татарский язык.

Summary

The article is devoted to the problem of studying the processes of development of meanings of Tatar words in comparison with other modern Turkic languages.

Keywords: meaning, polysemy, Turkic languages, the Tatar language.

УДК 811.512.145'28

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ АРЕАЛА «ЮГ БАШКОРТОСТАНА» (в сравнительном освещении)

М.Р. Булатова, научный сотрудник

В тюркологии проблемы диалектного синтаксиса нашли отражение в работах Н.К. Дмитриева (1931), С.М. Бехбудова (1969), Н.З. Гаджиевой (1973), А.Ш. Садыхова (1975), Р.К. Гаффарова (1979), М.М. Джафарзаде (1981) и др.

В первой половине XX в. в татарском языкознании был опубликован ряд обобщающих монографических исследований, посвященных фонетическому, морфологическому и лексическому анализу диалектов и говоров татарского языка. Синтаксис диалектов и говоров в составе грамматических особенностей в виде отдельного раздела начал описываться позднее. В изучение диалектного синтаксиса татарских говоров значительный вклад внесли А.А. Юлдашев, А.Ш. Афлетунов, Л.Т. Махмутова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова, Ф.С. Баязитова, З.Р. Садыкова, Р.Р. Шамгунова, Г.Х. Ахатов, Д.Г. Тумашева, Р.С. Барсукова.

Первым на диалектные особенности синтаксиса обратил внимание Л.З. Заляй. В своей работе «Татарская диалектология» он приводит общие сведения о синтаксических особенностях трех диалектов татарского языка и использует принцип анализа и синтеза. Л.З. Заляй внес большой вклад в рассмотрение синтетической связи в предложении, а также в изучение строения разных типов предложений и структуры прямой речи. Ос-

новная заслуга Л.З. Заляя заключается в том, что он заложил основы диалектного синтаксиса и дал толчок для его дальнейшего развития.

В изучение диалектного синтаксиса тептярских говоров значительный вклад внес А.А. Юлдашев. В его работе «Язык тептярей» (1950) главным образом дается описание синтаксических и морфологических явлений, которые отличают тептярские говоры от татарского и башкирского литературного языка. Им отмечено незначительное число особенностей диалектного синтаксиса, что объясняется его близостью к литературному языку. Однако они имеют свои характерные особенности. Это касается синтаксической роли интонации, вопросов синтаксиса сложного предложения, инверсии главных и второстепенных членов предложения и т.д.

А.Ш. Афлетунов в кандидатской диссертации «Языковые особенности татарских говоров, расположенных на территории западной и юго-западной части БАССР» (1960) продолжает разрабатывать идеи, заложенные А.А. Юлдашевым, останавливается на вопросах синтаксиса тептярских говоров. А.Ш. Афлетунов вносит ясность в структуру словосочетания и находит сходства данного диалекта с другими диалектами татарского языка. «Интересной синтаксической особенностью тептярского говора, — отмечает он — является замена одного падежа дру-

гим падежом, а также исчезновение аффикса дательного падежа, употребление родительного падежа вместо винительного». Такую особенность автор видит только лишь в тептярских говорах и называет его термином «скрытая связь», в то же время он выводит мысль о сохранении дательного падежа.

В монографии Л.Т. Махмутовой «Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка)» указываются особенности оформления сказуемого, различного характера, отклонения в употреблении падежей и др.

Со второй половины XX в. на вопросы диалектного синтаксиса стали обращать больше внимания и другие диалектологи (Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова, З.Р. Садыкова). В работе «К истории формирования говора пермских татар», исследуя говор пермских татар, Д.Б. Рамазанова выделяет такие синтаксические особенности, как структура словосочетания, структура сказуемого, инверсия членов предложения, особенности структуры вопросительного и сложного предложений. В 2011 г. вышла в свет ее книга «Образцы речи текстов татарских диалектов» (хрестоматия), где отражены и синтаксические особенности всех диалектов татарского языка.

Изучением синтаксиса западного (мишарского) диалекта занималась Р.Р. Шамгунова. В 1963 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Особенности чистопольского говора татарского языка», в которой рассматриваются две очень важные проблемы синтаксиса: особенности словосочетания и особенности структуры предложения. В структуре предложения данного говора Р.Р. Шамгунова выделяет преобладание аналитической связи, что составляет отличие чистопольского говора от литературного языка.

Фундаментальными трудами по исследованию татарских диалектов Западной Сибири явились работы диалектологов Г.Х. Ахатова и Д.Г. Тумашевой. Помимо изучения лексических и морфологических свойств сибирско-татарских диалектов, они анализируют следующие синтаксические особенности: контекстуальная инверсия, формы сказуемого, структура сложных предложений и т.д. Г.Х. Ахатов в работе «Диалект западносибирских татар» (1963) отмечает, что в языке представителей данных диалектов сравнительно больше употребляется сложное глагольное сказуемое и имеется особый тип вопросительного предложения.

Изучение синтаксиса сибирско-татарских диалектов продолжено в работе Р.С. Барсуковой «Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении», где рассматриваются такие синтаксические особенности, как структура словосочетания, инверсия членов предложения, особенности структуры вопросительного и сложного предложений. Автор отмечает, что в говоре не наблюдается употребление подчинительных союзов, отсутствуют причастные и деепричастные обороты.

Большой вклад в разработку вопросов диалектного синтаксиса татарского языка внесли труды синтаксистов М.З. Закиева (1963, 1974, 2005), Ф.С. Сафиуллиной (1974, 1990) и др.

Синтаксис татарского литературного языка рассматривает М.З. Закиев в работе «Синтаксический строй татарского языка» (1963), а некоторые аспекты и диалектов татарского языка отмечает в III томе «Татарской грамматики» (1995), специально посвященном синтаксису.

В 1978 г. вышла в свет книга Ф.С. Сафиуллиной «Синтаксис татарской разговорной речи», в которой даны

разработки этого направления по татарскому синтаксису. Автор останавливается на следующих вопросах: многочисленные типы глагольных и именных повторов, своеобразие употребления местоимений, специфика утверждения и отрицания, эллиптические конструкции, явление синтаксического стяжения и присоединения. В них отражены особенности как разговорного, так и диалектного синтаксиса.

В диссертации Л.Л.Янсаевой на тему «Диалектный синтаксис татарского языка (простое предложение)» (2008) впервые в татарской диалектологии делается попытка исследовать синтаксис простого предложения татарских диалектов и говоров. Выявляются сходства и различия в структуре синтаксических единиц диалектов татарского языка, частотность их употребления, затрагиваются общие теоретические вопросы татарского языкознания на уровне синтаксиса простого предложения.

Татарскими диалектологами накоплен богатый практический материал для разностороннего изучения синтаксических особенностей местных говоров, который представлен в специальных сборниках, подготовленных ими. Так, в «Материалах по татарской диалектологии», «Татар халык сөйләшләре» представлены образцы текстов из среднего, западного, восточных диалектов. Увидели свет образцы текстов в книгах «Туйлар, туйлар...» (1997), «Материалы по сибирским диалектам» (2000), «Образцы речи текстов татарских диалектов» (2011) Д.Б. Рамазановой; многочисленных книгах Ф.С. Баязитовой: «Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы» (2007), «Туй йолалары лексикасы» (2011), «Халык традицияләре лексикасы: бишек туге» (2012) и др.

Синтаксические явления в говорах значительно разнообразнее, чем

в книжной речи. Ниже рассмотрим синтаксические особенности говоров ареала «Юг Башкортостана», где распространен ряд татарских говоров, относящихся к разным диалектам: белеевский подговор мензелинского говора, тепекеевский говор, курмантауский говор, турбаслинский говор, учалинский говор среднего диалекта и стерлитамакский говор западного диалекта.

Особенности в оформлении и словосочетаний. В говорах ареала «Юг Башкортостана» в основном те же способы соединения слов в словосочетания, что и в татарском и других тюркских языках. Вместе с тем в исследуемых говорах наблюдаются и некоторые отклонения.

1. В именных словосочетаниях господствующим компонентом выступают имена существительные или другие части речи, употребляемые в функции имен существительных. Как и в татарском и вообще в тюркских языках, широко применяются именные словосочетания с именами, образованными или при помощи аффиксов родительного падежа и притяжательности, или при помощи обязательного соседства и аффикса притяжательности, или же просто при помощи обязательного соседства: *Ана, Фәнийәнәң қыды килә* (тпк.) – Вон, идет дочь Фании. *Тее шәхәр йегете кунаққа қайтып төштө* (бел.) – Приехал в гости тот парень из города. *Бәйрәм көн булгач, әсүлгә чыгуны кичектерделәр* (трбс.) – Из-за того, что сегодня праздничный день, выезд отложили.

а) в словосочетаниях, имеющих аффикс принадлежности первого и второго лица единственного числа, отмечены случаи выпадения аффиксов притяжательного падежа: *Нәнәм өйе йанына* (лит. дәү әниемнәң өйе янына) *китте* (тпк.) – Пошел к дому моей бабушки. *Абыйым сүзе* (абыемның сүзе)

житә қалды, өйгәшләрен эшләп тә қуйды (крмн.) – Слово брата ему хватило, сразу сделал домашнее задание. *Күршең бақсасы* (күршеңнен бакчасы) *қый* (бит) *ул* (учл.) – Ведь это огород (твоего) соседа.

б) в белебеевском подговоре зафиксированы случаи архаичного изафета, то есть словосочетаний «существительное+существительное», компоненты которых связаны без аффиксов, со значением принадлежности: *Ул Уфа қызлар* (лит. Уфаның қызлары) *буген монда килмәкчеләр ийе* – Те уфимские девушки сегодня намеревались прийти сюда. *Қайын агачтан* (каен агачыннан) *йасалган тырма* (бел.) – Грабля, сделанная из березы (дословно: березового дерева).

В татарском языке безаффиксальный изафет со значением принадлежности особенно активно употребляется в тех говорах, которые сформировались в ходе изолированного в том или ином отношении существования и сохранили ряд архаичных черт: в нукратском [7, 49], пермском [11, 120–121] говорах среднего диалекта, в говорах сибирских диалектов [2, 105–106; 13, 421; 15, 146–147]; sporadически выступает и в других говорах как среднего, так и западного диалектов: параньгинском [6, 149–175], мензелинском, бирском, златоустовском [9, 67; 16, 50–51], чистопольском [13, 234], темниковском и др.

Данный тип изафета восходит к той эпохе тюркского праязыка, когда «отношения принадлежности могли выражаться простой коллокацией двух имен существительных типа *озеро берег...*» [12, 268].

2. В курмантауском и тепекеевском говорах в словосочетании, определяемое которого является прямым дополнением без аффикса, определение, выраженное числительным, прилагательным, местоимением, принимает

аффикс винительного падежа: *Кил әле, берәйне көлсә* (лит. берәр көлчә) *ашап қарарсың* (крмн.) – Подойди-ка, отведаешь одну лепешку. *Бер жиде-сигезне сарық* (жиде-сигез сарык) *тотайы* (крмн.) – Держал примерно 7–8 овец. *Күрше апқайткан шундыйны машина* (шундый машина) (тпк.) – Сосед привез такую машину.

В словосочетаниях, ведущим компонентом которых является существительное, определяющий компонент принимает аффикс дополнения.

Это явление несколько активнее выступает при инверсии атрибутива: *Аның тее кешекәйе абзар сала йаңаны* (яңа абзар) (тпк.) – Тот его (некий) человек строит новый сарай. Ср.: так же в пермском говоре [11, 123].

3. Г л а г о л ь н ы е словосочетания организуются по принципу: главный формирующий член (глагол) и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях.

а) в глагольных словосочетаниях с прямым дополнением иногда аффикс винительного падежа может опускаться: *Балаң үстерү* (лит. балаңны үстерү) *жиңел булмас* (трбс.) – Нелегко будет вырастить ребенка. *Туган көндө үткәру* (туган көнне уздыру) *күп вақыт алмай, минемсә* (учл.) – По-моему, справление дня рождения не занимает много времени.

б) в стерлитамакском говоре и белебеевском подговоре мензелинского говора глагол *утыру* управляет исходным падежом: *Утырыгыз урындыктан* (бел.) (лит. урындыкка утырыгыз) – Садитесь на стул. *Нәрсәкәй сез, кунақлар ишек төптән утыралар* (ишек төбенә утыралар), *без түрдәнме* (түргәме)? (бел.) – Да вы что, гости садятся у двери, а мы в красном углу, что ли?

Это явление наблюдается в пермском [11, 125], параньгинском [6, 149–175] говорах и, главным образом, в

говорах Приуральского ареала. Такая же особенность в слове *басу* встречается в тоболо-иртышском диалекте [15, 148; 2, 107].

в) в белебеевском подговоре глагол *атлану* управляет не направительным, как в литературном языке, а основным падежом: *ат атланып// ат менеп* (атка атланып) – верхом, *лисәпит атланып* – на велосипеде и т.д.

г) при глаголах движения название пункта направления, в отличие от литературного языка, употребляется и в основном падеже: *Бәләбәй китә* (лит. Бәләбәйгә) (бел.) – Уезжает в Белебей. *Чақмагыш* (Чакмагышка) *барганмы?* (бел.) – Ездил в Чекмагуш? *Гәйнәдән Ыслак* (Ыслакка) *китәсең* (стрл.) – Из Гайны едешь в Слак (названия деревень). *Колоп* (клубка) *мендеңме?* (стрл.) – В клуб ходил, что ли?

Подобные отклонения в управлении глаголов имеют место и в других говорах татарского языка [7, 49; 11, 125; 16, 53; 17, 59].

4. В курмантауском говоре в неполных словосочетаниях, вторым компонентом которых являются послелогии или послеложные слова, управление осуществляется с помощью дательного-направительного падежа, а послеложные слова опускаются: *икенче тапкыр//икенче мәртәбә* > *икенсегә* – во второй раз, *өченче тапкыр//өченче мәртәбә* > *өсөнсегә* – в третий раз и т.д. Например: *Ул өсөнсегә* (өченче тапкыр) *кийәүгә сықты инде* – Она в третий раз вышла замуж. *Икенсегә* (икенче тапкыр) *баласын исән-сау тапты* – Во второй раз родила ребенка здоровеньким.

Данное явление часто употребляется в заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта [2, 108].

5. Значение, передаваемое в татарском литературном языке через послелог *өчен*, в курмантауском говоре иногда передается показателем

дательного-направительного падежа: *Эшемә қайғырып утырам* (крмн.) – Эшем өчен кайгырам – Переживаю за работу. *Баласына барсына да эзер* (крмн.) – Баласы өчен барсына да эзер – На все готова ради ребенка. *Қызына қайғыра* (крмн.) – Кызы өчен кайгыра – Переживает за дочь.

Эти особенности характерны для нукратского говора среднего диалекта и для говоров тоболо-иртышского диалекта [2, 108; 15, 148].

6. В стерлитамакском говоре окончания категории принадлежности могут употребляться в двойной форме: *Бер улысы* (лит. бер улы) *қырык бишенче йылгы* (стрл.) – Один из сыновей сорок пятого года рождения. *Үз алнысыннан* (үз алдына) *абзарлары йанды* (стрл.) – Ни с того ни с сего сторели их хлева.

В говорах среднего диалекта ареала двойной аффикс употребляется в местоимениях *кайсысы*, *бусысы*, *ансысы*, числительные *берсесе* и т.д.: *Бармақларның қайсысын тешилсәң дә амырта дигәндәй, балаларым да шулай* (крмн.) – Какой бы палец ни укусила – больно, дети также. *Қызларның бусысы матур* (бел.) – Эта из девушек красивая. *Күберәгесе шул амылга киттеләр* (трбс.) – Многие (из них) уехали в ту деревню.

В тюркских языках данный процесс называют десемантизацией, т.е. первое окончание воспринимается как норма, второе – как факультатив. Данное явление активно бытует в нукратском, красноуфимском, мамадышском, мензелинском, златоустовском, бирском говорах среднего диалекта, а также в говорах западного диалекта.

7. Синтаксические особенности, связанные с употреблением аффикса *-ныкы/-неке*:

а) могут употребляться в функции сказуемого: *Кемнеке ди* (булсын) – *синнеке* (крмн.) – Чьей может быть – твоя.

Куренеп тора – амылнықы (трбс.) – Сразу видно – из деревни.

б) в курмантауском, тепекеевском и стерлитамакском говорах выступают в роли определения, соответствуют аффиксу притяжательного падежа: *Танышлары бар анда анықы* (аның танышлары) (тпк.) – У него там есть знакомые. *Туганым минеке* (минем туганым) *килгән* (крмн.) – Мой брат пришел. *Әтисе чакырды анықы* (аның әтисе) (стрл.) – Его отец позвал.

Употребление аффикса принадлежности *-нықы/неке* в функции определения является характерной морфологической особенностью златоустовского [16, 51], нукратского [7, 37], пермского говоров среднего диалекта. Отдельные случаи его наблюдаются в говоре подберезинских крышен и в говорах, распространенных на территории Пензенской области, а также в говорах восточных диалектов. Отмечено в диалектах узбекского языка [5, 102], караимском, саларском, уйгурском [8, 138] и др. языках.

В пермском говоре и в говорах тоболо-иртышского диалекта употребляется исторически полный вариант аффикса абстрактной принадлежности *-ныңқы/-неңке* [15, 149; 2, 107]. См. также карту № 120 Атласа [1, № 120]. Характерно для уйгурского языка [8, 78].

Особенности в оформлении и сказуемого. 1. Сказуемое, выраженное именными частями речи, во всех лицах принимает личные аффиксы: *Балалар өйдә йуқлар* (бел.) – Детей нет дома. *Мин жылақмын үзем бик* (трбс.) – Я сама очень плаксивая. *Иптәшләр өчәүләр ийек без* (стрл.) – Нас, товарищей, было трое. *Нисәүсез сед?* (учл.) – Сколько вас? *Бед өс бертуған, исәмбед әле* (тпк.) – Нас трое кровных родных, пока все живы. *Син андасыңмы, қартатайлардасыңмы?* (крмн.) – Ты там, что ли, у (нашего) дедушки?

Данное явление наблюдается, главным образом, в тех говорах татарского языка, которые распространены в Приуральском регионе: байкибашевском говоре западного диалекта [9, 76], мензелинском, златоустовском [16, 50], пермском [11, 126] говорах среднего диалекта, тарском и тевризском говорах тоболо-иртышского диалекта и др.

Оформление именного сказуемого при помощи личных аффиксов характерно и для различных тюркских языков: алтайского, башкирского, гагаузского, казахского, якутского и других.

2. Согласование сказуемого, выраженного сочетанием на *-ган/-гән* плюс *бар* или *йуқ*, с субъектом осуществляется следующими способами:

а) в отличие от литературного языка, глаголы на *-ган* могут употребляться без личных аффиксов: *Бу күлмәкне безнең кигән* (лит. кигәнебез) *бармени* (стрл.) – Это платье разве мы носили. *Ул турыда ишеткән* (ишеткәнебез) *дә йуқ* (крмн.) – Об этом даже и не слышал.

б) в таких конструкциях лишенным личных аффиксов часто оказывается и субъект: *Сез* (лит. сезнең) *курғанегез бардыр инде чабатаны* (трбс.) – Вам приходилось, наверно, видеть лапти. *Сүләгәнем йуқ мин* (минем) (бел.) – Мне не приходилось рассказывать. *Син* (синен) *сатып алганың бар аны* (тпк.) – Ты такое уже когда-то покупал.

в) наблюдаются случаи, когда связь предикатива с субъектом осуществляется без каких бы то ни было грамматических показателей: *Без ата қаз асыраған йуқ* (бел.) – Безнең ата қаз асырағаныбыз юк – Нам не приходилось держать гусака. *Мин барған* (минем барғаным) *йуқ сит илгә* (учл.) – Я не бывал за границей.

Подобные явления распространены и неоднократно отмечены исследователями по другим говорам татар-

ского языка [4, 96–97; 10, 112; 11, 127; 16, 68 и др.].

3. Аффиксы сказуемости III лица *-дыр/-дер* в стерлитамакском говоре ареала, как и в западном диалекте, продолжают употребляться: *Ул киләдер* (лит. килә), *дәрес әйтәсең* – Он идет, правильно говоришь.

Это явление встречается редко. В сибирских диалектах татарского языка в составе глагольного сказуемого они сохранились в виде *-ды/-де (ты/-те)*: *Алар эшләмәгәң, миңа кәрәкмәйте* – Если они не работают, мне тем более не нужно.

Некоторые наблюдения над структурой повествовательного предложения. Повествовательное предложение выражает сообщение говорящего о чем-то. В основе его лежит суждение, т.е. утверждение или отрицание чего-нибудь.

1. Как в литературном языке, так и в диалектах сказуемое в III лице не всегда согласуется с подлежащим в числе: *Алар қайта да китә* (учл.) – Они приходят и уходят. *Көзен кошлар жылы йакларга оча* (стрл.) – Осенью птицы улетают в теплые края.

2. Иногда при подлежащем, выраженном количественно-именным словосочетанием, сказуемое может быть во множественном числе: *Суға батып дүрт кеше үлделәр* (трбс.) – Четыре человека утонули. *Класса биш-алты бала йақшы уқыйлар* (крмн.) – В классе 5–6 учеников учатся хорошо.

Такие конструкции встречаются во всех диалектах татарского языка, в литературном языке – редко.

Некоторые наблюдения над структурой вопросительного предложения. Предложение, в котором выражается вопрос, называется вопросительным предложением. В оформлении вопросительного предложения в татарских

говорах данного ареала наблюдаются следующие своеобразные явления.

1. В говорах вопросительные предложения часто оформляются и при помощи одной интонации: *Сез Қазанның узенеке?* (бел.) – Вы из самой Казани? *Бүтән асылларны өйрәнмәйсез?* (крмн.) – Другие деревни не изучаете? *Син училищедә уқыйсың?* (тпк.) – Ты учишься в училище? *Китабыңны уқыдың?* (учл.) – Книгу (свою) прочитал?

Выражение вопроса одной интонацией – довольно распространенное явление. Оно наблюдается в касимовском, нукратском, чистопольском говорах, агрызском подговоре мензелинского говора, в говорах пермских [11, 129], оренбургских татар и др.

2. Иногда в таких предложениях употребляется частица *әллә* – разве: *Әллә жийәү килдең?* (трбс.) – Пешком пришел, что ли? *Көтү кайта әллә?* (стрл.) – Стадо возвращается, что ли? *Әллә хәдәйкәләр өйдә йүк?* (бел.) – Разве хозяек нет дома? *Син бармасмын дигән идең әллә?* (крмн.) – Ты говорил, что ли, что не пойдешь?

Такая особенность отмечена в мензелинском, пермском говорах среднего диалекта [11, 129], заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта [2, 109].

3. Говорам ареала юга Башкортостана, так же как и литературному языку, свойственно присоединение вопросительной частицы к сказуемому. Но, однако, спорадически встречается и присоединение вопросительной частицы к тому члену предложения, на который падает логическое ударение: *Бақсадан исме қерә* (лит. ис керәме)? (учл.) – Из огорода запах идет, что ли? *Қызылынымы алманың алырга* (кызылын алыргамы)? (трбс.) – Красное яблоко купить, что ли? *Бүгенме күрдең Хәдичәне* (бүген күрдеңме)? (крмн.) – Хадичу сегодня увидела? *Итләрни*

бүленме пешерим? (стрл.) – Мясо варить разделив на части?

Это явление составляет специфику западного диалекта. По мнению М.З. Закиева, это происходит под влиянием русского языка, где вопросительная частица занимает место непосредственно в составе того слова, смысл которого спрашивается. В литературном языке такая ситуация тоже может иметь место, но только в том случае, если в предложении нет сказуемого [14, 320 – 355]. В западном диалекте, как мы уже указали, даже если есть сказуемое, вопросительная частица присоединяется к члену предложения, на которое падает логическое ударение.

4. Вопрос может быть выражен и вопросительными местоимениями, которые, в отличие от литературного языка, в говорах употребляются в разных фонетическо-морфологических вариантах. Например: *Қайсылай* (ничек) *эшләйем мин аны?* (крмн.) – Я как это сделаю? *Нийәрсә* (нәрсә) *сөйләде ул* (бел.) – Что он рассказывал? *Син қалай* (ничек) *әпкилдең моны?* (тпк.) – Ты как принес это?

5. В говорах ареала в вопросительных предложениях часто употребляется вопросительное местоимение *ни* в сочетании с *микән* во всех лицах в значении сомнения: *Син сөйләмәдең микән ни ул турыда?* (крмн.) – Разве не ты рассказывал о том? *Китте дә микәнни?* (бел.) – Уже ушел, что ли? *Урынына алып куймадым микән ни?* (крмн.) – Неужели не положил на место?

Эта особенность характерна и для агрызского, янаульского подговоров мензелинского говора, неоднократно отмечена в соседних говорах. Ср.: в пермском говоре в вопросительных предложениях вопросительное местоимение часто употребляется в сочетании со словом *ни*, причем его место в предложении относительно свобод-

ное: *Нәҗип монда мәгә килд ийе ни?* – Зачем приходил сюда Назип? *Кайда ни у?* – Где он?

Это явление сохранилось в татарском литературном языке в составе вопросительной частицы *-мыни/-мени*. По своей структуре сочетания типа *мәсә ... ни, кайда ... ни, кемне ... ни, кайа ... ни* напоминают конструкцию типа подлежащее – сказуемое – подлежащее, автивно бытовавшую в древнетюркском языке, продолжающуюся изредка выступать в говорах и в настоящее время. Аналогичная функция рудиментарного *ни* отмечена исследователями в диалекте черневых татар [3, 87].

Некоторые наблюдения над структурой побудительного предложения. Предложение, в котором выражается воля говорящего к побуждению собеседника к действию или намерение к действию самого говорящего, называется побудительным. Степень побуждения к действию может быть разной: говорящий может приказать, категорически требовать, повелевать, призывать, посоветовать, даже пожелать. Разные структуры по-разному влияют на оттенки значений побудительных предложений. Например: *Хәдер ук сөйләп бир дөрөсен!* (бел.) – Прямо сейчас расскажи всю правду! *Тукта эле, сәгәтне қарап киләйем* (крмн.) – Пстой-ка, схожу посмотрю на часы.

Изредка в говорах ареала юга Башкортостана и побудительные предложения имеют отличительные особенности. Структура побудительных предложений в диалектах определяется следующими особенностями:

1. В стерлитамакском говоре побудительное предложение, образованное с помощью *-гын/-ген* (редко), обозначает приказ или категорическое требование, повеление: *Баргын тизерәк* – Иди скорее. *Ашагын* – Ешь, ешь.

Аффикс *-гын/-ген* характерен для кряшенских говоров среднего диалекта [4] и для западного диалекта, считается архаической особенностью [10, 146].

2. Побудительное предложение, сказуемое которого выражено глаголом II и III лиц формой *-ыр иде*, обозначает мягкое повеление: *Хәлен генә дә булса барып белер идең* (крмн.) – Сходил бы, хоть узнал бы его самочувствие. *Берәй бидрә су булса да қалдырыр ийең әбейгә* (тпк.) – Бабушке хоть (одно) ведро воды принес бы уходя.

Встречается в диалекте сибирских татар и в западном диалекте татарского языка: *Авырган катыны йанга бер шакалат булсын китерер идең* (кузн.) – Больной жене принес бы хоть один шоколад.

3. В учалинском говоре 2 л. мн.ч. повелительного наклонения редко образуется аффиксами *-ң, -ың/-ең*: *Қунақлар ашаң, эсең* (ашагыз, эчегез) – Ешьте, пейте, гости. *Килегез, алдан утырың* – Идемте сюда, садитесь вперед.

Учалинский говор входит в состав изоглоссы распространения указанной формы (перм., бирск., злт., ичк., сиб. диал.).

В курмантауском и тепекеевском говорах формам *дип әйт//диген* (скажи) (2 л. ед. числа повелительного наклонения) соответствует вариант *диң* (крмн.) // *дийең* (тпк.): *Сине белән сөйләшәселәре килә диң* (диген) (крмн.) – Скажи, что им хочется поговорить с тобой. *Тагын онотқанмын дийең* (тпк.) – Скажи, что опять забыл. Данный аффикс выступает только в этом слове.

Кстати, *ди+ген >диген* рассматривается как неправильная форма повелительного наклонения (диген).

Побудительное предложение, сказуемое которого образовано окончанием *-ң*, встречается в среднем диа-

лекте [9, 65; 11, 91; 16, 72; 17, 99] и диалектах сибирских татар [15, 108; 2, 64].

Об инверсии членов предложения и присоединительных конструкций. Как показали наши наблюдения и анализ образцов разговорной речи, переписанной с диктофона (они помещены в качестве Приложения к диссертации М.Р. Булатовой «Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана»), синтаксис говоров данного ареала, как и во всех говорах татарского языка, характеризуется активностью инверсии, поскольку в них выступает живая разговорная речь.

В говорах соотношение устойчивого и свободного порядка слов различно. В целом же считается, что порядок слов в одной трети диалектной речи является свободным. Обычно в этом случае рема предшествует теме.

Свободный порядок имеет место прежде всего тогда, когда господствующее слово находится в препозиции по отношению к зависимому, т.е. сказуемое ставится либо в абсолютном начале предложения, либо в его середине: *Кулмәк чигелгән буладыр ийе хатын-қызнықы* (крмн.) – Женские платья бывали вышитыми.

В связи с тем, что сказуемое переносится в начало предложения, отдельные члены предложения ставятся после него. В литературном языке такой порядок слов проявляется в диалогической речи. В диалектах татарского языка они встречаются и в монологической речи.

1. Инверсии больше всего подвергаются:

а) определения, выраженные participial form на *-ган*: *Малайы бар берәү, бисә алмаган* (өйләнмәгән малайы) (тпк.) – (У нее) есть сын, неженатый. *Урамнан килә қарт вис йөнгә батқан* (крмн.) – По улице идет весь обросший старик. *Сабыннарын тыш-*

ка куйганнар ийе йыгына торган (юына торган сабыннарын) (стрл.) – Мыло, которым они моются, оставили во дворе.

б) прилагательные, выраженные аффиксами абстрактной принадлежности (-ныкы/-неке, -ныц/-нец): *Абыйстайы бар қалада киленнеке* (киленнең апасы) (трбс.) – У снохи в городе живет (есть) сестра. *Үрге остагы өйдәре матур ийе аларнықы* (аларның өйләре) (учл.) – У них дом, который находился в верхней части (деревни), был красивым. *Бер тамчы суы да қалмады инде қойының* (коеның суы) (бел.) – В колодце капли воды не осталось.

в) определения, выраженные именем числительным: *Ул Ишембайда йәшәне ун йыл* (учл.) – Он жил в Ишимбае (город) 10 лет. *Қызы буйға жәйткән, унсигез йәшлек* (бел.) – Дочь стала взрослой, (ей) восемнадцать лет.

2. Инверсия подлежащего: *Авылга кайтып килдең әллә син?* (син авылга кайтып килдеңме әллә) (крмн.) – Ты в деревню съездила, что ли? *Килмәделәр эшкә чақырганда үзләре* (трбс.) – Сами не приходили, когда их приглашали на работу. *Дәресен сүләгән идек без* (стрл.) – Мы рассказывали правду. *Куренә дә башланы болытлары* (учл.) – Начали появляться облака.

3. Инверсия дополнения: *Интернатта йатып уқыды унны* (трбс.) (унынчы классны интернатта яшәп уқыды) – В десятом классе учился, живя в интернате. *Он бирдем бер бидрә күршегә* (тпк.) – Соседу дала ведро муки. *Бурлы силсәшитенә сақырттылар Салихны* (крмн.) – Салиха вызвали в Бурлинский сельсовет. *Қарттә турында әйттем қуй* (бит) *қартнәгә* (учл.) – Бабушке говорил же про дедушку.

4. В структуре составных глагольных сказуемых также возможна инверсия, т. е. главное и второстепенное сказуемые меняются местами. Напри-

мер: *Азақ өс кеше килгәннәр дә алардан йир алганнар инде сатып* (учл.) – Потом пришли три человека и купили у них землю.

Употребление сказуемого в начале предложения часто встречается также в западном диалекте: *Чагышмайлар алар ул вакытта* (влгг.) – Они не совпадают в это время.

Свободный порядок слов имеет определенную закономерность в диалектах татарского языка. Прежде всего, порядок атрибута и определяемого в составе словосочетания при свободном порядке не меняется; не все члены одинаково свободно ставятся в конце предложения.

5. Сугубо частный характер носит и употребление отдельных обстоятельств в конце предложения. Часто встречаются в конце предложения обстоятельства места, времени, цели, причины, обстоятельства образа действия.

Инверсия обстоятельств образа действия:

а) инверсия обстоятельства образа действия, выраженного деепричастием на -ып/-еп/-п: *Йонсып беттем сөгөндөрдә дә эшләп* (крмн.) – Измучилась, работая и в свекольном поле. *Уйын уйныйлар ийе, бергә жыйылышып* (бел.) – Бывало, в игры играли, вместе собравшись. *Нәнәсе тиз қартайған аны уйлап* (трбс.) – (Его) бабушка быстро постарела, думая о нем. *Өйсез қалған ут сығып* (учл.) – Вспыхнул пожар, остался без дома. *Алып килимме йазып?* (стрл.) – Досл.: Принести, что ли, написав.

б) инверсия обстоятельства времени: *Жиләген дә, муйылын да, қарагатын да жыйайы жәй көнө* (крмн.) – Летом, бывало, собирала и землянику, и черемуху, и смородину. *Йүгертеп ишимдән алып киләйе суын да, йәш сагында* (тпк.) – Бывало, в молодости и за водой быстренько сходила. *Гармун тавышларына*

урамнар гөрләп торган элекке заманда (стрл.) – Бывало, раньше под звуки гармошки улицы гремели.

в) инверсия обстоятельства места: *Йаңа йыл бәйрәме булды мәктәптә* (бел.) – В школе был новогодний праздник. *Су керергә йарата Идел буйында* (крмн.) – Любит купаться в реке Агыйдель. *Төрле жирдән килеп жиләк жыйалар тау башында* (крмн.) – Приходят из разных мест и собирают землянику на горе.

Аналогичные случаи инверсии членов предложения в разговорной речи наблюдаются и в других говорах татарского языка [2, 110–111; 11, 130–131; 15, 152 и др.].

Таким образом, свободный порядок слов характерен как для литературного языка, так и для диалектной речи. Инверсия – это основная особенность диалектной речи, которая проявляется во всех трех диалектах татарского языка, т.е. она носит общедиалектный характер.

6. Особенности говоров данного ареала проявляются и в присоединительных конструкциях. Если в литературном языке присоединительные конструкции употребляются со стилистической целью, то в говорах, так же как и в других говорах или диалектах, они являются нормой.

а) в говорах присоединительные конструкции встречаются в основном как однородные члены: *Нивистага китерә энийе күлмәктер, йаулыктыр* (стрл.) – Невесте мать приносит платок, платье. *Адақ йәш киленне алырга йибәрәсең мин мыннан озата йибәрәм пар пар ат менән абыйымды, йорсыны* (младший брат мужа) (учл.) – Потом отправляешься за невестой, а я здесь провожаю брата, дядю, которые уезжают на парных лошадях.

Такие предложения больше характерны для западного диалекта татарского языка.

б) во всех трех диалектах часто встречаются присоединительные конструкции в форме *исем + белән*: *Қара әле, амылда таныш түгел кешеләр йөрөй. Зур машиналары белән* (трбс.) – Смотри-ка, в деревне ходят незнакомые люди. На большой машине. *Теге қыйшаңнаган хәстрүш килеп йатқан була инде. Йаңа йегете белән* (крмн.) – Та кокетливая идет. С новым парнем.

в) как в разговорной речи, так и в говорах может употребляться одновременно несколько присоединительных конструкций: *Фәридәдә күлмәкләр булган, итәге әберкәле, бәс, йомшақ қына* (крмн.) – У Фариды были платья, на подоле у которых оборки, коричневого цвета, пушистые.

О типах сложных предложений и. Необходимо отметить, что по составу, характеру связей внутри сложных предложений татарские говоры изучаемого ареала совпадают с говорами среднего диалекта, также и с литературным языком.

В говорах данного ареала зафиксированы следующие типы сложных предложений.

1. Придаточные дополнители: *Шундый изге күңелле бала булырсың дип, бер дә уйламаган ийем* (крмн.) – Я и не подумал, что ты окажешься таким добрым ребенком. *Қунақларны сыйлап, қапқага қадәр озатып кергәнгә бер сәгәт тә утмәгән* (бел.) – Не прошло и часа, как, угостив, проводил гостей до ворот.

2. Придаточные определители: *Кемнең умартасы бар, шуның балы да бар* (трбс.) – У кого есть улья, у того есть и мед. *Қайсысы алдан эшләп бетәйе, шул жиңүче булайы* (крмн.) – (Обычно) кто первым заканчивал, тот становился победителем.

3. Придаточные времени: *Йаз йетү белән басу эшләре башлана* (учл.) – С наступлением весны начинаются полевые работы. *Әнисе өйгәшләрен тикшерде, азақ* (аннары) *қызы уйнарга чықты* (крмн.) – (Ее) мать проверила домашние задания, потом дочь вышла (во двор) поиграть. *Балалар мәктәпкә барганда, көчлә жыл чықты* (стрл.) – Когда дети шли в школу, поднялся сильный ветер. *Ринат тракторын ремонтлагач, Хәлил эшкә чықты* (бел.) – После того как Ринат отремонтировал трактор, Халил вышел на работу. *Сез баргалагансы, магазин бикләнер дә* (тпк.) – Пока вы доедете, магазин закроется. *Көз җиттисә паромны башка җиргә күсереп қуйалар ийе* (крмн.) – Как наступает осень, бывало, паром несколько отодвигали на другое место.

4. Придаточные места: *Җизнәсе эшләгән җирдә ул да эшли* (трбс.) – Он работает там же, где работает и его зять. *Син қайа бараң, ул да шунда бара* (учл.) – Куда ты пойдешь, туда и она пойдет. *Қайдан алып қайтқансың, шунда итеп қуй* (тпк.) – Откуда принес, туда и отнеси.

5. Придаточные причины: *Сез бит аны чакырмадыгыз, шуңа инде ачуланып йөри* (стрл.) – Вы ведь его не пригласили, поэтому он сердится. *Асылда эш булмаганга, шәһәргә китте улым* (бел.) – Сын поехал в город, потому что в деревне нет работы. *Йамгыр йаумагач, сыу сибәргә туры килә түтәлләргә* (трбс.) – Из-за того, что не было дождя, придется полить грядки (водой). *Малайын туқмаган өсөн, Саныйа аны күрәлмады* (крмн.) – Саня возненавидела его из-за того, что он побил ее сына.

6. Придаточные цели: *Өй йылынсын тиип, иртән иртүк тороп нискә йагам* (тпк.) – Чтобы в доме

было тепло, ранним утром встаю и отапливаю печь. *Малларыма ашарга салып кердем, ач тормасыннар диип* (стрл.) – Чтобы не голодали, я скормила скотину. *Бәрәңге қортлары бетсен өсөн, агыу сиптерең* (сиптерегез) *бәрәңге бақсасына* (учл.) – Картофельный огород опрыскивайте ядом, чтобы уничтожить колорадских жуков.

7. Придаточные условия: *Алла бирса, бар да әйбәт булыр* (бел.) – Если бог даст, то все будет хорошо. *Син риза түгел икән, ул килеп тә йөрмәсен* (стрл.) – Если ты не согласна, то пускай он даже и не приходит. *Әз генә йомшақ эндәштеңме, тискәре бәрелә башлай* (крмн.) – Если чуть-чуть помягче обратишься, то начинает резко противиться. *Сез җиләккә бармайсыз, әтү мин дә бармайым* (крмн.) – Вы не идете за ягодами, если так, то и я не пойду. *Син сәй эсмәйсең, алайса эссертергә қуйып та тормайым* (тпк.) – Если не будешь пить чай, то не стану разогревать.

8. Придаточные уступительные: *Күпме генә тырышсам да, берней килеп чықмады* (трбс.) – Сколько бы ни старался, ничего не получилось. *Үтенеп сорасаң да, алып килмәйәчәк ул* (стрл.) – Хоть сколько будешь упрасивать, он не принесет. *Бөтен кеше сөйләсә дә аңа барыбер* (учл.) – Пусть все говорят, ему все равно.

Итак, в татарских говорах ареала «Юг Башкортостана» бытует своеобразная система синтаксических особенностей. По большинству из них рассматриваемые говоры проявляют большую общность с татарским литературным языком и говорами среднего диалекта. Необходимо подчеркнуть, что в говорах ареала наблюдается влияние синтаксиса западного диалекта татарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья / Научн. редакторы: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова; Составители: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова (1 т.), Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова (2 т.). – Казань, 1989. + Прил.: Комментарии к Атласу. – Казань, 1989. – 300 с.
2. *Барсукова Р.С.* Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. – Казань, 2004. – 160 с.
3. *Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалекты черневых татар (туба-кижи). – М.: Наука, 1966. – 173 с.
4. *Баязитова Ф.С.* Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1986. – 248 с.
5. *Благова Г.Ф.* Узбекская диалектология и изучение староузбекского языка // Вопросы языкознания. – 1965. – № 1. – С.100–103.
6. *Булатова М.Р.* Асыл сүзләр халкым телендә // Национально-культурное наследие: Татары Марий Эл. Параньга. – Казань, 2012. – С. 149–175.
7. *Бурганова Н. Б.* Говор каринских и глазовских татар // МТД. – Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 19–56.
8. *Малов С.Е.* Уйгурский язык (хамийское наречие). – М. – Л., 1954.
9. *Махмутова Л.Т.* О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР (по материалам экспедиций 1954–1957) // МТД. – Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 57–85.
10. *Рамазанова Д.Б.* Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. – 191 с.
11. *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар. – Казань: ИЯЛИ, 1996. – 239 с.
12. *Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979.
13. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. Икенче китап (II). – 495 б.
14. Татарская грамматика: В трех томах. – Казань: Татар. кн. изд-во. – Т. III. 1995. – 576 с.
15. *Тумашева Д.Г.* Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – 295 с.
16. *Хайрутдинова Т.Х.* Златоустовский говор татарского языка. – Казань, 1985. – 158 с.
17. *Юсупов Ф.Ю.* Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. – Казан, 1979. – 184 б.

Аннотация

В данной статье рассматриваются синтаксические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана», в котором распространены стерлитамакский говор западного диалекта, белебеевский подговор, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский и учалинский говоры среднего диалекта татарского языка.

Ключевые слова: татарский язык, диалекты татарского языка, ареалогия, синтаксические особенности.

Summary

This article deals with the syntactic peculiarities of Tatar dialects in the area of «South Bashkortostan», in which Sterlitamak accent of the West (mishar) dialect, Belebei, Kurmantau, Tepekei, Turbasli, Uchali accents of the Middle dialect of Tatar language circulated.

Keywords: the Tatar language, dialects of Tatar language, arealogy, syntactic peculiarities.

УДК 811.512.145'367

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ ПРИ ПОМОЩИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Л.Г. Валиева, младший научный сотрудник

Одним из способов выражения каузальности (каузальность – «причинная связь явлений, причинность»¹) в татарском языке являются деепричастные формы в простом или осложненном виде.

В простом предложении деепричастие обозначает добавочное действие, которое совершается тем же лицом (субъектом), к которому относится основное действие, выражаемое глаголом-сказуемым. Т.е. деепричастия обозначают причину, которая заключается в добавочном (дополнительном) действии. В большинстве случаев деепричастия образуют деепричастные обороты, в предложении являются обособленными обстоятельствами и осложняют простое предложение. Как показали примеры, каузальность репрезентируется с помощью деепричастных форм *-ын/-еп*; *-гач/-гәч*, *-кач/-кәч*. Например: *Күздән нурны, ә йөрәктән рухны / берничек тә ала алмагач, / чишендереп, дымлы камерада / калдырдылар безне ялангач* (Р.Харис). 'Нас оставили без одежды в сырой камере, потому что не смогли нас сломать'.

Основное (главное) действие в этом предложении – *калдырдылар* ('оставили') выражено глаголом-сказуемым, добавочное действие, которое предшествует главному и содержится в себе его причину – *ала алмагач* ('не смогли сломать'). Добавочное действие выражено деепричастием в

отрицательной форме, в предложении является обстоятельством.

Деепричастные обороты не всегда выражают каузальность. Для того, чтобы определить, относится ли к причинно-следственной та или иная деепричастная конструкция, достаточно трансформации предложения в конструкцию с любым специализированным средством выражения каузальности. Например: *Шуннан соң гармунчы Салих күренмәде. Ул, үзенең жиңелүенә үртәлеп, уеннан бөтенләй киткән иде бугай* (М.Хужин). 'После этого гармонист Салих не показывался. Он, кажется, совсем вышел из игры, оскорбившись своему поражению'. В этом примере деепричастие *үртәлеп* ('оскорбившись') выражает причину основного действия *киткән иде* ('вышел из игры'). Данное предложение можно легко трансформировать в сложноподчиненное предложение с придаточным причины: *Ул үзенең жиңелүенә үртәлгән, шуңа күрә уеннан бөтенләй киткән иде бугай*. 'Он оскорбился своему поражению, поэтому, кажется, совсем вышел из игры'; *Ул уеннан бөтенләй киткән иде бугай, чөнки үзенең жиңелүенә үртәлде*. 'Он, кажется, совсем вышел из игры, потому что оскорбился своему поражению' и т.д. Это же значение можно передать с помощью однородных сказуемых: *Ул үзенең жиңелүенә үртәлгән һәм уеннан бөтенләй киткән иде бугай*. 'Он, кажется, оскорбился

своему поражению и совсем вышел из игры'. – Однородные сказуемые *уртәлгән иде, киткән иде* выражают, во-первых, последовательность событий, во-вторых, причинно-следственную зависимость.

Наши наблюдения показали, что чаще всего деепричастные формы выражают мотивы выполнения того или иного действия, эмоционально-психическое состояние лица, совершившего действие. Например: *Баласын тартып алуларыннан куркып, күкрәгенә ныграк кысты* (М.Хужин). 'Испугавшись, что ребенка отберут, сильнее прижала к себе'. – Сильнее прижала к себе ребенка по той причине, что испугалась; *Ул ирен беренче кабат, үч итеп алдады* (Х.Сарьян). 'Она впервые обманула мужа назло ему'.

Аффикс деепричастия *-ып/-еп* может использоваться и в отрицательной форме *-мыйча/-мичә*. Например: *Атның, яңа киемгә күнегә алмыйча, тәне чымырдап торды* (М.Хужин). 'У лошади болело все тело, не привыкнув к новому одеянию'; *Ташкын көченә түзә алмыйча, тегермән буасы ерылган* (Н.Әхмәдиев). 'Не выдержав силы паводка, мельничная плотина разъединилась'.

«На собственно синтаксическом уровне деепричастие как второстепенное сказуемое считается специализированным выразителем категории зависимого таксиса»². Как показывают вышерассмотренные примеры, деепричастия обычно обозначают предшествующее действие. В редких случаях они могут выражать и одновременное действие. Например: *Албуга уңайсызланып кып-кызыл булды* (Н.Фәттах). 'Албуге стало неловко, и он покраснел'.

Следует отметить, что местоположение деепричастных форм в татарском языке фиксирован: при прямом порядке слов они всегда находятся в препозиции к предикату, которым

передается основное действие. В отличие от татарского деепричастный оборот в русском языке может располагаться и в препозиции, и в постпозиции. Например, обратимся к вышерассмотренному предложению: *Ул, узенең жиңелүенә уртәлеп, уеннан бөтенләй киткән иде бугай*. 'Оскорбившись своему поражению, кажется, он совсем вышел из игры' => 'Он, кажется, совсем вышел из игры, оскорбившись своему поражению'.

Синтетическое придаточное предложение, сказуемое которого выражено деепричастием с аффиксом *-гач/-гәч, -кач/-кәч, -ып/-еп*, может обозначать причину действия главного предложения. Например: *Әтием өйдә булмагач, бу юлы мин аны үзем озата чыктым* (Ә.Еники). 'Так как отца не было дома, я сама вышла его проводить'; *Радиола кызып, өйгә резин исләре чыккан иде* (Х.Сарьян). 'Радиола нагрелась, и запахло резиной'; *Яшеннән ут чыгып, тирмәнебез янып китте* (Г.Ибраһимов). 'От грозовой молнии вспыхнул пожар, и наша мельница сгорела'. Как видим, средство выражения каузальности находится в причинной части.

Форма деепричастия *-гач/-гәч, -кач/-кәч* служит и для связи придаточного времени с главным предложением. Тем не менее это средство всегда репрезентирует каузальность, если глагольная форма (деепричастие) содержит аффикс отрицания. Например: *Жирең булмагач, сыер малы асрау кыенга төшә* (М.Хужин). 'Из-за того, что нет земли, трудно содержать корову'; *Стипендия алып укымагач, Сәгыйтьнең матди хәле бик мөшкел була* (Р.Мөхәммәдиев). 'У Сагита было трудное материальное положение, так как он не получал стипендию'.

Иногда этот аффикс репрезентирует каузальность, даже если деепричастие в утвердительной форме. На-

пример: *Хæер, авылдан читтæ яшæгæч, һæркемне дæ хæтергæ төшерергæ жæе да чыкмагандыр* (М.Хужин). ‘Наверное, не было и возможности вспомнить всех, потому что жил далеко от деревни’; *Япа-ялгыз тик бер урында торгач, шул озын төнгæ охшаган ва-кыт һич кенæ дæ үтеп бетмæс кебек тоела* (Ә.Еники). ‘Время, похожее на длинную ночь, кажется бесконечным, потому что стоишь один на одном и том же месте’.

Синтетические придаточные причины, которые присоединяются к главному предложению при помощи деепричастных форм, могут нахо-

диться и в интерпозиции. Например: *Мэйсарæ, тракторы шып туктагач, аптырап калды* (М.Хужин). ‘Майсара удивилась, потому что трактор вдруг остановился’.

Таким образом, при репрезентации каузальности с помощью деепричастных форм следствие передается основным сказуемым – предикативной частью простого предложения, причину обозначают деепричастные формы. Когда каузальность устанавливается между компонентами сложного предложения, придаточной частью выражается причинная, главной – следственная семантика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1934. – С. 1337.

² *Кнут В.* Полупредикативные конструкции, выражающие причинные отношения, в русском языке и их соответствия в эстонском языке: дис. ...magister artium. – Тарту, 2010. – С. 34.

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию репрезентации каузальности при помощи деепричастных форм между членами предложения и между отдельными предикативными единицами в татарском языке.

Ключевые слова: каузальность, причина, следствие, деепричастие.

Summary

This article deals with the representation of causality by verbal adverbs between parts of a sentence and between separate predicative units in the Tatar language.

Keywords: causality, cause, effect, verbal adverb.

УДК 821.512.145

**ОБРАЗЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА
(Т. МИННУЛЛИНА «МУЛЛА»,
Р. ЗАЙДУЛЛЫ «ЛЮБОВЬ БЕССМЕРТНА»)**

Ф.Х. Миннуллина, кандидат филологических наук

Начавшиеся в конце 1980-х гг. демократические процессы повлияли на культурную ситуацию в обществе. Демократические явления, определяющие основу современных общественных изменений, ставят исследователей перед необходимостью решения важных проблем литературоведения. Свобода слова, свобода творчества позволили драматургам переосмыслить прошлое, оценить политические, идеологические изменения и выразить свое отношение к действительности через художественные произведения. Пьесы Т.Миннуллина, И.Юзеева, Р.Хамида, З.Хакима, Д.Салихова, Р.Зайдуллы, Амануллы (А.Камалиева), Р.Батуллы, Р.Мингалимова, М.Гилязова, Ю.Сафиуллина, Ф.Байрамовой, М.Маликовой, Р.Сагди, И.Махмутовой и др. отразили героя эпохи в сложившейся ситуации.

В конце XX – начале XXI вв. в драматургии усилилась критика жизни периода советской власти. В основе многих пьес лежит осуждение антирелигиозной пропаганды, преследования религиозных деятелей, уничтожения национальной самостоятельности, обычаев народа и др. Писатели направляют свое внимание на такие явления современной жизни, как погоня за богатством, добытым нечестным путем, пьянство, безнравственность, бездуховность, реальный

драматизм событий нашего общества. Татарская история весьма богата трагическими событиями, которые через раздумья и переживания писателей начали проникать в образный мир национальной литературы. В данной статье трагическое рассматривается как предмет отображения реальности и формы обновления идейно-тематических принципов татарской драматургии начала XXI в. Трагическое относится к эстетике, но оно не ограничивается этими рамками. В литературе трагическое выполняет важную роль как в идейном содержании, так и в проблематике произведений. Трагическое не может полностью идентифицироваться с трагедией, поскольку как эстетическая категория оно относится не только к искусству, но и к жизни, нашедшей отражение в искусстве. Именно в этом смысле будет использоваться трагическое [2, 70]. В современной отечественной теории искусства вполне четко различаются три подхода к определению трагизма. Так, в качестве первоочередных признаков трагического Ю.Борев в своей монографии «Эстетика» называет следующие: «Трагическое 1) раскрывает гибель или тяжкие страдания личности; 2) показывает невозможность для людей ее утраты; 3) утверждает бессмертие погибающей личности... трагедия – всегда оптимистическая трагедия, в ней даже смерть служит

жизни; 4) выявляет активность трагического характера по отношению к обстоятельствам; 5) дает философское осмысление состояния мира и смысла жизни человека; 6) вскрывает исторически временно неразрешимые противоречия; 7) трагическое в искусстве рождает чувство скорби (по поводу гибели героя), сочетаемое с чувствами торжества и радости (по поводу его нравственного величия и бессмертия); 8) оказывает очищающее воздействие на людей (катарсис)» [2, 79].

Сущность трагического в литературе составляет противоречие между значительными общественными и личными интересами, которые последовательно отстаивают герои, и практической невозможностью их осуществления в столкновении с внешними силами, что приводит к тяжелым внутренним переживаниям или гибели этих героев. Это заложено уже в самой сути трагического конфликта – в невозможности реализации тех интересов и целей, которые настойчиво пытается осуществить герой. Трагическое рассматривается А.Ф.Лосевым как объективный, так и субъективный феномен, поскольку трагическая раздвоенность оказывается заключенной в самом мироздании и во внутреннем переживании человека [5, 221].

В драматургии XXI века существует целый пласт произведений, в которых трагические коллизии развиваются наиболее полно без сцен страданий и гибели героев. Порой бывают ситуации, когда трагизм и острые противоречия заключаются в самых будничных и мирных событиях жизни. Например, в драме Т. Миннуллина «Мулла» (2006) раскрывается истинное лицо эпохи, безжалостно разоблачаются явления, присущие тоталитарному режиму, а также демократическому государству. Особое внимание уделяется тому, что в драме отражены трагические судьбы людей,

в них показана борьба человека за сохранение своего «я» и татарской нации.

В драмах широко распространяются мотивы преступления, признания вины и возмездия (наказания). Таким образом, выбор в драме — это выбор героем собственной судьбы. В этот момент герой проявляет максимум свободной инициативы; но как только выбор сделан, дальнейший ход событий становится неизбежен, т.е. подчиняется уже неличной необходимости, часто предчувствуемой и ощущаемой, непредотвратимой [6, 313]. В таком ракурсе написана драма Т.Миннуллина «Мулла». Татарской деревне грозит вымирание и кризис бездуховности. Бизнесмен Самат построил в селе мечеть, но туда никто не ходит. Тогда предприниматель привозит в деревню молодого муллу, 22-летнего Асфандияра, который вырос без родителей и успел побывать в колонии для несовершеннолетних. Самат хочет, чтобы он помог жителям деревни вырваться из безнравственности, стал «хозяином» его деревни. Как известно, татары издавна старались строить свою семейную жизнь по законам ислама. Вера в Бога помогала преодолеть сложнейшие периоды в истории народа, сохранить моральные ценности. Асфандияр же приходит к исламу в период заключения в тюрьме.

Для драмы обязательно противоречие между намерением, волевой инициативой и их результатом. Конфликт – противостояние не мировых сил, а человеческих позиций, которые формируются в результате самоопределения человека по отношению к существующим мировым силам. В драме герой противится, находится в ситуации борьбы и противостояния. Он либо сдвигает и сметает препятствия со своего пути, либо становится их жертвой [6, 313]. Например, один

из героев пьесы «Мулла» Валиахмет-внук муллы, сосланного в период советской власти в Магадан, в свое время расстреляли его отца, и он мстит сельчанам за это. Он открывает в деревне магазин, торгует спиртными напитками, всех подчиняет себе. Герой переживает также и внутренний конфликт, то есть борьба идет между разумом и чувством, долгом и совестью и т.д. Т.Миннуллин не только делает акцент на отрицательных чертах данного персонажа, но и через внутренние переживания героя показывает его положительные стороны. Все это раскрывается в разговоре с Асфандияром. Именно он в финале пьесы просит муллу остаться в деревне. В драме выявляется активность трагического характера по отношению к обстоятельствам, раскрываются тяжкие страдания личности. Как отмечает Рашит Ахметов, Т.Миннуллин угадал две изначальные религиозные стратегии борьбы со злом. Одна – активно бороться, противостоять злу, другая – отойти в сторону, ждать, когда зло само разрушит себя, доведет себя до логического саморазрушения. То есть присутствуют ситуации активного и пассивного противостояния. Но «отстраненная позиция», пусть даже помогающая злу саморазрушиться, строится на дистанцировании от мира, на надмирности, на потере любви, страдания, и поэтому она морально слаба [1]. Поэтому Валиахмет терпит поражение в идейной схватке с муллой. В конце пьесы он признает правоту муллы. Надо отметить и тот факт, что на рубеже XIX–XX столетий семьи религиозных деятелей были большими, крепкими и дружными. Эти люди на собственном примере показывали народу, какой должна быть жизнь настоящих мусульман. Эти моменты также отражаются и в драме Т.Миннуллиной «Мулла» через семейную жизнь Асфандияра и Налимы.

Трагические мотивы находят отражение в том, что старый мулла Саяхетдин, Лемур, участковый Амир, являющиеся представителями власти в деревне, также любят выпивать. Бывший уголовник Эльбрус избивает муллу, занимается кражами (проникает в мечеть и крадет ковры), пытается подчинить себе Налиму. Кончает жизнь самоубийством талантливый певец, деревенский алкоголик Бедретдин, который за стакан водки выполняет все команды Валиахмета. Отчаявшись, Асфандияр спрашивает: «Почему у вас такие дикие люди живут в деревне?». «Мы не дикие, мы одичавшие»[4, 190], – отвечают ему. Татарской деревне грозит вымирание и, что еще страшнее, кризис бездуховности. В итоге, в деревне никому ни до чего нет дела, забываются добрые слова, человеческие отношения. Но у главного героя Асфандияра вера в людей не пропадает. Время от времени герои драмы сами признают, что такой жизненный путь ведет их к трагедии. Лемур и Ахмет находят в себе силы вырваться из диких правил жизни, вступают на путь истинный. Например, Ахмет начинает бороться с преступниками, в результате он задерживает того, кто стрелял в Асфандияра. Нужно отметить еще одно новшество, в качестве положительного героя Т.Миннуллин изображает Самата, духовно и физически сильного человека. Герой такого типа изображается и в пьесе Ю.Сафиуллина «Кинжал и перстень». В образах Фархада и Самата драматурги воплотили тип «нового татарина», заработавшего свой капитал честным путем и помогающего людям.

Таким образом, современная жизнь характеризуется как ужасное, дикое время для народа. Но драматург верит в светлое будущее. Подтверждением этого является пьеса «Мулла». Драма о возрождении нравственности

ти, о пробуждении религии в татарской деревне.

Как известно, в начале XX века разоблачались невежество фанатической части религиозных деятелей, пытавшихся всячески доказать свою «ученость», показаны их попытки по-своему истолковать исламские догматы. В качестве примера можно показать пьесы Г.Исхаки «Светопреставление» (1910), «Общество» (1909–1911), пьесе Ф.Амирхана «Фатхулла хазрет». В период советской власти религиозные деятели изображались только отрицательными персонажами. Драма Т.Миннуллина «Мулла» посвящена судьбе религиозного деятеля, показывая его при этом положительным героем – такого еще не было.

В конце драмы маленький Ильдар читает молитву, заменяя муллу, когда тот был ранен. Таким образом, мулла побеждает, деревня возрождается. Как заявил Нияз Игламов, это, пожалуй, одна из лучших пьес Т. Миннуллина, но называть спектакль «социалистическим реализмом», «спекулятивным на религиозной тематике», – довольно странно [1]. По мнению Р.Ахметова, Т. Миннуллин выступил здесь с позиций «исламского романтизма», причем логически, реалистически обоснованного. Это не голливудский хэппи-энд, это реальная, а не надуманная победа над злом [1]. Религиозный персонаж мулла делает свои выводы, приходит к конкретному решению, он дает запутавшимся в этой жизни людям ответы. Поэтому драма носит философский и религиозный характер. «Трагическое» всегда философично и всегда связано с поиском выхода из кризиса фундаментальных основ бытия. Итак, трагическое в драме показано через тяжкие страдания личности, в которых раскрываются проблемы современности, общественный смысл жизни человека, активность трагического характера по

отношению к обстоятельствам. Драма Р.Зайдуллы «Любовь бессмертна» также написана на религиозную тематику. Как известно, татарская история весьма богата трагическими событиями. Наиболее продуктивным в данном направлении представляется изучение исторических событий XX века. За последнее время вырос интерес писателей к историческому процессу как отдельной значимой проблеме, что связано с художественными и эстетическими поисками. Как уже известно, в годы советской власти наша культура оказалась на грани исчезновения, тысячи татарских интеллигентов, общественных, религиозных деятелей были арестованы и уничтожены. Сегодня имена этих людей с трагическими судьбами, служивших своему народу, возвращаются. В пьесе «Любовь бессмертна» показывается трагическая жизнь одной из первых татарских женщин-просветительниц, основательницы медресе для девочек Мухлисы Буби. События в драме проходят в застенках НКВД, где Мухлиса ханум подвергается мучительным допросам, издевательствам. Она невинная жертва сталинских репрессий, замученная пытками, приговоренная к расстрелу. Даже перед лицом смерти героиня находит силы пожалеть своих мучителей, прощает предавших ее друзей. Она призывает верить в Бога, находит силы именно у него. Центральная тема драмы заключается в том, что именно религиозная вера дарит твердость духа и веру в будущее. По ходу пьесы выясняется, что следователь Давлатов, который учился в медресе Иж-Буби, – это воплощение лицемерия, коварства и лжи. А сокамерница героини, чекистка, которая брала уроки у самой Мухлисы, отреклась от ислама и стала верить в идеалы коммунизма. Р.Зайдулла показал трагические моменты той исторической эпохи. В заключение можно сказать, что пье-

сы Т. Миннуллина и Р. Зайдуллы носят философский и религиозный характер. Трагическое всегда философично и всегда связано с поиском выхода из кризиса. Трагическое в указанных произведениях раскрывается через тяжкие страдания личности, где раскрываются проблемы общественного смысла жизни человека, активность трагического характера по отношению к обстоятельствам. В этих произведениях показывается истинное лицо эпохи, безжалостно разоблачаются явления, присущие тоталитарному режиму. В драмах отразились трагические судьбы людей и отражается борьба человека за сохранение своего «я» и татарской нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметов Р.* О «Мулле» Т. Миннуллина // Звезда Поволжья. – №46. – 2009.
2. *Борев Ю.* Эстетика. – М.: Высш. шк., 2002. – 511 с.
3. *Зайдулла Р.* Саташкан сандугач. Пьесалар. – Татар. кит. нәшр., 2012. – 487 б.
4. *Миннуллин Т.* Пьесалар. – Казань: Татар. кит. нәшр., 2010. – 415 б.
5. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М., 1969. – 423 с.
6. Теория литературы. В 2 томах / Под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.

Аннотация

В статье рассматриваются образы религиозных деятелей в пьесах Т. Миннуллина «Мулла», Р. Зайдуллы «Любовь бессмертна», с точки зрения воплощения трагического.

Ключевые слова: трагическое, трагедия, драма, драматизм, конфликт, эстетическая категория.

Summary

The article is devoted to the images of some religious figures in the plays «Mulla» by T. Minnullin and «Immortal love» by R. Zaydulla. The tragedy in the Tatar Dramaturgy at the beginning of the XXI century is described.

Keywords: tragic, tragedy, drama, conflict, aesthetic category.

УДК 82.0:001.12/.18

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

М.В. Небольсина, кандидат филологических наук

Национальная литература традиционно существует на национальном языке. Это было определяющим критерием и в XIX, и в XX вв. В условиях многонационального Советского государства середины XX века двуязычие стало широко распространенным явлением в художественном творчестве, благодаря чему произведения авторов национальной литературы стали доступны для всех народов страны.

Татарская и русская литературы в Татарстане сосуществуют как две параллельные прямые. Близкие, родственные, но не пересекающиеся. Многочисленные переводы с языка на язык, безусловно, сближают их. Но не сплачивают. Потому, возможно, что переводы эти, как правило, односторонни: с татарского на русский и никак иначе.

«Я очень радовался, когда моя книга выходила на русском языке. Это надо не только для русских. Половина татар читает на русском. Как ни оценивай – это факт. Однако я, как писатель, в переводе все-таки теряю. Ощущаю дискомфорт. Но ведь и оригинал есть. Перевод его не отменяет. Поэтому я спокоен, поэтому – у меня радость, что книга попала к широкому читателю...» – сказал татарский писатель Амирхан Еники в одном из своих интервью журналу «Казань» [2:163].

Русская литература в национальных республиках — тема отдельного исследования. Очевидно, в каждом

регионе ситуация складывается по-разному. Однако общим, вероятно, является активное взаимопроникновение и взаимообогащение разноязычных культур.

Русская литература в Татарстане живет своей, во многом автономной жизнью. Не избалованная бюджетной подпиткой, во многом предоставленная сама себе, она, при всех сопутствующих неудобствах, оказывается порой более живучей, приспособленной к реалиям современности, нежели национальная. И с каждым годом она все явственней заявляет о себе – она уже давно не на обочине культурной жизни республики.

При этом надо отметить, что в среде русских писателей год от года растет удельный вес литераторов-татар, пишущих на русском языке. Их условно можно разделить на три категории: те, кто, творя по-русски, считает себя, тем не менее, ветвью именно татарской литературы: это Равиль Бухараев, Рустем Кутуй, Рафаэль Мустафин; те, кто, идентифицируя себя как русских писателей, тяготеет в той или иной степени к национальным истокам: это Лилия Газизова, Рустем Сабилов, Наиль Ишмухаметов, Алена Каримова, Салават Юзеев; и те, наконец, кто, будучи татарами по крови, отчетливо отнесли себя именно к русской литературе вне всякой национальной привязки — Виль Мустафин, Руслан Галимов, Диас Валеев.

Национальные авторы, пишущие на русском языке, имеют свой круг читателей, следовательно, литература эта была и остается востребованной.

Не случайно возник и новый термин «русскоязычная литература», ибо после 1917 г. советская литература стала носить не только национально-специфический, но и «пограничный» характер, когда «писатель мыслит в координатах одной национальной культуры, но на языке, в речевых формах другой национальной культуры» [4:50].

В одном из своих интервью известный татарский драматург Туфан Миннуллин, ныне покойный, на вопрос, как он оценивает ту огромную армию, пишущую на русском языке, ответил: «Русскоязычные писатели... Мне самому не нравится этот термин. Почему? Да потому, что у этого слова нет лица. Или вот долгое время имело место расхожее определение «советский писатель»... Человек так устроен, что, даже не зная ни одного слова на родном языке, он все равно стремится к истокам» [1].

Рустем Кутуй, сын известного татарского писателя Аделя Кутуя, пишущий на русском языке, много и плодотворно переводил на русский татарских поэтов, удваивая и утраивая их читательскую аудиторию. Однако коллеги из Союза писателей долго не принимали Рустема Кутуя за «своего». «Чужак, пишущий на чужом языке».

«...я в обиде на тех татарских писателей, которые не смогли внедрить в душу своих детей любовь к родному языку. Узнал вот, что внучка писателя Абсалямова получила престижную премию, обрадовался за нее. Но если бы она писала на татарском языке, — эта новость была бы еще радостнее. А так Альбина Абсалямова — для меня отломанный кусок», — достаточно резко отметил Т. Миннуллин [1].

Нам кажется, что в том, что писатель, принадлежащий к одной национальности, пишет на другом языке, нет ничего сверхъестественного. Писатели, пишущие на русском языке, были и остаются родными сыновьями своего народа. И, наверное, бесполезно давать оценки такому явлению. Литературу питает жизнь, а жизнь оценок не дает и в них не нуждается.

Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур», прошедшая в Казани в ноябре 2011 г., затронула и этот вопрос, и не было на него однозначного ответа, да и быть не могло.

Р.Ф.Харрасова отмечает: «Нет другого русскоязычного поэта, который использовал бы так обильно в своем творчестве детали, взятые из татарского быта, образы, близкие моему народу. Видно, что он до мельчайших подробностей знаком с его историей. Когда читаешь стихи Рустема Кутуя, чувствуешь родное, близкое, даже забываешь о том, что строки написаны по-русски. Мне кажется, хотя он и был русскоязычным по тонкости духа, по мелодии души, по своему мировоззрению, был истинно татарским поэтом» [9:98].

Р.С. Зарипова говорит о том, что Рустем Кутуй очень много сил прилагал, переводя на русский язык произведения татарских писателей. При этом он широко использовал темы и образы, характерные для татарской литературы [3:11].

Исследуя мифологию творчества Р. Кутуя, Р. Ш. Сарчин пишет следующее: «... Кутуя можно назвать выразителем тоски татарского народа по своим болгарским истокам, по простору, по степному чувству воли, дающему ощущение почвы, корней» [7:205].

Однако с ними полемизирует Я.Г. Сафиуллин, указывая на то, что писатель, не идентифицирующий себя с русской нацией, не может создать на русском языке отличную от русской литературы литературу, заимствуя при этом материал из национальной литературы: «Главное в литературе не темы, сюжеты, идеи, к которым обращается писатель. Их не так много, и они в основном наднациональны. Главное в проблематизации их, осуществляемой средствами, возможностями языка, во власти которого находится писатель» [8:11].

На вопрос журналиста Р. Даутовой, имеет ли смысл издать отдельную антологию писателей-татар, пишущих на русском языке, Т. Миннуллин ответил за десять лет до своей смерти:

«Если хотят, пусть объединяются и сами выпускают. А потомки... они будут искать свои корни у нас, писателей, писавших на татарском языке. Мы же не ищем татарина среди тех, кто писал на английском или голландском. Поймите, русскоязычные – зигзаг нашей истории. Татарская литература – это мы, а не они» [1].

Главный парадокс состоит в том, что и русская литература не стремится признавать русскоязычных писателей за «своих». Таким образом, возникает опасность, что национальный писатель, пишущий на русском языке, никому не нужен. И его одинаково легко может потерять и русская литература, и национальная.

По данному поводу спорить можно бесконечно, и каждое мнение имеет право на существование. Можно по-разному относиться к этому явлению, но факт остается фактом: число русскоязычных авторов из года в год увеличивается.

По ряду причин прозаики оказываются менее известны, нежели поэты. Потому, вероятно, что прозе в меньшей степени присущи зрелищность,

эстрадность, тусовочность, если угодно. Трудно вообразить себе фестиваль прозаиков, не так ли? Однако в популярном Пушкинском изречении «Лета к суровой прозе клонят» ключевым, думается, является слово «суровой», ибо оно предполагает несуетное, и потому более внимательное, беспристрастное осмысление жизни.

Высказанная выше мысль об издании антологии показала нам интересной. Поскольку несколько лет назад в Казани была издана антология русской прозы «Как время катится в Казани золотое», в число авторов которой вошли и русскоязычные поэты, автор данной статьи в соавторстве с русскоязычным писателем Татарстана Р. Сабировым посчитали необходимым подготовить к изданию «Антологию русской прозы Татарстана», в которую вошли произведения прозаиков XX – XXI вв.

Русскую прозу Татарстана невозможно рассматривать как нечто единое, сложившееся. Это некая дисгармония гармоний. Всякий автор посвоему гармоничен, однако схожих авторов нет и не было. Это некая естественная, природная дисгармония, которая воспринимается естественно и слуха не режет.

Каждый автор писал о своем времени, насколько многолика эпоха, настолько различны и несхожи пути татарстанских прозаиков.

Военная проза представлена спокойным, несуетным словом Тихона Журавлева, которому удавалось о страшном писать спокойно и обыденно. Энергичным и динамичным языком Геннадия Паушкина. Прозу Юрия Белостоцкого и Дмитрия Сычева пронизывает романтика неба, замешанная на жестокой прозе войны.

Особо хотелось бы выделить жизнь и судьбу Сергея Ефремова. Участника обороны Одессы и Севастополя, узника Дахау и Бухенваль-

да, познавшего горечь сталинского ГУлага. «Дорогие мои, родные мои, сегодня я не должен умереть, просто, не имею такого права!.. Здесь, где для утраты человеческого достоинства и совести сделано все, я, изверившийся, вновь обрел, буду нести в своем сердце и никогда не потеряю веру в самое дорогое, что есть на земле, – веру в человека...».

Философская проза представлена, в первую очередь, произведениями Диаса Валеева, Рустема Кутуя, Равиля Бухараева. Если у Кутуя философия тесно переплетена с природой, то Диас Валеев более обращается к миру искусства, Бухараева же более волнуют сложные сплетения человеческих взаимоотношений.

К философской прозе тяготеют также произведения Натана Солодухо, Рустема Сабирова, Салавата Юзеева. В аллегории Н. Солодухо повествуется о том, какую бессмысленную жестокость таит в себе праздное и простое, казалось бы, любопытство. В рассказе Р. Сабирова – попытка заглянуть за черту незнаемого. В рассказе же Салавата Юзеева – отчетливое тяготение к татарскому национальному фольклору.

Тема творчества Софьи Радзиевской и Василия Подгорнова – полный тайн и загадок мир природы. Без философского осмысления, но с любовью ко всему сущему и живущему.

Роман Владимира Корчагина «Тайна реки Злых духов» был в свое время, выражаясь языком современности, «культовой книгой». Его зачитывали до дыр, его расхватывали из магазинов и из библиотек.

Повести Веры Арямновой, Эльмиры Блиновой, Лилии Газизовой, Маргариты Небольсиной проникнуты особым, узнаваемым «женским» юмором, немного горьким и ностальгическим.

Произведения Нонны Орешинной, единственной женщины, летавшей на реактивных самолетах вертикального взлета, имеющей за спиной десятки парашютных прыжков, пронизаны романтикой неба, повествуют о нелегкой судьбе летчиков и их семей.

Остается надеяться, что книга найдет своего читателя и не оставит его равнодушным.

Можно ли считать татарскую литературу и литературу татар, пишущих на русском языке, двумя ветвями одного дерева – вопрос риторический. Ответа на него нет. Да и нужен ли он?

И, думается, нет смысла пытаться как-то систематизировать этих авторов, делить их по мировоззрению, политическим взглядам, философским концепциям, уровню дарования или популярности. Все они – это наша история, наша культура, наше наследие. Предоставим право выбора нашим читателям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даутова Р.* Русскоязычные писатели – зигзаг истории. К анализу творчества Д. Валеева. Интервью с Т. Миннуллиным/ Р. Даутова // Восточный экспресс. – 2002. – 4 мая.
2. *Еники А.* Мы будем в семье Европы /А. Еники //Казань.– 1993. – № 1. – С. 163.
3. *Зарипова Р.С.* Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур». – Казань, 2011. – С. 11.
4. *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература – перекресток культур /Н.Л. Лейдерман// Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – Екатеринбург, 2005. – С. 50.
5. *Мустафин Р.* Уроки Рустема Кутуя/Р. Мустафин// Казань, 2009.– № 7. – С. 50.

6. *Небольсина М.В.* Смысл жизни разгадать пытался я...//М. Небольсина //Казань: Плутон. – 2011. – 190 с.

7. *Сарчин Р.Ш.* Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур». – Казань, 2011. – С. 205.

8. *Сафиуллин Я.Г.* Там же. С. 11.

9. *Харрасова Р.Ф.* Там же. – С. 198.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы русскоязычной литературы и авторов-татар, пишущих на русском языке. Дан краткий анализ русской прозы Республики Татарстан.

Ключевые слова: русскоязычная литература, авторы-татары, пишущие на русском языке, Р. Кутуй, русская проза РТ.

Summary

The problems of Russian literature and Tatar authors who write in Russian. The brief analysis of the Russian prose of Tatarstan is given in the article.

Keywords: Russian literature, Tatar authors, writing in Russian, R. Kutuy, Russian prose of the Republic of Tatarstan.

УДК 82.512.145(092)

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ВОСТОЧНОГО ЖАНРА ГАЗЕЛИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ТАРХАНОВОЙ

Ф.Ф. Хасанова, кандидат филологических наук

В словаре арабских заимствований зафиксировано два значения слова «газель». Первое из них – «любовные стихи, бейты», второе – «хвалебное стихотворение, посвященное возлюбленной»¹. Таким образом, если следовать логике словаря, поэт, пишущий газели, должен принадлежать к мужскому племени. Более точную формулировку мы можем найти у известного ученого тюрколога Х.Курбатова: он, отмечая, что строфа газели делится на полустишия (мисраг), а одна строка строфы газели может состоять из двух полустиший; обращая внимание на специфику рифмы в газели, определяет газель как стихотворение, «пронизанное чувством возлюбленных друг к другу, т.е. чувством любви»². Таким образом, опираясь на труды известного ученого-тюрколога, можно сделать вывод о том, что газели может писать и женщина, подтверждением чему является творчество известной узбекской поэтессы Махлар-айым Надиры (1792–1842), прославившейся своими газелями, написанными на узбекском и персо-таджикском языках³.

«Национальный словарь» («Миллият сүзлеге») опирается на словарь арабских заимствований и фиксирует тот факт, что в переносном значении интересующий нас термин передает такой смысл, как «стихи для красивой, любимой девушки»⁴. Составленный признанным литературоведом А.Ахмадуллиным «Литературоведческий словарь» («Әдәбият белеме

сүзлеге») сообщает, что газель представляет из себя имеющий широкое распространение на мусульманском Востоке жанр лирики, возникший в арабском мире еще до VII века и распространившийся впоследствии в средневековых – персидской, турецкой, узбекской, татарской, азербайджанской и некоторых других литературах. В словаре говорится о том, что прекрасные образцы газели были созданы Саади, Хафизом, Сарай, Насими, Навои; указывается, что переводные газели создавались И.Гете, А.Фетом, В.Брюсовым, но их опыты не смогли выйти за рамки поэтической стилизации. Данный словарь интересен и тем, что в нем определяется тематика газелей, устанавливается их форма и рифма. Из других же поэтов, писавших в этом жанре, упоминаются У.Камал, Кулшариф, Ш.Заки, Г.Кандалый, Г.Тукай, М.Гафури. Завершает словарную статью утверждение: «*В современной татарской поэзии газель встречается редко*»⁵.

В работе Н.Юсуповой, в отличие от предыдущих словарей, говорится о том, что газель могла входить в состав лирического зачина в касыде (жанр восточной одической поэзии, по системе рифмовки похожая на газель, но газель – короткое стихотворение), отмечается, что в период Золотой Орды газель являлась ведущим жанром и что изначально она была ориентирована на восхваление Аллаха, лишь впоследствии обогатившись

светским содержанием. В названном словаре упоминаются имена А.Ясави, С.Бакыргани, Рабгузи, Харезми, Абдулмеджита, Маулани Исхака. В качестве иллюстративного материала приводятся газели Х.Туфана, имеющие социальное звучание, а из современной поэзии – произведения Р.Гаташа⁶.

Русскоязычная статья Х. Миннегулова для «Татарской энциклопедии» в целом коррелирует с вышеизложенными материалами, следует лишь отметить, что список поэтов, обращавшихся к жанру газели, он дополняет именем Ш.Бабича. В своей работе «Жанр газели и творчество Гаташа» ученый останавливается не только на жанровых особенностях газели, но и на истории ее возникновения, проследживает ее путь от арабской литературы к персидской и далее к тюркской, обращает внимание на ее строение, эстетические свойства, на то, что в поэтической системе этот жанр играл роль эталона прекрасного. В названном труде отмечается, что в советское время жанр газели практически окончательно угас, рудиментарно сохранившись лишь в творчестве А.Исхака и Н.Арыслана. Газели же Р.Гаташа автор рассматривает в общем плане, не обращая особого внимания на поэтические свойства жанра⁷.

В материалах, предназначенных для Тукаевской энциклопедии, Х.Миннегулов упоминает 15 стихотворений Г.Тукая, написанных в жанре газели. Среди них он выделяет три направления: первое – любовное; второе – социальное, философское, нравственное; третье – сатирическое, юмористическое (исследователь классифицирует их как стилизацию). Также отмечается, что газели Тукая могли иметь количество строф от восьми до четырнадцати.

Х.Миннегулов обращался и к творчеству Ш.Заки (1825–1865), особо

подчеркивая, что значительную часть его поэтического наследия составляют газели (40 процентов от общего количества стихов). Заметим, что, опираясь на мнение односельчанина Ш.Заки Зиннатуллы Мухамметрахима, исследователь включил в приведенные показатели и другие стихи поэта, в частности, мунаджаты; также ученый обращает внимание на тот факт, что многие газели поэта написаны характерным для аруза размером рамаль⁸.

При изучении жанра газели особо следует отметить труд Р.Ганиевой «Поэт-пророк эпохи», посвященный творчеству Р.Гаташа, к изучению которого ученый подходит с позиции выявления поэтических традиций Запада и Востока. Она пишет: «*Имеющие универсальное звучание любовные песни Р.Гаташа напоминают свободные газели великих лириков персидской и азербайджанской литератур Хафиза и Насими*». Р.Ганиева с высокой степенью научной аргументированности говорит о новаторстве Р.Гаташа, который, отказавшись от традиционных любовно-жертвенных мотивов, от какой-либо подражательности вообще (назира), обратился к интертекстуальности⁹.

В знаменитом труде Востока «Кабус-намэ» (глава 35, в переводе К.Насыйри) упоминается: «*Если же слагаешь газель и песню, говори попроще, и поизящнее, и с легкими рифмами, холодной и странной игры словами не применяй, а говори наподобие влюбленных изящными словами и применяй приятные образы, чтобы это нравилось и знатным, и простым*»¹⁰.

Известный ученый Н.Юзиев тоже основывается на учении К.Насыйри, при этом выделяет такие поэтические особенности жанра газели, как благозвучность, мелодичность, гармоничность. Ученый, в отличие от других исследователей, особое внимание

обращает на однозвучную рифму, идущую через строку, называя ее «газельной рифмой» (газели рифма)¹¹. А «Литературоведческий словарь» жанр газели характеризует как *«специфическую разновидность восточной поэзии, требующую применения особого строя поэтической философии, пышной метафоричности, условной гиперболы и пр.»*¹².

Таким образом, мы можем предположить, что читатель, вероятнее всего, столкнется именно с подобного рода теоретической информацией, посвященной жанру газели. Кроме того, размышления о поэзии Востока можно найти в трудах В.М. Жирмунского, А.М. Щербака, М. Хамраева, И.В. Стеблева, К.Е. Бертельса и других ученых.

Изучение развития жанра газели в татарской литературе последних лет связано в основном с творчеством трех поэтов – Ради́фа Гата́ша, Мухаммада Мирзы и Флеры Тархановой. Конечно, отдельные газели можно встретить и у Р.Хариса, Р.Файзуллина и у других поэтов, однако в их творческих мирах обращение к жанру газели не носит характер системного явления. Творчеству Р.Гаташа посвящены многочисленные труды Х.Миннегулова, следует отметить и фундаментальные работы Р.Ганиевой, имеющие высокую степень научной обоснованности. Исходя из вышесказанного мы полагаем, что обозначенное направление может быть продолжено лишь в случае появления новых газелей Р.Гаташа или же оно должно обогатиться новым вектором, приняв характер сравнительных исследований. В рамках изложенного литературоведческого дискурса нами было начато сравнительное изучение газелей Р.Гаташа и М.Мирзы. Однако газели и Ф.Тархановой до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Данная работа была создана именно в

целях заполнения названной лакуны. Наша цель – выявить то новое, что привнесла в татарскую литературу Ф.Тарханова своими стихами в жанре газели, попытаться определить место, которое эти стихи заняли в литературной иерархии.

Большая часть газелей поэтессы была написана в 2003 г. Правда, первая ее газель датирована 1993 г., отдельные произведения в этом жанре появлялись и в 2006–2007 гг.¹³. Интересно отметить, что первые ее поэтические опыты были выполнены в форме стилизации под газели – еще в 1982 г. Одна из подобного рода газелей – «Сколько я просила у Бога...» («Мин Ходайдан күпме үтендем...») – отражает состояние лирической героини, которую жизнь ведет по «тропам, хранящим следы юности», путь этот отмечен ожиданием суженого – состоянием, когда надежда начинает сменяться усталостью. *«Сколько раз молила я Аллаха, и тысячу раз звезды обошла; / Слезами цветы я напоила, но до сих пор тебя я не нашла... // Много было вышедших навстречу, не секрет, без памяти любя. / Среди них не встретила мне ровню, неужели я не найду тебя? (Перевод Ф.Тархановой)*

*Мин Ходайдан күпме үтендем,
йолдызларны урап мең килдем.
Күз яшемне гөлгә эчердем –
тиңем мине күрми микәнни?
Юлларыма чыккан күп лә ул,
шашып сөйгәннәр дә сер түгел.
Тик канатым һаман ул түгел –
үз насыйбым килмәс микәнни?*

Для большинства газелей Ф. Тархановой характерна вопросительная интонация в риторическом плане. Бесспорно, и газели Р.Гаташа привлекают внимание распространенностью вопросительной интонации. В свое время Р.Файзуллин так говорил о его стихах: *«Еще один момент, который хотелось бы отметить: в книге очень много восклицаний, а особенно вопро-*

сов. *Должен же мужчина на большинство вопросов отвечать самостоятельно!*» (1978). У М.Мирзы же вопросительная интонация встречается достаточно редко, обычно в контексте стихотворений социально-философского содержания. Вопросы у него не носят конкретного характера, имея риторическую направленность.

Между газелями Ф.Тархановой и Р.Гаташа наблюдается множество схожих черт. Однако способы формирования «вопросительного» дискурса их стихотворений отличаются: Р.Гаташ использует либо вопросительные аффиксы, либо внутреннюю интонацию, в то время как Ф.Тарханова отдает предпочтение вопросительным частицам, кроме того, поэтесса часто к вопросительным местоимениям добавляет вопросительные аффиксы. Газель «Сколько я просила у Бога...» («*Мин Ходайдан кўпме ўтендем...*»), как и некоторые другие ее газели, основывается на рифме с вопросительными частицами. «*О Гульчечка! От бурных чувств радуется ли душа? / А в твоём журчащем ключе бывает ли «засуха?»*» (Перевод Ф.Тархановой)

*И Гёлчэчкэ, ташкын хистэн
кўңелләрең туламы? –
Синең дә челтер чиммәңдә
су кипкән чак буламы?*

Газелям Ф.Тархановой в определенной степени присущи жанровые особенности мунаджатов – стихов религиозно-интимного характера. Однако такого рода ее стихотворения не содержат слов мольбы к Всевышнему или его восхвалений, нет в них и доминирования религиозного содержания. И все же нет оснований говорить о некой редуцированности религиозной тематики в газелях поэтессы, в них религиозное содержание перекликается с мотивом судьбы. Реальность лирического героя произведений Ф.Тархановой однопланова, он не склонен к философствованиям,

принимает факты такими, какие они есть. Тем не менее в стихотворениях поэтессы можно часто встретить обращения к Богу, однако в них нельзя увидеть борьбы за счастье, лирический герой покорно ожидает своей участи подобно суфийскому учению. Кроме того, сюда добавляются и чисто женские черты – желание хорошо одеваться, забота о красоте лица и тела.

В содержании группы произведений автора прослеживается момент автокоммуникации, нельзя не почувствовать и трагического, печального начала, мотива разлуки. На этом сходство данных газелей с мунаджатами и заканчивается. В стихотворениях Ф.Тархановой всегда присутствуют два субъекта: если один из них – лирическое «Я», то второй – первопричина чувств, волнующих этого «Я». Отличительной чертой первого является то, что каждое его слово исполнено тягой к любви, нежности, которые он требует от объекта изображения. Содержание стихотворений постоянно меняется, в одном месте лирический герой обращается к воспоминаниям о прошлом (предостерегая: «Гульчечка, не обманись!»), в другом – занимается самоутешением, призывая себя к терпению.

Ф.Тарханова, соблюдая традиции газели, в последней строфе своих стихотворений вместо имени автора приводит свое имя как псевдоним в переводной его форме – «Гульчечка» (цветок розы). Также уместно будет отметить, что многие газели поэтессы имеют реди́ф, т.е. одно и то же слово (иногда слова) в конце полустиший. Она, подобно Р.Гаташу и М.Мирзе, в каждом своем стихотворении придерживается данного канона. Нельзя не отметить и еще одной особенности творчества Ф.Тархановой: большая часть ее газелей написана 15-сложным размером. Можно отметить и поэти-

ческие строки в 16, 18, даже в 23–24 слога. Именно эта особенность усиливает выразительность, музыкальность ее газелей, иначе говоря, в произведениях Ф.Тархановой находит наиболее полное выражение природа аруза. Подобная специфика стихосложения сближает ее с узбекской поэссой Надирой.

Стихотворения в жанре газели и Р.Гаташ, и М.Мирза пишут 11-сложным метром. Как известно, данный размер характерен не только для силлабической системы стихосложения, но и для тюркского аруза. Взаимопроникновение элементов аруза и классического тюркского стиха отмечал ученый Г.Халил (1915 – 1992). Известный литературовед современности М.Бакиров писал по этому поводу: «Как и в арабо-персидском арузе, в древнем тюркском письменном стихе был широко распространен размер 11–11, и “сходства в области равенства слогов позволили тюркам использовать свой 11-сложный размер для подражания персидским образцам, написанным аналогичным размером, то есть первые тюркские произведения, созданные под персидским влиянием, имели 11-сложную форму”»¹⁴. Здесь ученый продуктивность приведенной поэтической закономерности сводит к соответствию усиленного и музыкального ударений. При обосновании этой гипотезы он лишь добавляет, что квантитативность строится не только на чередовании долгих и кратких слогов. Тем не менее приходится признать, что, хотя наиболее распространенный вариант «современных газелей» у татар основывается на 11-сложном метре, среди исследованных нами форм газели, принадлежащих к классической поэзии Востока, были выявлены 15-, 16-, 17-сложные и т.д. В газелях Р.Гаташа за двумя четырехсложными ритмическими стопами следует трехсложная концевая рит-

мическая стопа. В газелях М.Мирзы сохраняется приведенная последовательность ритмических единиц. Определение же последовательности устойчивых ритмических метров газелей Гульчечки – весьма непростая задача. Разные размеры детерминируют вариативность размещения цезуры в стихотворных строках. Приведем 15-сложную газель, напоминающую народную песню: «На склоненной к воде иве запоет ли соловей? / Есть ли без соловья ива, а без ивы – соловей? // Не сравнивай с березой стан камышовой девоньки – // Разве двигается в жизни стройный ствол березоньки?»

Суга иел-	гән талларга
былбыл килеп	кунамы? –
Тал – былбылсыз,	былбыл талсыз
бу дөнъяда	буламы?
Каен белән	чагыштырма
сылу кызның	гәүдәсен –
Төз үскән ма-	тур кәүсәнең
хәрәкәте	буламы?

Как видно из схемы стиха, газель построена на метре рамале стихотворной системы аруза, которая заканчивается усеченной формой рамала.

Как видим, если во второй части полустиший порядок расположения ритмических членов линейен, то в первой их половине местоположение цезуры меняется. По законам аруза цезура может размещаться и внутри слова, а не только в его конце, как это имеет место быть в силлабике.

Как правило, татарские поэты не следуют всем традициям написания газели. К примеру, лишь в очень немногих газелях Р.Гаташа используется такое стилистическое средство, как радиф. Схожую картину мы можем наблюдать и в творчестве М.Мирзы. Если даже названный элемент поэтического синтаксиса и находит себе место в стихотворении, поэтами не соблюдаются все канонические требования: элемент радифа или употребляется в форме вспомогательного сло-

ва, либо вопросительной частицы, или входит в состав предыдущего предложения, то есть перед повторяющимся словом мысль не заканчивается, поэтому его бывает невозможно обособить запятой. Стихи же Ф.Тархановой свободны от подобного недостатка, в ее газелях радиф используется часто и в соответствии со всеми канонами. В газелях такого рода, которые вышли из-под пера поэтессы, рифмованные слова идут до радифа, следовательно, возникает двойная рифма. *«Твои губы слаще меда, не найти таких, сказал, / Не подпускай к ним больше люда – самому рай в них, сказал. // Вокруг глаз кайма ресниц чудный осокорь сказал. / Не приютит к себе других, они мои теперь, сказал».* (Перевод Ф.Тархановой)

*Иреннәрең балдан татлы –
мондыйлар сирәк, дидең,
Беркемне дә кагылдырма –
үземә кирәк, дидең.
Күзләреңне каймалаган керфегең –
тирәк, дидең,
Сыендырма башкаларны –
үземә кирәк, дидең.*

Здесь мы видим, что характерная для газели рифма «керфегең – тирәк / үземә кирәк», употребляясь перед словом «дидең», восходит к такому элементу поэтического синтаксиса, как радиф. В данной газели цезура имеет четко определенную позицию, неизменно следуя на протяжении всех шести строф за восьмым слогом, что значительно усиливает ритмическое звучание стихотворения.

В газелях Ф.Тархановой сильно развита изобразительность: автор в состоянии сформировать слово-образ из горизонтальных рифм, ориентируясь на его популярность в народе, особенно – в народном песенном творчестве, напевны у нее и сравнения, эпитеты. У Гульчечки часто можно встретить образы, характерные для средневековой суфийской поэзии, среди них

– «соловей, севший на ветку ивы», «птица счастья», «губы слаще меда», «расцветшая роза», «испепеленная любовь» и т.д. Гульчечка не обуздывает свои чувства, пишет про них совершенно открыто, для нее свойственна развитая эмоциональность. Строки ее газелей неизменно выразительны, она стремится к абсолютной поэтической гармонии. В каждой газели поэтессы переживание, звучащее лейтмотивом произведения, ассоциативно переплетается с какой-либо одной рифмой, автор концентрирует внимание на словах, созвучных этой рифме, что позволяет создать ощущение поэтической цельности стихотворения. Таким образом, в произведениях Ф.Тархановой присутствует не только лирическое «Я», но и лирическое «Ты».

Поэтесса формирует строки газели «Не познавшая истинной любви...» («Чын сөюне татымаган...») из 23 слогов. Через каждые 16 слогов оставшиеся слова переносятся на новую строку с некоторым отступом. Отметим, что для газелей, написанных в системе аруза, естественным является деление полустушии на две части (мисраг). В данном случае лишний ритмический член не вредит мелодичности стиха; ни одна из двух синтаксических единиц, заканчивающихся одним и тем же деепричастным аффиксом, не является лишней, образуя градацию, служа усилению авторской мысли.

Обратимся к газели, которая начинается со слов «Десятки лет назад» («Дистәләгән еллар элек»). Стихотворение посвящено описанию переживаний лирического героя, потерявшего ребенка. Если мы остановим свое внимание на рифмах, то увидим, что они звучат следующим образом: *«Однажды летом гнездо с уютом разлилось до конца, / На куски разбилось сердце, почернев мое лицо. // Вместе с ним упал на землю мой единственный птенец, / Кровью залился безвинный,*

ждуший от меня чудес.// О Гульчечка! Каждый день проси терпенья у Тенре, // Повзрослев, твоя надежда всегда поможет тебе». (Перевод Ф.Тархановой)

*Матур жәйдә корган оям
көтмәгәндә таралды –
Бәгырем шартлап ярылды,
ак йөзләрем каралды.
Оям белән килеп төште
кеп-кечкенә кошчыгым –
Кан тамчысы сарган иде миңа
сузган томшыгын.
И Гөлчәккә, һәр көн таңнан
түзем сора Ходайдан,
Әжсере: үскәч кошчыгың ярдам
салыр һәркайдан.*

Окончания полустиший каждой строфы данной газели оказались в состоянии передать всю скорбь убитой горем матери. Автор использует следующие образы: «в ушах моих – стоны, в глазах – мука». Гульчечка через образную систему стихотворения доносит до читателя мысль о нескончаемости своей скорби, описывает смерть ребенка на руках у матери. Рифма в газели обеспечивает цельность передачи чувства, объединяющего строфы 5–6 бейтов. В традиционной газели должна быть выдержана каноническая схема рифмовки, Ф.Тарханова же некоторые газели пишет рифмой, характерной для маснави, когда каждое двустрочие обладает самостоятельной рифмой. Будет правильным воспринимать такие стихи в качестве стилизаций под газели, пусть даже в них сохраняются все остальные традиционные признаки жанра. Одно из таких мелодично звучащих стихотворений было написано еще в 1982 г.

Рифмовка маснави встречается в татарской поэзии часто, стихи такого рода составляли основу творчества А.Синугыла (1935–2004). Видимо, строфа бейта по сердцу тюркскому человеку, в то время как газель, что ни говори, – арабо-персидская форма.

Если перейти к тематическому многообразию творчества Ф.Тархановой, то можно отметить тот факт, что поэтесса не уходит далеко от традиционной тематики газелей. В своих стихах она не обращается к политике, обходит стороной социальный контекст. Единственным исключением служит лишь газель «Считая себя выше...» («Үзеңне өстенгә санап...»), написанная в 2007 г. Данное произведение написано в качестве ответа некоему завистнику, неприязни к которому автор не скрывает, не считая нужным сохранять деликатность.

Ф.Тарханова пробует свои силы и в других жанрах восточной поэзии. В ее творческом багаже имеются восьмистрочные «мусамманы», написанные сложным размером «мустазады», пятистрочные «мухаммасы», четырехстрочные «мураббаги», основанные на своеобразной системе рифмовки «таражжибанды», шестистрочные «мусаддасы», семистрочные «мусаббы», которые нельзя встретить ни у одного другого поэта современности и которые требуют отдельного рассмотрения. И в такого рода своих стихотворениях поэтесса не увлекается сложными метафорами, пишет в народном формате, применяемые изобразительные средства сближают ее произведения с народными песнями. Она не поднимает в своих стихах сложных философских тем, обладая талантом говорить обо всем просто и понятно, но в то же время проникновенно, воздействуя на читателя не логикой, а чувством.

В одном из своих стихотворений поэт Л.Лерон назвал Р.Гаташа «поэтом Любви». После прочтения любовных стихов, газелей Ф.Тархановой хочется назвать ее «поэтессой Любви». На первый взгляд, для женщин представляется естественным писать любовные стихи. У поэта Р.Хариса есть стихотворение «Поэтесса Любви»

(оба слова в словосочетании пишутся с большой буквы!), посвященное С.Сулеймановой (1926–1980). Действительно, сохранились непревзойденные образцы любовной лирики С.Сулеймановой, и в наши дни поэтессы продолжают писать взволнованно, сильно, вдохновенно. Ф.Тарханова не только обогащает это направление с точки зрения содержания и поэтики, она находит поэтическую форму, наиболее точно соответствующую данному содержанию, предлагая читателю произведения любовной лирики в жанре газели. Еще раз заметим, что, во-первых, газель считается эталоном

красоты в иерархии жанровых форм, во-вторых, газель – редкий в наши дни жанр со сложной ритмической системой и рифмовкой.

В жестких условиях современной действительности Ф.Тарханова находит в себе силы обращаться к поэтическим экспериментам, предаваться творческому поиску, писать стихи, которые читают с интересом, – и все это без политики, без столь частого в женской поэзии навязчивого дидактизма, без жалоб на проблемы повседневной жизни. Ее стихи являются перспективным исследовательским материалом для ученых-литературоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мэхмүтов М.И., Хэмзин К.З., Сэйфуллин Г.Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге: Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре / Арабско-татарско-русский словарь заимствований. 1 том. – Казань: Иман, 1993. – 448 с.

² Курбатов Х.Р. Татар шигърь ритмикасы. – Казан, 2004. – 80 б.

³ Надира. Избранные произведения / Махлар-айым Надира.: Х.С.Сулейманов и др. – Т. Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1979. – 128 с.

⁴ Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек /Татарский мир: Толковый словарь. – Казан: Мәгариф, 2007. – 575 б.

⁵ Әдәбият белеме сүзлеге / төз.ред. А.Г.Әхмәдуллин. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1990. – 238 б.

⁶ Әдәбият белеме: Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – 231 б.

⁷ Миннегулов Х. Записи разных лет (Татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи).– Казань: Идел-Пресс, 2010. – 407 с.; Миңнегулов Х.Й. Гасырлар арасында уйланулар.– Казан: Татар.кит.нәшр., 2010. – 319 б.

⁸ Миңнегулов Х.Й. «Дөнъяда сүземез бар...». – Казан: Татар.кит.нәшр., 1999.– 336 б.

⁹ Ганиева Р.К. Заманның шигъри пәйгамбәре / Гаташ Р.К. Сайланма әсәрләр. 3 томда, 3 том / Рәдиф Гаташ; кереш сүз авт. Р.Ганиева. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2009.– 351 б.

¹⁰ Насыйри Каюм. Сайланма әсәрләр 4 томда, 4 том. Кереш мәк. авт. Р.Кадыйров.– Казан: Татар.кит.нәшр., 2006. – 400 б.

¹¹ Юзиев Н.Г. Шигърь гармониясе: Татар шигъре поэтикасы.– Казан: КДУ нәшр., 1972.– 221 б.

¹² Словарь литературоведческих терминов / Елисеев И.А., Полякова Л.Г. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 320 с.

¹³ Тарханова Ф.Г. Язмышлар язылганда: шигърьләр, хикәяләр.– Казан: Татар.кит. нәшр., 2007.– 239 б.; Тарханова Ф.Г. Яшьлек эзем калган сукмаклар: Шигърьләр, жырлар, поэмалар.– Казан: Татар.кит.нәшр., 2005.– 223 б.

¹⁴ Бакиров М.Х. Шигърият дөнъясына сәяхәт: Фольклордан язма шигърияткә күчеш тарихыннан.– Казан: ТГЖ нәшр., 1999.– 238 б.; Халит Гали. Тукай и его современники.– Казань, 1966.

Аннотация

Данная статья раскрывает особенности творческого стиля Ф.Тархановой на примере наиболее характерного для ее поэзии жанра газели. Нами устанавливается связь между стихотворной формой, основанной на традициях восточной поэтики, и содержанием газелей поэтессы. Статью дополняет обзор справочной и научно-теоретической литературы, посвященной истории и теории функционирования газелей в литературной системе.

Ключевые слова: жанр газели, восточная поэзия, стихотворная форма, строфа бейта, любовная лирика, рифма газели.

Summary

This article uncovers distinguishing features of creative style of F.Tarkhanova on a most characteristic for her poetry gazel genre. We establish a relationship between poetic form, based on the traditional poetics of the East, and the content of gazels of the poetess. Article complements review of dictionaries and scientific and theoretical literature on the history and theory of functioning of gazels in the literary system.

Keywords: genre gazels, East poetry, poetic form, verse Beit, amorous lyrics, rhyme gazels.

УДК 324.4

СУБЪЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р.Р. Муртазина, аспирант

Способ принятия конституции нельзя считать чисто техническим вопросом – это вопрос политический, так как он во многом определяет характер конституции. Однако перед тем как принять конституцию, необходимо подготовить ее проект.

В конституциях 20 республик Российской Федерации содержатся нормы о возможности принятия конституции республики Российской Федерации законодательным (представительным) органом республики. Только действующая Конституция Республики Ингушетия предусматривает референдум как единственный способ принятия конституции. Однако далеко не во всех республиках регламентирован порядок создания проекта конституции субъекта Российской Федерации.

Безусловно, субъект создания проекта конституции республики Российской Федерации во многом зависит от субъекта инициативы принятия новой конституции. Именно он заинтересован в подготовке качественного проекта конституции, поскольку во многом от качества проекта зависит его дальнейшая судьба.

Так, при парламентском способе принятия конституции субъект законодательной инициативы, например высшее должностное лицо республики или депутат, не разрабатывает один самостоятельно проект закона. Законами субъектов Российской Федерации может быть предусмотрено,

что подготовка проектов нормативных правовых актов может быть поручена или заказана на договорной основе государственным, научным учреждениям, организациям, отдельным ученым или их коллективам; может быть объявлен также конкурс на лучший проект. Чаще всего проекты законов создаются структурными подразделениями парламента субъекта (рабочими группами, отдельными специалистами).

Стоит отметить, что законодательство Республики Татарстан не содержит законодательных актов, посвященных процессу создания закона и тем более процессу создания конституции республики или закона, изменяющего конституцию. Таковую практику нельзя назвать положительной.

В некоторых республиках для подготовки проектов конституции или законов о внесении изменений в конституцию республики предусмотрено создание специальных конституционных комиссий. Так, например, Закон Республики Хакасия от 26 марта 2003 года № 12 (в редакции от 5 апреля 2011 года) «О Конституционной комиссии Республики Хакасия» предоставляет Конституционной комиссии право подготавливать проекты конституционных законов Республики Хакасия о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Хакасия в соответствии с решениями Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики

Хакасия и Верховного Совета Республики Хакасия. Указанным законом также установлено, что Конституционная комиссия Республики Хакасия формируется в составе двадцати одного человека: по семь представителей от Верховного Совета Республики Хакасия и Правительства Республики Хакасия и по одному представителю от иных субъектов права законодательной инициативы, определенных статьей 86 Конституции Республики Хакасия; заседания Конституционной комиссии Республики Хакасия проводятся ее сопредседателями по мере необходимости, но не реже одного раза в три месяца. Заседание конституционной комиссии Республики Хакасия считается правомочным, если на нем присутствует более двух третей от общего числа ее членов.

Конституционный закон Республики Тыва от 29 октября 2010 года № 31 ВХ-1 «О Конституционной комиссии Республики Тыва» устанавливает порядок образования и деятельности Конституционной комиссии Республики Тыва. Задачами Конституционной комиссии являются разработка проекта новой Конституции Республики Тыва или разработка поправок к главам I и (или) XVI Конституции Республики Тыва. Если вносимые поправки к главам I и (или) XVI Конституции Республики Тыва требуют одновременного внесения поправок в иные главы Конституции Республики Тыва, Конституционная комиссия вправе разработать поправки и в указанные главы Конституции Республики Тыва.

Конституционная комиссия во исполнение стоящих перед ней задач, в том числе:

1) разрабатывает проект новой Конституции Республики Тыва, поправки к главам I, XVI Конституции Республики Тыва и направляет их

на рассмотрение в Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва, в случае взаимного согласия Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва и Правительства Республики Тыва о необходимости разработки проекта новой Конституции Республики Тыва либо поправок к ней;

2) рассматривает предложения, поступившие от субъектов права законодательной инициативы, предусмотренных статьей 108 Конституции Республики Тыва, по вопросам, касающимся проекта новой Конституции Республики Тыва и разработки предложений о принятии поправок к главам I и XVI Конституции Республики Тыва.

В целях совершенствования конституционного законодательства республики по укреплению государственности, совершенствованию системы государственного устройства и развитию местного самоуправления учреждена Конституционная комиссия Республики Саха (Якутия). К задачам этой комиссии, наряду с другими, относятся разработка концепций совершенствования Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) и конституционного законодательства республики¹.

Правом внесения в Народный Хурал предложений по совершенствованию положений Конституции Республики Бурятия обладает Конституционная комиссия при Народном Хурале Республики Бурятия. К задачам этой Комиссии согласно Постановлению Народного Хурала Республики Бурятия от 20 ноября 2000 года № 528-II (ред. от 30.09.2011 г.) «О Положении о Конституционной комиссии при Народном Хурале Республики Бурятия» также относится обеспечение взаимодействия органов государственной власти в Республике Бурятия в процессе разработки, об-

суждения и принятия Конституции Республики Бурятия и поправок к ней, определения общих принципов организации системы органов государственной власти Республики Бурятия и органов местного самоуправления в Республике Бурятия, административно-территориального деления, а также решения других вопросов, связанных с положениями Конституции Республики Бурятия.

На наш взгляд, создание специальной комиссии, рабочей группы по работе над проектом конституции субъекта Российской Федерации или законом, ее изменяющим, и закрепление этой процедуры в республиканских законах или хотя бы в регламенте законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации является положительной тенденцией в укреплении принципа конституционной законности. Оптимально, когда в состав рабочей группы входят предметные специалисты, специалисты в области нормотворческой техники, лингвисты, эксперты, способные осуществить проверку качества подготавливаемого текста (внутреннюю экспертизу). Деятельность подобной комиссии, например, в Республике Татарстан, дважды уже показала положительные результаты работы.

Так, для подготовки изменений и дополнений в Конституцию Татарской ССР Постановлением Верховного Совета Татарской ССР 31 августа 1990 года была образована Конституционная комиссия, в состав которой вошли в том числе М.Ш. Шаймиев – председатель Верховного Совета Татарской ССР (председатель комиссии), прокурор Татарской ССР, председатель Верховного суда, народные депутаты, а также представители научной общественности: Б.Л. Железнов, Ю.С. Решетов, А.А. Рябов. В начале 1992 г.

в печати для всенародного обсуждения был опубликован проект новой Конституции Республики Татарстан, подготовленный Конституционной комиссией. 6 ноября 1992 г. Верховный Совет Республики Татарстан в соответствии с результатами народного голосования (референдума) о государственном статусе Республики Татарстан принял и провозгласил Конституцию Республики Татарстан.

Принятая парламентом 6 ноября 1992 г. Конституция Республики Татарстан, несмотря на многочисленные замечания и претензии со стороны федерального центра, практически в неизменном виде просуществовала до 19 апреля 2002 г.

В 2002 г. текст Конституции был изложен в новой редакции. При этом была соблюдена преемственность и основные ее положения сохранены. Для подготовки проекта Закона о внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан по примеру 1992 г. Постановлением Государственного Совета Республики Татарстан от 20 сентября 2001 г. № 1010 «О Конституционной комиссии Республики Татарстан» была создана Конституционная комиссия, в состав которой вошли в том числе Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев (в качестве Председателя комиссии), Председатель Государственного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшин (в качестве заместителя председателя комиссии), другие высокопоставленные должностные лица, представители научной общественности. Для эффективной работы Конституционной комиссии Республики Татарстан была образована рабочая группа и группа по организационному обеспечению деятельности Конституционной комиссии Республики Татарстан. Конституционная комиссия Республики Татарстан подгото-

вила проект закона к первому чтению за четыре с половиной месяца. Такой подход работы над изменением конституции, когда создается специализированная комиссия, включающая в себя ученых-правоведов, парламентариев, представителей органов исполнительной власти субъектов, взаимодействие при создании проекта конституции (закона, ее изменяющего) с федеральным центром, представляется наиболее приемлемым в условиях федеративного государства. Закрепление такого подхода в Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан или даже в республиканском законе явилось бы дополнительной гарантией защиты Конституции Республики Татарстан.

При принятии конституции субъекта Российской Федерации (или закона о внесении в нее изменений) на республиканском референдуме процесс подготовки такого акта регламентирован еще менее детально.

Референдум как единственный способ принятия республиканской конституции на сегодняшний день предусмотрен только в Ингушетии. Альтернативные варианты принятия республиканской конституции (референдумом и парламентом) содержатся в Конституции Республики Башкортостан. Возможность внесения изменений в конституцию путем референдума (наряду с парламентским способом) предусмотрена, например, в республиках Дагестан, Мордовия, Марий Эл, Удмуртия, Татарстан. При изучении вопроса принятия и изменения конституции республики Российской Федерации на референдуме необходимо прежде всего обратиться к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 16 октября 2012 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской

Федерации». Статья 12 указанного Закона определяет, что на референдум субъекта Российской Федерации могут быть вынесены только вопросы, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации или в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, если указанные вопросы не урегулированы Конституцией Российской Федерации, федеральным законом (пункт 1); конституцией, законом субъекта Российской Федерации могут быть определены вопросы, подлежащие обязательному вынесению на референдум субъекта Российской Федерации (пункт 4); вопросы референдума субъекта Российской Федерации не должны противоречить законодательству Российской Федерации (пункт 6).

Статьей 14 указанного закона установлено, что инициатива проведения референдума в Российской Федерации принадлежит гражданам Российской Федерации, имеющим право на участие в референдуме (пункт 1); федеральным законом инициатива проведения референдума может быть предоставлена иным субъектам (пункт 2); выдвинуть инициативу проведения референдума субъекта Российской Федерации может также избирательное объединение, иное общественное объединение, устав которого предусматривает участие в выборах и (или) референдумах и которое зарегистрировано в порядке, определенном федеральным законом, на уровне, соответствующем уровню референдума, или на более высоком уровне не позднее чем за один год до дня образования инициативной группы по проведению референдума (пункт 3). На сегодняшний день ни один из действующих федеральных законов не содержит указания на иных субъектов, которые вправе инициировать

проведение референдума субъекта Российской Федерации, сделать это могут только граждане субъекта Российской Федерации.

Общие требования к вопросам референдума (то есть в том числе и к проектам конституции и закона о поправках к ней) содержатся в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Так, вопросы референдума не должны ограничивать или отменять общепризнанные права и свободы человека и гражданина, конституционные гарантии реализации таких прав и свобод; вопросы референдума не должны противоречить законодательству Российской Федерации; вопрос референдума должен быть сформулирован таким образом, чтобы исключалась возможность его множественного толкования, то есть на него можно было бы дать только однозначный ответ, а также чтобы исключалась неопределенность правовых последствий принятого на референдуме решения. Соответствие вопросов референдума указанным требованиям проверяет законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке и сроки, которые установлены законом субъекта Российской Федерации (пункт 6 статьи 36). Поскольку инициаторами референдума субъекта Российской Федерации могут выступать только граждане, они и становятся субъектами создания проекта конституции (закона о поправках в нее). При выдвижении на референдум готового проекта конституции (закона о поправках) законодатель (ни федеральный, ни республиканский) не устанавливает, каким требованиям (в том числе с технической стороны) должен

отвечать такой проект. Следовательно, можно сделать вывод о том, что такой проект, во-первых, не должен ограничивать или отменять общепризнанные права и свободы человека и гражданина, конституционные гарантии реализации таких прав и свобод, и, во-вторых, не должен противоречить законодательству Российской Федерации. При этом проект, выносимый на референдум, разрабатывается самими гражданами, которые конечно могут быть в том числе профессиональными юристами, политологами, лингвистами, но не иметь опыта законотворческой деятельности и в силу этого подготовить проект, отвечающий всем предъявляемым требованиям может стать для них непосильной задачей. Однако, безусловно, их идеи и наработки могут иметь рациональное зерно и могут быть вызваны потребностями общества. В таком случае, необходимо создать механизм доведения такого проекта конституции или закона, ее изменяющего, до логического конца путем содействия законодательного (представительного) органа в его подготовке при изъятии такого желания со стороны инициативной группы.

Возможность принятия новой Конституции Конституционным Собранием на сегодняшний день предусмотрена только в Конституции Республики Дагестан. Согласно Закону Республики Дагестан от 23 ноября 2010 г. № 67 «О Конституционном Собрании» проект новой Конституции Республики Дагестан разрабатывается и принимается Конституционным Собранием. Указанным Законом установлены состав Конституционного Собрания, порядок его созыва, срок полномочий, однако процесс подготовки такого проекта и требования, которым он должен отвечать законом не определены.

Подводя небольшой итог, хочется подчеркнуть, что процесс подготовки проекта конституции, на наш взгляд, не в достаточной мере регламентирован в современном законодательстве. При создании проекта конституции субъекта Российской Федерации или проекта закона, которым в нее вносятся изменения, необходимо учитывать все юридические свойства конституции субъекта Российской Федерации, к важнейшим характеристикам проекта конституции республики Российской Федерации необходимо отнести язык и логику текста, стиль, структуру текста. В ходе создания проекта конституции должны анализироваться и учитываться сотни, а порой и тысячи разных правовых норм, научных трудов, различных факторов и обстоятельств. Безусловно, жизнь динамична. Это сказывается на интенсивности нормотворческого процесса, но нужно иметь в виду, что в условиях ограниченных временных возможностей даже рациональная идея, предопределяющая принятие конкретного акта, может быть не реализована на практике, поскольку нормы этого акта будут несовершенны из-за непроработки. Здесь в полной мере справедлива поговорка: семь раз примерь, а один отрежь.

Относительно создания конституции интересно высказывание А.А. Макушина: «Народ не пишет текстов конституции, народ свою конституцию творит. Если бы конституция создавалась только умом, чернилами и бумагой, то, наверное, действительно только бы и оставалось подобрать самые выверенные термины и юридические конструкции, проголосовать за них и ждать, когда этот «феномен» принесет народу полезные плоды. Но такого никогда не произойдет. Хороший текст, удачные юридические конструкции и тщательная предвари-

тельная теоретическая проработка являются важной составляющей частью в работе над конституцией, но главную работу по созданию конституции совершает народ в ходе своего собственного развития».

Однако нельзя отрицать, что конструирование текста проекта конституции является сердцевинной подготовительного этапа. В процессе данной работы формируются будущие правовые нормы, проектируются обязательные правила поведения. При создании конституции нет мелочей, и даже расположение в ней материала может иметь порой такое значение, о котором авторы конституции и не помышляли². При этом авторы проекта конституции должны осознавать, что по этой конституции нужно будет, как выражается профессор Н.В. Витрук, уметь жить³.

Интересными в этой связи представляются следующие правила для осмотрительного конституционного дизайна, предложенные канадским политологом МакВинни:

- конституция должна быть небольшой;
- не пытайтесь решить краткосрочные проблемы;
- конституция должна быть нейтральной в смысле партийности;
- конституция должна писаться юристами;
- умерьте амбиции, если общество разделено;
- не пытайтесь возвести в закон то, что невозможно;
- не делайте конституцию слишком жесткой;
- то, что действует везде, может не работать в вашей стране;
- изменение одного повлияет на другое;
- общество может воспринять только определенные изменения за один раз⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 11 июня 2003 г. ГС № 209-III «О Положении о Конституционной комиссии Республики Саха (Якутия)» // СПС Консультант Плюс.

² *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян // 2-е изд. – М.: РЮИД. – Сашко. – 2000.

³ *Витрук Н. В.* Верность Конституции: монография / Н.В. Витрук // М.: Изд-во РАП. – 2008. – 272 с.

⁴ Цит.по: *Исхакова Г.Т.* Выборы и демократия в Кыргызстане: Конституционный дизайн президентско-парламентских отношений / Г.Т. Исхакова // Бишкек: Бийиктик. – 2003. – С. 107.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос правовой регламентации процесса подготовки проекта конституции республики Российской Федерации и закона о внесении изменений в нее.

Ключевые слова: конституция, конституционный процесс, принятие конституции.

Summary

The article deals with the legal regulation of the process of drafting the constitution of the republic of the Russian Federation and of the law on making changes to it.

Keywords: constitution, constitutional process, the adoption of the constitution.

УДК 34(091)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НЕОКОНЧЕННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

К.В. Рылов, аспирант Академии социального образования

По данным исторического анализа, изучение русского права начинается с таких источников и памятников права, как договоры Руси с Византией X века, Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг., а также Соборное Уложение 1649 г. Исследования в основном были направлены на изучение памятников русского права в целом, а не отдельных правовых институтов¹. При этом основное внимание уделялось не столько правовой природе карательных норм, сколько их политическому обоснованию и достоинствам национальной правовой системы. Институт неоконченного преступления в трудах русских ученых дореволюционного периода по существу остался неисследованным. В юридической литературе о нем имеются лишь отдельные высказывания. Российские историки права при толковании юридических норм правовых памятников чаще используют трактовку уголовно-правовых институтов современных концепций (вместо генетического метода). Особенно наглядно это проявляется при рассмотрении Русской Правды и других нормативно-правовых актов Древней Руси. Так, историк права И.А. Исаев отмечает, что Русская Правда наряду с оконченным преступлением выделяла покушение на преступление, так как в обязательном порядке «наказывался человек, обнаживший меч, но не ударивший»².

Совершенно иначе указанный памятник толковали В.И. Сергеевич, Л.Е. Пресняков, М.В. Владимирский-Буданов, рассматривавшие демонстрацию оружия как оконченное преступление. При этом одни исследователи квалифицировали действия обидчика по-разному: как угрозу, как оскорбление и как угрозу и оскорбление одновременно³.

Системный анализ норм краткой редакции Русской Правды показывает, что ответственность за действие с оружием в руках предусматривалась с учетом различной степени нанесенного повреждения, а степень обиды измерялась в гривнах (от одной гривны до сорока). Сравнительно невысокая санкция за обнажение оружия свидетельствует о том, что действия обидчика не воспринимались как покушение на жизнь или здоровье. То есть обнажение меча без последующего его применения оценивалось как угроза оружием, а не приготовление или покушение на преступление, направленные против жизни или здоровья другого лица. Из приведенного примера следует, что Русской Правде не были известны стадии совершения преступления, а понятие покушения как таковое было чуждо обычному праву славян, поскольку действия лица, причинившего физический либо моральный вред, воспринимались как обида, то есть как оконченное деяние. В результате мы приходим к заключе-

нию, что Русской Правде как источнику обычного права, построенному по казуальному принципу, институт неоконченного преступления был не известен хотя бы потому, что во внимание не принималась субъективная сторона деяния, а значит, и этапы ее реализации в действиях обидчика.

О стадиях преступления, их формах и видах сведения появились значительно позднее. Судебник 1497 г. также не содержит никаких норм, предусматривающих ответственность за неоконченное деяние. Вместе с тем исследователи Судебника усматривают в ст. 9 два вида покушения: покушение на государственную власть и покушение на правопорядок (ст. 71). Но это мнение ничем не подтверждается, т.к. в указанной статье дан только перечень особо опасных для сословного государства лиц, в первую очередь таких, как убийцы представителей господствующего класса, изменники, церковные воры, подстрекатели и организаторы бунтов. И хотя комментаторы текста статей дважды используют термин «покушение», данных, свидетельствующих о том, что деяния, совершенные «крамольниками», признавались в XV веке неоконченными преступлениями, не имеется. Даже «голый умысел» в таких случаях считался окончательным деянием и наказывался смертной казнью. Поэтому можно сделать вывод, что при толковании Судебника понятие «покушение», скорее всего, используется вместо понятия «посягательство», поскольку авторы фактически имеют в виду деяния, направленные против представителей господствующего класса и феодального правопорядка, а не «покушение» в его точном значении. Впоследствии Судебник 1550 г., получивший название «царского», не внес каких-либо норм о неоконченном «лихом деле» и, по справедливому утверждению В.П.

Портного, «по содержанию представляет собой новую редакцию Судебника 1497 г.» В соответствии с правовым мышлением правящего класса феодальной Руси, например, каждое воровское дело, в чем бы оно ни проявлялось, воспринималось как окончательное и сурово каралось. К числу таких деяний закон относил не только окончательные действия, но и такие деяния, которые с точки зрения уголовного права могут быть отнесены к обнаружению умысла, приготовлению либо покушению. Однако такого рода «квалификация» противоречит реалиям феодального права, репрессивная направленность которого исключала саму возможность возникновения и развития правовых институтов, ограничивавших уголовную ответственность, одним из которых является институт неоконченного преступления⁴.

Уложение 1649 г. предусматривало также ответственность за умысел, направленный против здоровья Государя (ст. 86) и умысел на убийство господ (ст. 248). Комментаторы справедливо отмечают, что уложение не предусматривает покушение на жизнь Государя, ибо уже «обнаружение умысла считается преступлением». При этом не ставится вопрос, каким является преступление: окончательным или неоконченным. Очевидно, что зачастую нормативно-правовые акты прошлого трактуются неточно, с существенными искажениями, что не позволяет установить различия в правовом сознании представителей различных эпох. Это делает необъяснимыми и недостаточно понятными уголовно-правовые нормы раннего законодательства, в результате чего наблюдается некоторая непоследовательность нормативных актов.

Изучая далее историю развития отечественного уголовного права, мы отмечаем, что Уложение 1845 г. носит уже иной характер. Здесь доста-

точно определенно сформулированы стадии совершения преступления (в современном праве – это институт неоконченного преступления). Различаются 4 стадии: обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление и «совершившееся» преступление (ст. 8–11). А так называемый «голый умысел», известный российскому законодательству с давних времен, наказывается только в случаях, прямо предусмотренных в законе (наиболее тяжкие государственные преступления). Отметим, что Уложение 1845 г. было последним российским уголовным кодексом, устанавливающим ответственность за обнаружение умысла на совершение преступления. Иллюстрируем: «Применение или приобретение средств для совершения преступления признается лишь приготовлением к оному» (ст. 10). Наказание за приготовление к преступлению следовало только в установленных законом случаях, при условии, если сам характер приготовительных действий не был противозаконным (ст. 118). «Покушением на преступление считается всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение» (ст. 11). А ст. 20 определяла ответственность за разные виды покушения.

Следует также отметить, что Уложение 1845 г. довольно четко для того времени сформулировало институт добровольного отказа от совершения преступления (хотя термин «добровольный отказ» не был сформулирован). По существу он вполне совпадал с аналогичным институтом, содержащимся в Уголовном кодексе России (ст. 16): «Когда учинивший приготовление к преступлению или уже покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершал преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том

случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление» (ст. 119). Таким образом, основные понятия института неоконченного преступления в Уложении 1845 г. были разработаны на достаточном уровне. Разработка в теории уголовного права учения о предварительном преступлении – свидетельство влияния научной мысли на развитие уголовного законодательства. В последующем при изучении этой темы возникает целый ряд актуальных вопросов, таких, как разграничение приготовления и покушения и проблема наказуемости приготовления, понятие состава неоконченного преступления и так называемого усеченного состава преступления и др.

В XX веке теоретическая разработка вопросов предварительной преступной деятельности началась в 1920-е гг.⁵ В Руководящих началах 1919 г. были определены понятия приготовления и покушения, однако в сущности этим действиям не придавалось самостоятельного значения, так как отрицалась необходимость учета стадии осуществления преступного намерения при назначении наказания. По УК РСФСР (1922 г.) наказывалось лишь покушение; приготовление же каралось лишь в том случае, если оно само по себе являлось наказуемым деянием. Основные начала уголовного законодательства СССР (1924 г.) устанавливали ответственность и за приготовление, и за покушение. Тем не менее отдельные авторы придерживались мнения, что приготовление и покушение, по существу, потеряли свое значение, так как степень подготовленности преступления и близость наступления его последствий подлежат свободной оценке суда⁶.

Дискуссионный характер в эти годы носила проблема наказуемости приготовления. Профессор А.А. Пионтковский критически подошел к

оценке положения Основных начал о том, что приготовление всегда влечет за собой уголовное преследование. По его мнению, это противоречило задачам советской уголовной политики. М.С. Строгович считал, что «это вопрос конкретного факта, т.е. если преступление не есть формальное понятие, а социально опасное деяние и если в конкретной стадии действия лица являются социально опасными не только сами по себе, но и по отношению преступной цели, к достижению которой они ведут, тогда необходимо применение соответствующих мер социальной защиты»⁷.

В литературе тех лет также велись споры о том, что представляет собой покушение и в чем его отличие от приготовления. Э.Я. Немировский утверждал, что за основу разграничения приготовления и покушения советское уголовное законодательство берет объективный критерий, то есть характер действий. Отметим, что советские криминалисты всегда придавали большое значение точному установлению степени реализации преступного намерения конкретного виновного лица. А.С. Шляпчиков обратил внимание на то, что в уголовно-правовой литературе того периода все же упускалось из виду реальное значение различия между стадиями преступления для оценки степени опасности лица. При этом автор подчеркивал, что решение вопроса о стадиях преступления не должно базироваться исключительно на опасности личности преступника, в отрыве от совершенных действий. В связи с этим он предлагал исключить уголовную ответственность за приготовление к преступлению в тех случаях, когда оно не составляет самостоятельного деликта⁸.

Обстоятельное теоретическое исследование вопросов предварительной преступной деятельности началось в 1950-е гг. Появляются в печати

фундаментальные исследования проф. Н.Д. Дурманова, Н.Ф. Кузнецовой, И.С. Тишкевича, Н.В. Лясс. Многие теоретические положения и научные выводы имеют важное практическое значение и получили практическое закрепление в Основах уголовного законодательства СССР (1958 г.). В частности, были приняты содержащиеся в монографии Н.Д. Дурманова определения приготовления и покушения. Впервые в уголовно-правовой литературе было выдвинуто положение о том, что основанием уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность является наличие в действиях лица признаков состава неоконченного преступления, то есть состава приготовления или покушения на совершение конкретного, предусмотренного статьями Особенной части Уголовного кодекса преступления⁹.

В период, предшествующий принятию нового уголовного законодательства, на страницах юридической печати активно обсуждались вопросы ответственности за предварительную преступную деятельность. Особенно споры велись по вопросу об ответственности за приготовление. Предлагалось установить наказуемость за приготовление лишь в специально указанных в законе случаях (Н.Д. Дурманов, А.А. Пионтовский, Т.В. Церетели, М.И. Ковалев, Н.В. Лясс). Точка зрения, например, проф. М.А. Чельцова сводилась к тому, что вообще следует исключить уголовную ответственность за приготовление и вернуться к конструкции УК 1933 г., не предусматривающей наказуемости приготовления¹⁰.

Напротив, А.Н. Трайнин и ряд других авторов считали, что действующая в тот период конструкция ответственности за приготовление вполне приемлема и отвечает задачам укрепления социалистической

законности¹¹, что и было воспринято законодателем. В Основах уголовного законодательства 1958 г. установлена наказуемость за приготовление к преступлению во всех случаях.

Однако и после принятия ныне действующего законодательства этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным в связи с периодически возникающими спорными примерами из практики применения данного закона, что требует точности и повышенного внимания работников исполнительного звена при квалификации преступлений и назначении наказания. Особенное внимание в эти годы также привлек вопрос о сущности и условиях добровольного отказа на различных стадиях совершения преступления. Исследованию этой темы

посвящены работы ряда авторов тех лет (К.А. Панько, А.Д. Сафронова). Изучение и обобщение значительного количества уголовных дел позволили этим авторам показать общее количество случаев, при которых имеет место добровольный отказ от совершения преступления по некоторым категориям дел, мотивы, побуждающие к добровольному отказу от доведения до конца, а также особенности добровольного отказа соучастников¹².

Отметим в итоге, что расширение научных методов исследования стадий развития преступной деятельности, а также использование опыта зарубежных стран в этой области помогают углубить научный анализ этого института и дать практике теоретически обоснованные рекомендации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Самоквасов Д.Я.* Курс истории уголовного права. М., 1908. С. 13.

² *Исаев И.А.* История России: Правовые традиции. М., 1995. С. 18.

³ Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3 – М., 1984. – С. 52–53.

⁴ Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. – М., 1985. – С. 270.

⁵ *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Т.1; *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть; *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право; *Васильев-Южин М.И.* Приготовление и покушение на преступление // Вестник Верховного Суда СССР, 1928, № 1.

⁶ *Мокринский С.* Покушение и приготовление в советском праве.

⁷ *Строгович М.С.* Приготовление к преступлению по УК в ред. 1926 г. // «Рабочий суд», 1927, № 10.

⁸ *Шляпочников А.С.* Приготовление и покушение на преступление в советском уголовном праве // «Социалистическая законность». 1937, № 3.

⁹ *Дурманов Н.Д.* Стадии совершения преступления. М., 1969.

¹⁰ *Чельцов М.А.* Спорные вопросы учения о преступлении // «Социалистическая законность». 1947, № 4.

¹¹ *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия // «Социалистическая законность». 1953, № 12.

¹² *Сафронов А.Д.* Добровольный отказ от совершения преступления и деятельное раскаяние преступника. Автореферат канд. дис. М., 1977.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об историческом развитии института неоконченной преступной деятельности. Автором проведен анализ изучения Русского права со времен Древней Руси до советского периода, названы источники отечественного уголовного законодательства. Представлены различные точки зрения известных ученых по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: институт неоконченной преступной деятельности, историческое развитие, становление, анализ изучения русского права, точки зрения известных ученых.

Summary

The article considers the historical development of the institution of unfinished crime action from the famous scientists' view points. Besides the author gives his own analyses of the Russian legal sources of the ancient up to the soviet period.

Keywords: Institute unfinished crime, historical development, formation, analysis of the study of Russian law, viewpoints of well-known scientists.

УДК 349.6

КОРРУПЦИЯ КАК ПРИЧИНА СОВЕРШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

А.А. Сагирова, аспирантка Академии социального образования

Одной из причин совершения экологических преступлений в целом и нарушений в сфере обращения экологически опасных веществ и отходов в частности является высокий уровень коррупции в стране. Коррупция существует постольку, поскольку должностное лицо может распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами путем принятия или непринятия тех или иных решений. В число таких ресурсов могут входить бюджетные средства, государственная или муниципальная собственность, государственные заказы или льготы и т. д. Собирая штрафы, налоги или иные предусмотренные законом платежи, должностное лицо также распоряжается не принадлежащими ему ресурсами: если штраф (сбор) законен, то его собственник – государственная казна, если не законен – то это собственность того лица, которого пытается обобрать должностное лицо.

Известная международная организация Transparency International, специализирующаяся на исследованиях восприятия коррупции в различных странах, пришла к выводу, что уровень коррупции в государстве всегда напрямую связан с состоянием окружающей среды. Коррупция не только ведет к деградации окружающей среды, но и также препятствует поступательному развитию общества и его движению по пути к открытости государственного управления.

В настоящее время приобретают особое значение вопросы, связанные с хранением, переработкой и утилизацией отходов. Все чаще выявляются факты несанкционированного размещения отходов, сверхнормативного загрязнения окружающей среды, отсутствия полигонов и паспортов на опасные виды отходов и так далее. Не ведутся государственные кадастры отходов производства и потребления, захоронений вредных веществ. Фактически отсутствует единая государственная политика в организации обращения с отходами. Поведение должностных лиц, совершивших нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов, находится в плоскости проявлений коррупции (например, дача взятки за положительные заключения экологической экспертизы полигонов утилизации твердых бытовых отходов). Зачастую должностные лица своими действиями создают условия для коррупции.

Тревожная обстановка складывается на полигонах твердых бытовых отходов. Организации, имея лицензии и положительные заключения государственной экологической экспертизы, эксплуатируют полигоны с грубейшими нарушениями природоохранительного законодательства. Предприятия федерального и краевого значения всех форм собственности в массовом масштабе нарушают природоохранное, экологическое законодательство

и нормы «Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов» (СанПиН). К обращению с опасными отходами допускаются лица, не имеющие профессиональной подготовки. Созданные на предприятиях экологические службы, как правило, не способны обеспечить проведение должного производственного контроля в области охраны окружающей среды.

Обратимся к опыту борьбы с коррупцией в этой сфере в наиболее некоррупцированных странах. Так, Сингапурская стратегия борьбы с коррупцией отличается строгостью и последовательностью, основываясь на «логике в контроле за коррупцией»: «Попытки искоренить коррупцию должны основываться на стремлении минимизировать или исключить условия, создающие как стимул, так и возможность склонения личности к совершению коррупцированных действий».

Одним из следствий модернизации Швеции стал комплекс мер, нацеленных на устранение меркантилизма. В стране был открыт доступ к внутренним государственным документам и создана независимая и эффективная система правосудия.

В Европе успешно работают правительственные программы, поддерживающие переработку мусора. Упаковочные и таропроизводящие предприятия перечисляют огромные средства в специальный фонд, который инвестирует переработку мусора. Среди них такие международные корпорации, как Coca-Cola, Pepsi и другие. В России бизнесу (потенциальному производителю мусора) легче заплатить взятки чиновникам на местах, чтобы соответствующий закон не был принят под различными предложениями. Если даже и создается рабочая группа, то она на 95 % состоит из людей, не заинтересованных в подобном законе. Зачастую такие

законы отправляют на доработку на полгода, а там полномочия самой рабочей комиссии уже прекращаются и все начинается заново¹.

В России право граждан на благоприятные условия проживания нарушается повсеместно: и в вопросах уплотнительной застройки, и в вопросах сохранения объектов культурного наследия. Нарушение норм градостроительного законодательства вообще стало для России привычным явлением. Нарушение норм санитарно-эпидемиологического законодательства тоже никого не удивляет. Превышение предельно допустимых уровней шума и вибрации, загрязнение атмосферного воздуха и водоемов, сокращение зеленых зон городов, застройка водоохранных зон – мест общего пользования, а также прочие нарушения норм природопользования – все это неизменные атрибуты нашей повседневной реальности.

Конституцией Российской Федерации установлено право каждого человека на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу людей экологическим правонарушением. Вместе с тем на практике экологические права зачастую нарушаются «заборными» методами – когда игнорирующие закон лица пытаются, например, монополизировать право на благоприятную окружающую среду, возводя ограды вокруг побережий и лесных участков. Предприятия загрязняют воздух, воду, почву, но тем не менее продолжают работать, и запретить их деятельность нельзя, потому что у них есть разрешения. Организации скрывают экологическую информацию, прикрываясь грифами государственной или коммерческой тайны. Алгоритм получения экологической информации остается на сегодняшний день размытым и требует доработки.

В связи с этим считаем необходимым, во-первых, перевести экологическую информацию из виртуальной категории в правовое поле. Первоначально необходимо законодательно закрепить термин «экологическая информация», а также определить правовые основы ее получения и установить исчерпывающий перечень оснований, по которым гражданам может быть отказано в предоставлении сведений о состоянии окружающей среды и воздействии на нее. Это позволит повысить социальную активность людей в решении экологических проблем и наладить работу как минимум двух важных инструментов – общественного экологического контроля и общественной экологической экспертизы.

Еще одной проблемой в этой области является то, что утрачен институт государственной экологической экспертизы. Это порождает строительство в незаконных местах, огромное количество несанкционированных выбросов экологически опасных веществ и отходов.

Одной из причин высокого уровня коррупции в области экологии является несовершенство законодательной базы. В каждом законе заложена масса непрямых и неоднозначно трактуемых норм, множество отсылочных решений. Все это создает коррупционную основу в деятельности чиновников всех рангов. Так, например, особенности выдачи поисковых лицензий и порядок лишения этих лицензий, отнесения водного объекта к «пруду» или «водохранилищу», установление неких пределов по объемам добычи полезных ископаемых и условий для производственной деятельности рыболовецких предприятий – все это решается чиновниками по своему усмотрению. Четких критериев, как надо принимать решения по этим вопросам, в законах нет, как нет и у предприятий права регулировать эти вопросы. Пред-

приятиям трудно получить лицензии, практически невозможно подготовить все требуемые документы. Избыточность администрирования со стороны чиновников и негибкость российского законодательства – все это порождает взяточничество и, как следствие, коррупция становится для предприятий наиболее простой и понятной формой выживания. Поэтому необходимо переходить на более гибкое и прямое законодательное регулирование вопросов природопользования.

Таким образом, основными предпосылками к существованию коррупции в сфере охраны окружающей природной среды являются:

1. Запутанность, нечеткость природоохранного законодательства.

2. Отсутствие нормативно-правовой базы в сфере охраны окружающей среды, учитывающей региональные особенности и состояние природно-территориального комплекса и обеспечивающей прозрачность природоохранной деятельности.

3. Отсутствие открытости и прозрачности системы подготовки и принятия решений, необеспечение участия в ней всех субъектов экологической оценки, с четким определением роли заинтересованных сторон.

4. Низкая оплата труда федеральных и муниципальных служащих природоохранных органов.

5. Перекрестность в полномочиях по экологическому контролю предприятий между федеральными и муниципальными структурами.

6. Низкий уровень экологической культуры и образования сотрудников (в том числе и руководителей) промышленных и муниципальных организаций в области охраны окружающей среды.

7. Низкий уровень экологической и правовой культуры населения России.

8. Отсутствие широкого информирования общественности об эколо-

гических последствиях намечаемой деятельности предприятий на территориях субъектов Российской Федерации.

Основные направления деятельности по противодействию коррупции в сфере охраны окружающей среды заключаются в следующем:

1. Тесное взаимодействие с профильными комитетами и отделами государственной власти в предупреждении правонарушений в области экологии.

2. Ведение разъяснительной работы среди руководителей предприятий

и организаций, должностных лиц об их прямых и функциональных обязанностях в сфере охраны окружающей среды.

3. Ведение разъяснительной работы среди граждан об их конституционных экологических правах и обязанностях.

4. Проведение природоохранной прокуратурой и комитетами, отвечающими за экологическую безопасность, совместных мероприятий с целью выявления незаконных действий в нарушении законодательства и предупреждению коррупционных действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Карпинский Г.* Мусорная коррупция / Г. Карпинский // Интернет-журнал «Новая политика». – 24 сентября 2009.

Аннотация

В этой статье рассматриваются вопросы предупреждения коррупции как одной из основных причин совершения экологических правонарушений.

Ключевые слова: экологические правонарушения; коррупция; право на благоприятную окружающую среду; экологическая информация.

Summary

This article deals with the prevention of corruption as a major cause of the committing environmental offense.

Keywords: environmental offense, corruption, the right to healthy environment, environmental data.

УДК 001.18

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р.Н. Салиева, доктор юридических наук

Во все времена и в любом государстве наука и научная деятельность считались важнейшей сферой познания человеком окружающего мира. История развития цивилизаций свидетельствует о том, что новые знания и их всемерное использование являются основой как материального благополучия, так и высокой культуры общества. Как и в любом государстве, в России наука и научная деятельность являются фундаментом развития всех жизненно важных направлений: экономики, социальной сферы, культуры. Научная деятельность как особый вид познавательной деятельности, результаты которой имеют для общества определяющее значение и способствуют поступательному развитию, нуждается в четкой системной и структурной организации, обеспечивающей ее плодотворное осуществление субъектами (участниками) такой деятельности.

Правовой основой организации научной деятельности в Российской Федерации являются конституционные положения, а также специальные нормативные правовые акты как федерального, так и регионального уровня. В соответствии со статьей 72 Конституции РФ общие вопросы науки наряду с общими вопросами воспитания, образования, культуры находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Основным нормативным

правовым актом, регулирующим отношения между субъектами научной и (или) научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и (или) научно-технической продукции (работ и услуг), в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности является Федеральный закон от 23 августа 1996 г. №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее применяется сокращенное название – Закон № 127-ФЗ)¹. В Законе определены основные понятия (научная (научно-исследовательская) деятельность, научно-техническая деятельность, государственная научно-техническая политика), а также отмечены особенности этой сферы правового регулирования. Во-первых, в статье 7 Закона № 127-ФЗ содержится указание на то, что управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления. Тем самым подчеркивается, что в области осуществления научной (научно-исследовательской) деятельности в связи с ее специфической (социальной значимостью творческим характером, необходимостью широкого обсуждения и экспертной оценки результатов) управление организуется государством наряду с самоуправлением, сложившимся в на-

учных организациях. Во-вторых, в законе отдельно отмечен и творческий характер научной (научно-исследовательской) деятельности. В частности, подчеркнута, что управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется в пределах, не нарушающих свободу научного творчества. В-третьих, в законе признается право на обоснованный риск в научной и (или) научно-технической деятельности и установлены гарантии осуществления такой деятельности (ст.3 Закона № 127-ФЗ).

Поскольку общие вопросы науки находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, соответственно органы государственной власти субъектов в рамках своих полномочий участвуют в реализации единой государственной научно-технической политики Российской Федерации, которая является составной частью социально-экономической политики государства.

Так, в соответствии со статьей 7 Закона № 127-ФЗ органы государственной власти субъектов Российской Федерации:

- утверждают уставы государственных научных организаций субъектов Российской Федерации;

- осуществляют контроль за эффективным использованием и сохранностью предоставленного государственным научным организациям имущества;

- осуществляют другие функции в пределах их полномочий. А в соответствии с п. 3 статьи 12 Федерального закона от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ органы государственной власти субъектов Российской Федерации наряду с правом принятия законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации об осуществлении деятельности указанных органов в научной и (или)

научно-технической сферах и правом принятия и реализации научных, научно-технических и инновационных программ и проектов субъектов Российской Федерации также обладают правом создания государственных научных организаций субъектов Российской Федерации, реорганизации и ликвидации указанных организаций. Данное право на создание государственных научных организаций подкреплено также полномочиями субъектов Российской Федерации в области финансового обеспечения деятельности. В статье 26.3. Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»² определены, в частности, принципы финансового обеспечения осуществления органами государственной власти субъекта полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Так, согласно п.2 ст.26.3 названного выше федерального закона к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, относится решение следующих вопросов в сфере обеспечения деятельности государственных научных организаций:

- материально-технического и финансового обеспечения деятельности государственных учреждений субъекта Российской Федерации, в том числе вопросов оплаты труда работников государственных учреждений субъекта Российской Федерации;

- поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций;

– организации и осуществления региональных научно-технических и инновационных программ и проектов, в том числе научными организациями субъекта Российской Федерации.

Для осуществления указанных полномочий в собственности субъекта Российской Федерации может находиться имущество, необходимое для обеспечения деятельности научных и научно-технических организаций субъектов Российской Федерации³.

Приведенные выше правовые нормы с очевидностью свидетельствуют о том, что в настоящее время имеются правовые основы, которые предоставляют возможность субъектам Российской Федерации принимать законы и иные нормативные правовые акты об осуществлении деятельности органов государственной власти субъектов в научной и (или) научно-технической сферах и создавать свои государственные научные организации в целях организации и осуществления региональных научно-технических и инновационных программ и проектов в рамках единой государственной научно-технической политики.

Как показывает анализ законодательства и правоприменительной практики, в большинстве субъектов Российской Федерации приняты специальные законы о научной (научно-технической) деятельности⁴, об инновационной деятельности⁵, а в отдельных субъектах в 90-е гг. XX века созданы такие государственные научные организации, как академии наук⁶.

В тот период времени академии наук субъектов Российской Федерации были созданы в основном в форме научных учреждений в целях научного обеспечения социально-экономического, духовного и культурного развития субъектов, поддержания и развития фундаментальных и прикладных исследований, сохранения и расширения научного потенциала.

В учредительных документах научных организаций субъектов (академий наук) определено, что они созданы в такой организационно-правовой форме, как государственные научные учреждения, финансовое обеспечение деятельности которых осуществляется за счет средств бюджетов субъектов и иных, не запрещенных законодательством Российской Федерации источников.

Принятие Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»⁷ вызвало необходимость уточнения организационно-правовой формы академии наук субъекта Российской Федерации и полномочий академии в отношении научно-исследовательских институтов, находящихся в составе академий. В частности, возникли вопросы о сохранении в структуре государственной научной организации (академии наук) субъекта Российской Федерации самостоятельных институтов, созданных в организационно-правовой форме государственных бюджетных учреждений, а также о наделении академий наук полномочиями учредителей в отношении научно-исследовательских институтов, входящих в состав академий как самостоятельные юридические лица. Как показал проведенный анализ, для решения этих вопросов необходимо дальнейшее совершенствование законодательства о научной деятельности.

Как было отмечено выше, в п.3 статьи 12 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁸ к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации отнесены право создания государственных на-

учных организаций субъектов Российской Федерации, а также право реорганизации и ликвидации указанных организаций.

Возникает вопрос о том, в какой организационно-правовой форме может быть создана (или в какую форму преобразована) государственная научная организация субъекта Российской Федерации. По действующему законодательству о некоммерческих организациях субъект Российской Федерации в рамках своих полномочий по созданию, реорганизации или ликвидации научных организаций, избрав в соответствии с гражданским законодательством организационно-правовую форму, может создать государственную научную организацию или преобразовать действующую научную организацию, финансируемую соответствующим субъектом Российской Федерации. Представляется, что наиболее соответствующей организационно-правовой формой является такая организационная форма, как государственное бюджетное учреждение, хотя, как показал анализ правовых норм, требуется уточнение отдельных законодательных положений.

Правовое положение государственных бюджетных учреждений определено в ст.120 ГК РФ, а также в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁹ (далее – Закон № 7-ФЗ). В соответствии со статьей 9.2 названного закона № 7-ФЗ бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов)

или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах. При избрании такой организационно-правовой формы и преобразовании государственной научной организации (академии наук) субъекта Российской Федерации в бюджетное государственное учреждение возникает необходимость преобразования институтов, входящих в состав академии наук. В этом случае самостоятельные институты, созданные ранее в форме государственных бюджетных учреждений и входившие в систему организаций академии наук, получают лишь статус структурного подразделения государственного бюджетного учреждения (академии наук). Кроме того, на наш взгляд, изменяется и статус академии наук субъекта Российской Федерации, происходит нивелирование (выравнивание) статуса академии наук, являющейся государственной научной организацией, со статусом государственного бюджетного учреждения, создаваемого для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, в частности, в сфере науки. При этом не учитываются особенности правового положения государственной научной организации, связанные как с организацией и осуществлением региональных научно-технических и инновационных программ и проектов в рамках единой государственной научно-технической политики, так и с осуществлением научной деятельности, которая также имеет, как было отмечено, свои особенности и в сфере организации, и в сфере выполнения (социальная значимость, творческий характер, публичность, сложность оценки

результатов, необходимость экспертизы результатов научно-исследовательской деятельности). Необходимо подчеркнуть, что государственная научная организация как федерального уровня, так и регионального уровня осуществляет непосредственно научно-исследовательскую деятельность. Так, в соответствии со статьей 5 специального Закона № 127-ФЗ научной организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также общественное объединение научных работников, осуществляющие в качестве основной научную и (или) научно-техническую деятельность, подготовку научных работников и действующие в соответствии с учредительными документами научной организации. А согласно ст.2 Закона № 127-ФЗ 10научная (научно-исследовательская) деятельность – это деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе: 11 фундаментальные научные исследования – экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды; 12 прикладные научные исследования – исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач.

В действующем законодательстве учтены особенности правового положения, связанные с осуществлением научно-исследовательской деятельности, и особенности целей научно-исследовательской деятельности государственных научных организаций (государственных академий наук), созданных на федеральном уровне. А особенности правового положения государственных научных организа-

ций субъектов Российской Федерации в специальном Законе № 127-ФЗ не оговорены, образовался пробел в правовом регулировании. Так, особый правовой статус государственных академий наук определен в статье 6 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». В частности, установлено, что государственные академии наук (Российская академия наук, отраслевые академии наук Российской Федерации) наделяются правом на создание, реорганизацию, ликвидацию подведомственных организаций (включая организации научного обслуживания и организации социальной сферы). Однако в отношении государственных научных организаций субъектов Российской Федерации специальные правила об их организационно-правовой форме и полномочиях, связанных с организацией и осуществлением научно-исследовательской деятельности, в действующем законодательстве не закреплены.

Полагаем, что целесообразно было бы закрепить фактически сложившийся особый правовой статус государственных научных организаций (академий наук) субъектов Российской Федерации в законодательстве как федеральном, так и субъектов Российской Федерации. Это обусловлено значением и ролью академий наук в разработке и реализации социально-экономических задач субъектов Российской Федерации, а также особенностями осуществления научно-исследовательской деятельности государственными научными организациями субъектов федерации.

Академии наук (государственные научные организации) субъектов Российской Федерации проводят фундаментальные и прикладные исследования по важнейшим проблемам естественных, технических, гумани-

тарных наук и участвуют в координации научных исследований, выполняемых научными организациями и образовательными учреждениями высшего и профессионального образования, финансируемых за счет средств бюджетов республик, осуществляют координацию с академическими учреждениями Российской Федерации. Кроме того, необходимо учитывать и такую сложившуюся исторически специфику академических организаций, как самоуправление, выборность членов академий, особенности прав и обязанностей научных работников как субъектов научной и научно-технической, в том числе инновационной деятельности. Необходимо принять во внимание и то, что созданы государственные научные организации (академии наук) субъектов на основе собственности субъектов Российской Федерации, которая (собственность) также относится к государственной собственности согласно ч.1 ст.214 ГК РФ¹⁰. Кроме того, как уже выше отмечалось, в соответствии с Конституцией Российской Федерации общие вопросы образования и науки относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что целесообразно было бы закрепить в законе «О науке и государственной научно-технической политике» полномочия субъектов РФ не только по созданию государственных научных организаций, но также и по управлению государственными научными организациями (академиями наук) субъектов Российской Федерации, а также предусмотреть возможность наделения государственных научных организаций субъекта Российской Федерации правом учреждения подведомственных организаций (институтов).

В целом пробел в правовом регулировании преодолим. Гражданский

Кодекс РФ предусматривает возможность закрепления в федеральных законах и иных нормативных правовых актах правила о том, что по специальному поручению от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане. В частности, в пункте 3 статьи 125 ГК РФ установлено, что «в случаях и в порядке, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, по их специальному поручению от их имени могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане». Пункт 3 статьи 9.1 Федерального закона от 12 января 1996г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹¹ также допускает возможность закрепления в специальном законе функций и полномочий учредителя за органами управления или другими лицами. Так, в п.3 ст.9.1 названного закона № 7-ФЗ установлено, что, если иное не установлено федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации, функции и полномочия учредителя в отношении государственного учреждения, созданного Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации, осуществляются соответственно уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Как видим, положения указанной статьи допускают, что в отдельных случаях в специальных законах может быть установлено иное правило о функциях и полномо-

чиях учредителя, в частности, может быть установлено в специальном законе № 127-ФЗ, что функции и полномочия учредителя могут осуществлять особо значимые государственные научные организации (академии наук), в том числе и государственные научные организации субъекта Российской Федерации. В связи с этим целесообразно в специальном законе № 127-ФЗ предусмотреть, что государственные научные организации субъектов Российской Федерации (академии наук) могут быть наделены полномочиями учредителя в отношении бюджетных учреждений, входящих в систему государственной научной организации (академии наук) субъекта Российской Федерации. В этом случае государственные научные организации субъектов сохранят и особый правовой статус, и научные организации (институты), входящие в их систему.

В проекте Закона о внесении изменений и дополнений в ГК РФ государственные академии наук предлагается отнести к некоммерческим унитарным организациям, создаваемым в организационно-правовой форме государственных учреждений (ст.50 Проекта Закона)¹², при этом государственные научные учреждения субъектов Российской Федерации в проекте не названы.

В связи с этим в проекте Закона РФ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в изменениях к статье 50 целесообразно было бы учесть и государственные научные организации (академии наук) субъектов Российской Федерации, т.е. включить положения о том, что к некоммерческим унитарным организациям наряду с государственными академиями наук относятся также государственные на-

учные организации (академии наук) субъектов Российской Федерации.

В целом необходимо отметить следующее:

1. Государственные научные организации, в том числе и государственные научные организации субъектов Российской Федерации, имеют особый правовой статус, связанный с тем, что в области осуществления научной (научно-исследовательской) деятельности в связи с ее спецификой (социальная значимость, творческий характер, необходимость широкого обсуждения и экспертной оценки результатов) управление осуществляется государством наряду с самоуправлением, сложившимся в научных организациях, при этом управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется в пределах, не нарушающих свободу научного творчества. В действующем законодательстве учтены особенности правового положения и целей научно-исследовательской деятельности государственных научных организаций, созданных на федеральном уровне.

2. В действующем законодательстве имеются правовые основы, которые предоставляют возможность субъектам Российской Федерации принимать законы и иные нормативные правовые акты об осуществлении деятельности органов государственной власти субъектов в научной и (или) научно-технической сферах и создавать свои государственные научные организации в целях организации и осуществления региональных научно-технических и инновационных программ и проектов в рамках единой государственной научно-технической политики.

3. Предусмотренное специальным Законом № 127-ФЗ право субъектов Российской Федерации создавать свои государственные научные организации в целях организации и

осуществления региональных научно-технических и инновационных программ и проектов в рамках единой государственной научно-технической политики не может быть реализовано субъектами в полном объеме, т.к. особенности правового положения государственных научных организаций субъектов Российской Федерации в специальном Законе № 127-ФЗ не оговорены.

В связи с этим целесообразно было бы закрепить в законе «О науке и государственной научно-технической политике» (в частности, в ст.12) не только право субъектов Российской Федерации на создание научных организаций, но также определить полномочия субъектов РФ по управлению государственными научными организациями (академиями наук) субъектов Российской Федерации и дополнить в

специальное законодательство положения о том, что государственные научные организации субъектов Российской Федерации могут быть наделены полномочиями учредителя в отношении государственных бюджетных учреждений, входящих в систему государственной научной организации (академии наук) субъекта Российской Федерации.

4. Специфика правового статуса государственных научных организаций субъектов Российской Федерации, видимо, должна быть отражена также в гражданском законодательстве путем внесения дополнений в проект Закона РФ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в частности, в ст.50).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»//Собрание законодательства Российской Федерации от 26 августа 1996 г. № 35, ст. 4137.

² Собрание законодательства Российской Федерации от 18 октября 1999 г. № 42, ст. 5005 (с изменениями и дополнениями).

³ Ст.26.11 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

⁴ Например, Закон РТ от 18 июня 1998 г. № 1661 «О науке и научной деятельности» (с последующими изменениями и дополнениями)//Ведомости Государственного Совета Татарстана, № 7, июль 1998 г.

⁵ Например, Закон РТ от 2 августа 2010 г. № 63-ЗРТ «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана, № 8–9, август – сентябрь 2010 г.

⁶ Так, например, Указом Президента Республики Татарстан 30 сентября 1991 г. (№ УП-138) учреждена Академия наук Республики Татарстан; Указом Президиума Верховного Совета Башкирской ССР от 6 февраля 1991 года № 6-2/51 «Об учреждении Академии наук Башкирской ССР создана Академия наук Республики Башкортостан; Указом Президента РС(Я) от 20 декабря 1993 г. №652 создана Академия наук Республики Саха (Якутия); Распоряжением губернатора Тюменской области от 20 ноября 1997 г. № 736-р создана «Губернская академия».

⁷ Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»// Собрание законодательства Российской Федерации от 10 мая 2010 г. № 19. Ст. 2291.

⁸ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» //Собрание законодательства Российской Федерации от 26 августа 1996 г. № 35, ст. 4137.

⁹ Федеральный закон от 12 января 1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» //Собрание законодательства Российской Федерации от 15 января 1996 г. №3, ст. 145; характеристика правового положения бюджетного учреждения дана также в Методических рекомендациях по определению критериев изменения типа государственных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных учреждений с учетом сферы их деятельности (утв. распоряжением Правительства РФ от 7 сентября 2010 г. № 1505-р)// Собрание законодательства Российской Федерации от 13 сентября 2010 г. № 37 ст. 4776.

¹⁰ О разграничении государственной собственности на федеральную и собственность субъектов федерации см. также Постановление ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность»// Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 16 января 1992 г., № 3.

¹¹ Федеральный закон от 12 января 1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях»//Собрание законодательства Российской Федерации от 15 января 1996 г. № 3, ст. 145.

¹² СПС Консультант Плюс.

Аннотация

В статье анализируется законодательство о науке и научной деятельности, определяются особенности правового положения государственных научных организаций, предлагается отразить в законодательстве специфику правового статуса государственных научных организаций субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: научная (научно-исследовательская) деятельность, государственная научная организация, государственное бюджетное учреждение.

Summary

The article analyses the legislation of science and scientific activity. Peculiarities of the legal status of state scientific organizations are determined. Specialities of legal status of state scientific institutions of subjects of Russian Federation are suggested to be reflected in the legislation.

Keywords: scientific (research) activities, state scientific organization, state budgetary institution.

Р. Хаутала

Рецензия на книгу:

Golden P.B. *Central Asia in World History // The New Oxford World History Series.* – New York; Oxford: Oxford University Press, 2011. – x+178 с.

Книга Питера Б. Голдена «*Центральная Азия в мировой истории*» опубликована в новой Оксфордской серии мировой истории (New Oxford World History), главным новаторским достоинством которой, согласно содержанию предисловия редакторов серии (с. ix-x), является изначальное стремление бросить вызов традиционному и устаревшему, по мнению редакторов, европо- или американоцентрическому представлению мировой истории. Оксфордская серия делится на три основные группы монографий, представляющих историю человечества в хронологическом, тематическом и географическом порядке. Публикация Голдена относится к последней группе монографий, рассматривающих историческое развитие неевропейских регионов земного шара, и содержит компактное описание истории Центральной Азии от палеолита до настоящего времени.

Очевидная краткость содержания книги в отношении к хронологическим и географическим масштабам рассматриваемого аргумента оправдывается намерением автора предоставить понятное для широкого круга читателей пособие по общей истории Центральной Азии, которое, одновременно, могло бы представлять интерес и для исследователей, специализирующихся на отдельных аспектах взаимоотношений евразийских кочевников с окружающими оседлыми культурами. Ценность монографии заключается в способности Голдена описать историю Центральной Азии

в содержательной и небанальной форме, выработанной, согласно утверждению автора, в ходе его 36-летнего преподавания студентам факультета всеобщей истории Ратгерского университета. Академическая ценность книги подчеркивается неизменными указаниями на наиболее спорные историографические вопросы в ходе рассмотрения каждого отдельного исторического периода. Следует также отметить и выгодную методологическую особенность работы, заключающуюся в знакомстве Голдена с русскоязычными исследованиями. С другой стороны, ссылочный аппарат монографии содержит, по большей части, публикации советского периода вместе с редкими упоминаниями современных работ русских исследователей, касающихся, в первую очередь, периода Новейшего времени.

Введение к книге, *Наслоение народов* (A Layering of Peoples, с. 1–8), отличается любопытным отсутствием обоснования со стороны Голдена выбора географического термина «Центральная Азия», по всей вероятности, более понятного для широкого круга читателей в сравнении с нередко употребляемым в англоязычных исследованиях термином «Внутренняя Азия». Голден, однако, косвенно уточняет границы рассматриваемого региона, представляя его окруженным оседлыми цивилизациями Китая, Ирана, Средиземноморья, Европы и России и причисляя тем самым к Центральной Азии степи Восточной Европы и Анатолии. Основной целью *Введе-*

ния является стремление автора познать характер региона, не имеющим, в сравнении с окружающими оседлыми культурами, коренного населения с ясно выраженным и устойчивым этническим, лингвистическим или религиозным идентитетом. Центральная Азия, по словам Голдена, является полем перманентного смещения разнородных групп кочевников, определение этнического состава которых и степени религиозного или лингвистического влияния новых наслоений является одной из самых сложных задач специализированных исследователей.

Первая глава монографии, *Возникновение кочевого образа жизни и оазисных городов-государств* (The Rise of Nomadism and Oasis City-States, с.9–20), затрагивает теоретические проблемы, связанные с объяснением появления феномена кочевого скотоводства в III тысячелетии до н.э., и содержит упоминание наиболее спорных вопросов в исследованиях по доисторическому периоду Центральной Азии. Голден указывает на существование оживленной дискуссии исследователей в отношении идентификации географической области первичного возникновения кочевого скотоводства и причин его относительно быстрого распространения в степях Центральной Азии. Более важным, однако, представляется указание на центральную роль городских центров Мавераннахра и Восточного Туркестана в экономической деятельности кочевников и в оформлении административной структуры их последующих государственных образований. Данные указания и общее содержание книги показывают, что, несмотря на отсутствие конкретных уточнений автора, Голден рассматривает области Средней Азии неким культурно-экономическим ядром всего рассматриваемого региона и представляет главные государственные объединения кочев-

ников подчиненными основной цели налогообложения городских центров Мавераннахра и контролирования их внешних торговых связей.

Название второй главы, *Ранние кочевники: «война – это их главное занятие»* (The Early Nomads: «Warfare Is Their Business», с.21–34), очевидно, выдает намерение Голдена сформулировать основную причину возникновения государственных объединений кочевников, заключающуюся в организации наиболее эффективных инвазий в земледельческие регионы. Однако в своем представлении индо-арийского завоевания современных территорий Ирана в середине II тысячелетия до н.э. Голден подчеркивает необоснованность устаревших предположений о чрезвычайно ожесточенном характере завоеваний и указывает на заключения современных исследователей об относительно мирном характере покорения иранских территорий, которому, скорее, способствовал упадок местных культур, чем чрезмерный воинственный характер самих завоевателей. Следующие далее умозрительные предположения по поводу контакта индо-арийских переселенцев с западносибирским населением, основывающиеся на филологических заключениях, выдают относительную некомпетентность Голдена в вопросе, связанном с попыткой представить финские архаичные морфемы в качестве современных слов финского языка (**parsas* – свинья, вместо *porsas*; **mete* – мёд, вместо *mesi*; с.21).

За описанием религии сарматов и истории державы Хунну следует заслуживающее внимания представление малоизученного Кушанского царства с характерным смешением эллинистических и местных бактрийских влияний (с.31–32). Вторая глава заканчивается констатированием относительной слабости ранних кочевнических государств, не имевших особого влияния на мировую историю;

подготавливая тем самым переход к рассмотрению подробно изученных периодов истории Центральной Азии с характерным изобилием сведений письменных источников.

Третья глава, *Небесные Каганы: Тюрки и их преемники* (Heavenly Qaghans: The Türks and Their Successors, с.35–49), содержит компетентное изложение истории возникновения и последующего распада Тюркского каганата, где рассмотрению невыясненного вопроса о происхождении династии Ашина можно было бы уделить значительно больше внимания (с.37). В общих чертах, однако, содержание главы полностью соответствует ее красноречивому титулу, которое фокусируется на акцентировании исторической роли Тюркского Эля в основании первой трансконтинентальной империи кочевников, способствовавшей интенсификации торговых связей и идеологических взаимообменов между дальневосточным и средиземноморским регионами.

В четвертой главе, *Города Шелкового Пути и прибытие ислама* (The Cities of the Silk Road and the Coming of Islam, с.50–62), и в пятой главе, *Полумесяц над Степью: ислам и тюркские народы* (Crescent over the Steppe: Islam and the Turkic Peoples, с.63–75), Голден концентрируется на анализе последствий арабского завоевания Мавераннахра и дальнейшего укоренения ислама в Восточном Туркестане, связанного с возникновением государства Караханидов. Отдельный интерес представляет указание Голдена на недавно открытые письменные свидетельства торговой деятельности населения согдийских оазисов в домусульманский период (с.50), так же как и замечания автора о необоснованности утверждений некоторых исследователей, склонных связывать появление производства бумаги на Ближнем Востоке непосредственно

с результатами сражения на реке Талас 751 г.: Голден цитирует свежие исследования, свидетельствующие об изобретении бумаги в Китае и ее распространении в более ранний период (с.60).

Особого внимания заслуживает освещение Голденом актуальной проблемы причин исламизации кочевников. Оставляя в стороне возможные спекуляции в отношении влияния политической мотивации на религиозное обращение кочевников Восточного Туркестана, Голден фокусируется на рассмотрении центральной роли суфийских проповедников в приобщении тюркских кочевников к мусульманской религии (с.69). Позже Голден возвращается к данной теме в связи с рассмотрением процессов исламизации Золотой Орды и Чагатайского улуса (с.92), указывая всякий раз на очевидное сходство между ритуальными практиками шаманов и суфиев как на основной фактор, способствовавший безболезненному распространению ислама среди кочевников. Голден подкрепляет свои утверждения традиционными ссылками на советские этнографические исследования по современному шаманизму Киргизии, опуская возможные оправдания использования этнографического материала столь позднего периода (с.93–94) и избегая ссылок на наиболее влиятельные исследования по теме (как, например, часто цитируемой статьи Реувена Амитайа: Sufis and Shamans: Some Remarks on the Islamisation of the Mongols in the Ilkhanate // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 42/1. – Leiden, 1999, с.27–46). В общем, трактовка Голдена серьезной историографической проблемы, продолжающей вызывать оживленную дискуссию в среде исследователей, имеет необоснованно поверхностный характер.

В шестой главе, *Монгольский вихрь* (The Mongol Whirlwind, с.76–90),

Голден иллюстрирует образование и дальнейшую экспансию монгольской империи, уделяя, возможно, недостаточно обоснованно, значительное место пересказу экзотического содержания *Сокровенного сказания монголов* (с.79–82); но останавливается и на упоминании актуальной историографической проблемы определения географических границ улусов, унаследованных сыновьями Чингисхана (с.83). Общей идее книги соответствует констатация интенсификации межкультурных связей на евразийском континенте в монгольский период, с отдельным упоминанием возросшего интереса к изучению обмена кулинарными практиками между родственными культурами Китая, Персии и кочевнического мира (с. 88). Интересно также и указание на возобновление общего интереса к сведениям, содержащимся в отчете францисканца Гийома де Рубрука относительно образа жизни и религии монголов, значительно превосходящим в своей аккуратности информацию Марко Поло (с.88).

Название седьмой главы, *Поздние Чингизиды, Тимур и Тимуридский Ренессанс* (The Later Chinggisids, Temür, and the Timurid Renaissance, с.91– 104), отражает, по словам Голдена (с.98), современную тенденцию сопоставления параллельного культурного расцвета Западной Европы и государства Тимуридов XV ст. как следствие меценатской политики правителей обоих регионов, которой посвящается основная часть главы.

Восьмая глава, *Эпоха пороха и крушение империй* (The Age of Gunpowder and the Crush of Empires, с.105–121), иллюстрирует постепенное падение военного превосходства кочевнического мира в связи с принятием на вооружение огнестрельного оружия граничащими с Центральной Азией державами Сефевидов, Маньчжуров и Московии в течение XVI – XVII

веков. Среди актуальных историографических вопросов, затрагиваемых Голденом, здесь следует указать на, несомненно, интересную переоценку классической парадигмы экономического упадка Центральной Азии в связи с открытием европейцами трансокеанических торговых путей и с общим ухудшением климатических условий внутри евразийского континента. Голден приводит ссылки на свежие работы западных исследователей, свидетельствующих об активной коммерческой деятельности индийских купцов на среднеазиатских рынках и о параллельном росте торговых взаимоотношений между русскими территориями и Персией Сефевидов (с.115–116). Следует, однако, отметить и некоторую шаблонность в освещении предполагаемого «цивилизующего» влияния ламаизма на монголов XVI века (с.110–111), которая могла бы быть значительно дополнена упоминанием актуальных критических исследований по теме (как, например: Atwood С.Р. Buddhism and Popular Ritual in Mongolian Religion: A Reexamination of the Fire Cult // History of Religions. Vol. 36/2. – Chicago, 1996, с.112–139).

Последняя глава, *Проблемы Новейшего времени* (The Problems of Modernity, с. 122–139), представляет убедительное свидетельство повышения интереса западной историографии к проблеме интеграции кочевников в рамках новых империй России и Китая, имеющих определенную актуальность и в настоящее время.

В заключение следует подчеркнуть несомненную ценность новой монографии Голдена, представляющей собой популяризованную версию более серьезной *Кембриджской истории Внутренней Азии* (Di Cosmo N.; Allen F.J.; Golden P.B., eds. The Cambridge History of Inner Asia. – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2009).

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

11 января 2013 г. в большом зале Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное мероприятие, посвященное 70-летию со дня рождения президента АН РТ, академика А.М. Мазгарова.

В мероприятии участвовали Первый заместитель Премьер-министра Республики Татарстан Р.Ф.Муратов, Председатель Государственного Совета РТ Ф.Х.Мухаметшин, президент Академии наук Республики Башкортостан Р.Н.Бахтизин, почетный член АН РТ, академик РАН депутат Федерального Собрания (Москва) М.Ч. Залиханов, председатель Казанского научного центра РАН, академик РАН О.Г.Синяшин, представители министерств, крупных предприятий и организаций республики. На юбилейное торжество приехали гости из Москвы, регионов России и иностранных государств.

Юбилейное торжество, по желанию юбиляра, проходило в формате научной конференции. Тема «Региональные академии наук как новая модель организации науки в Российской Федерации».

Ведущий мероприятия – вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин, поприветствовав собравшихся, назвал основные даты трудовой биографии А.М.Мазгарова. Ведущий отметил, что под руководством Ахмета Мазгаровича Академия наук РТ превратилась в объединяющий центр для исследовательских институтов, вузов, ряда промышленных предприятий, занимающихся проблемами социального и экономического развития нашей республики, историей и культурой татарского народа. Академия наук РТ определила свое место в мировом академическом пространстве. Все эти направления деятельности достойно возглавляет президент Академии наук Татарстана, а своими достижениями и результатами Академия наук РТ во многом обязана поддержке и помощи руководства нашей республики.

Затем слово для поздравления было предоставлено председателю Госсовета РТ Ф.Х.Мухаметшину.

Доклад «Четыре «Э» современности: экономика, энергетика, экология, этнос» сделал директор Института океанологии им.П.П. Ширшова РАН, академик РАН, почетный академик Академии наук РТ Р.И.Нигматулин.

70-летний юбилей – праздник человеческой зрелости и стойкости, мудрости и вечной юности. Это новая точка отсчета в жизни человека, время подведения серьезных итогов. Итоги своей многолетней деятельности А.М.Мазгаров озвучил несколько необычно, сделав доклад на тему с оригинальным названием «Эксперимент длиной в 70 лет». Выступление содержало большое количество интересной информации жизненного и научного характера и сопровождалось подробными слайдами. Ахмет Мазгарович вспомнил поэтапно все свои научные изыскания, начиная с темы кандидатской работы и заканчивая достижениями Волжского научно-исследовательского института углеводородного сырья, руководителем которого он является уже около 30 лет.

Затем слово было предоставлено президенту Академии наук Республики Башкортостан Р.Н.Бахтизину. Сотрудничество с региональными и националь-

ными академиями занимает большое место в деятельности Академии наук Республики Татарстан. Ученые Татарстана давно сотрудничают с башкирскими коллегами, заключен Договор о сотрудничестве двух академий – Татарстана и Башкортостана. Р.Н.Бахтизин выступил на тему «Академия наук Республики Башкортостан: современное состояние и перспективы развития».

Сегодня Академия наук РТ становится все более узнаваемой в мире – в ее составе немало ученых с мировым именем. От имени почетных академиков АН РТ выступил М.Ч.Залиханов, доктор географических наук, профессор, академик РАН, депутат Федерального Собрания (Москва).

Говоря об академической науке Татарстана, всегда имеются в виду две организации – Казанский филиал научного центра РАН, имеющий почти 70-летнюю историю, и Академию наук Республики Татарстан, год назад отметившую 20-летний рубеж. С избранием президентом Академии наук Татарстана Ахмета Мазгаровича контакты российских и татарстанских академиков стали еще крепче и теснее. Об этом говорил в своем выступлении председатель Казанского научного центра РАН, академик РАН О.Г.Синяшин. Он вручил юбиляру Почетную медаль А. Е. и Б. А. Арбузовых.

Поздравить А.М.Мазгарова специально приехал в этот день один из друзей и единомышленников – президент знаменитой немецкой инжиниринговой компании «Lurgi GmbH» («Лурги»), которая специализируется в области проектирования и строительства установок по производству продуктов нефтехимии и топлив господин Энгельманн, который также сказал в адрес юбиляра теплые слова.

О том, что современный ученый может и должен стать важным действующим лицом в реальной экономике, взявшей курс на инновационное развитие, говорил заместитель начальника департамента по добыче газа, газового конденсата, нефти ОАО «Газпром», доктор технических наук Н.А.Гафаров. От имени российских ученых приветствовал профессор Российского университета нефти и газа им. Губкина О.П.Паренаго и др.

В адрес юбиляра пришло огромное количество поздравительных телеграмм, в том числе правительственных. На торжестве были зачитаны некоторые из них.

«Я и мои коллеги из Британского Королевского общества желаем Вам счастливого 70-летнего юбилея! – написал вице-президент Британского Королевского общества, господин Мартин Поляков. – Мы высоко ценим дружественность и поддержку вашей академии»; «Являясь членом научного центра РАН и Совета РАН по координации деятельности региональных отделений, Вы активно участвуете в интеграционной деятельности двух академий» – вице-президент Российской академии наук, академик Г.А.Месяц.

К 70-летию академика А.М.Мазгарова была издана книга «Дорогой создания», в которой собраны воспоминания и статьи друзей, коллег и учеников Ахмета Мазгаровича, отражены основные этапы пути становления и развития видного организатора науки и большого ученого.

* * *

Орден «За заслуги перед Республикой Татарстан» вручил 11 сентября Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов президенту Академии наук Республики Татарстан Ахмету Мазгарову.

Церемония награждения состоялась в Каминном зале Резиденции Президента РТ в Казанском Кремле. В мероприятии приняли участие руководитель

Аппарата Президента РТ Юрий Камалтынов, первый заместитель Премьер-министра РТ Равиль Муратов, председатель Казанского научного центра Российской академии наук Олег Синяшин и другие.

Награда Ахмету Мазгарову вручена за многолетний добросовестный труд на благо Республики Татарстан и в связи с 70-летием. Как отметил Рустам Минниханов, академик Мазгаров долгие годы трудился на научном поприще, сегодня его разработки известны во всем мире. Последние годы Ахмет Мазгаров руководит Академией наук Республики Татарстан, у АН РТ налажены хорошие контакты с научными центрами мирового уровня, проводятся научно-практические конференции и семинары.

С академика Мазгарова можно брать пример, сказал Рустам Минниханов, в 70 лет он ведет научную деятельность, занимается административной работой, передает опыт молодежи.

В свою очередь, Ахмет Мазгаров заявил, что принимает орден «За заслуги перед Республикой Татарстан» как награду всей татарстанской науке, для себя он рассматривает орден в качестве аванса, так как имеет достаточно сил, чтобы продолжить научную и административную деятельность.

* * *

16 января Академию наук Республики Татарстан посетила в рамках двухдневного рабочего визита в Казань делегация Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина. Президент АН РТ Ахмет Мазгаров встретился с ректором ХНУ Вилем Бакировым и проректорами Николаем Азаренковым и Зарифом Назыровым.

На встрече присутствовали вице-президент АН РТ Айрат Абдуллин, советник президента АН РТ Шамиль Чабдаров, директор НИЦСиД Флюра Ильдарханова.

Приветствуя гостей, Ахмет Мазгарович отметил, что у Академии наук Татарстана давние научные связи с Академией наук Украины. Он рассказал гостям о структуре АН РТ и ее президиума, а также познакомил с основными направлениями деятельности Академии наук РТ.

Присутствовавший во время встречи с украинскими гостями академик Шамиль Чабдаров вспомнил те годы, когда интенсивное развитие на Украине радиоэлектроники было важным поводом для поездок и стажировок там казанских ученых и организации совместных исследований. Добрые слова были высказаны в адрес известного харьковского ученого Якова Давидовича Ширмана. Шамиль Мидхатович выразил пожелание возобновить эти контакты.

Директор Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН РТ Флюра Ильдарханова рассказала о своем центре, пятилетие которого отметили в этом году, и о наиболее актуальных направлениях научных изысканий, подарила гостям последние монографии и брошюры, куда вошли результаты социологических исследований НИЦСиД последних лет в области семьи.

Ректор Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина Виль Бакиров сказал в ответном слове: «Академия наук – это сердце любой страны и государства. И очень важное значение имеет симбиоз Академии наук с университетом, который является залогом социально-экономического, политического и культурного развития республики». Подытоживая встречу, Виль Бакиров выразил большую заинтересованность в сотрудничестве с КФУ и АН РТ.

Рассказав о возможностях Академии наук Республики Татарстан, президент АН РТ пригласил гостей на экскурсию по зданию президиума АН РТ.

* * *

21 января в Казанском Кремле Президент Татарстана Рустам Минниханов наградил академика РАН и АН РТ, профессора физики Мэрилендского университета (США) Роальда Сагдеева, который 26 декабря отметил свое 80-летие, орденом «За заслуги перед Республикой Татарстан». В торжественном мероприятии приняли участие президент Академии науки РТ Ахмет Мазгаров, директор Института океанологии РАН Роберт Нигматулин, брат юбиляра – российский химик, академик РАН, доктор химических наук Ренад Сагдеев и другие.

Приветствуя юбиляра, Президент Татарстана отметил, что жизненный путь Роальда Сагдеева начинался с Татарстана. «Всегда вы были вместе с нами, и, хотя находимся далеко друг от друга, мы ощущаем всецелую поддержку вашей семьи, очень плотно работаем с вашим братом», – подчеркнул Рустам Минниханов. «Ваши заслуги в физике, проекты освоения космоса, проекты, связанные с подготовкой ваших учеников, и другие являются примером для подрастающего поколения, для всех нас. Мы искренне гордимся вами и поздравляем вас», – сказал глава республики.

«Для меня это самая ценная награда в жизни, я всегда буду ею гордиться, – отметил Роальд Сагдеев. – Когда мне говорят, что я русский, всегда подчеркиваю, что я татарин». Юбиляр рассказал о том, что в середине 1990-х гг., когда администрация Президента США Билла Клинтона начала расширять НАТО на восток, было создано движение против расширения НАТО. Ответственным секретарем этого движения стала жена Р.Сагдеева Сьюзен Эйзенхауэр. «В одной из дискуссий, которую показывали по телевизору, один из сторонников расширения НАТО сказал: «Сьюзен, ваша позиция понятна, ваш муж русский», на что она ответила: «Нет, он татарин», – сказал юбиляр.

* * *

21 января в актовом зале Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное мероприятие, посвященное 80-летию Роальда Зиннуровича Сагдеева, академика РАН и АН РТ, профессора физики Мэрилендского университета (США). В юбилейном торжестве принимали участие Председатель Государственного Совета Республики Татарстан Фарид Мухаметшин, Первый заместитель Премьер-министра Республики Татарстан Равиль Муратов, президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров, руководители республиканских министерств, представители научного сообщества Татарстана.

Мероприятие началось с выступления президента Академии наук РТ А.М.Мазгарова. «Мы гордимся тем, что физик и общественный деятель с мировым именем по праву принадлежит и научному сообществу Татарстана. Юбилей замечательного ученого – знаменательное событие не только для его соотечественников, он актуален и для международного научного сообщества», – подчеркнул Ахмет Мазгарович. – Роальд Зиннурович Сагдеев является ярким представителем особой плеяды ученых, которые составляют гордость отечественной и мировой физической науки. Он является неотъемлемой частью мировой культурной научной элиты – людей, которые во многом определяют

настоящее и будущее человечества. Но в первую очередь Роальд Сагдеев – ученый, достигший выдающихся результатов в науке».

А.Мазгаров перечислил лишь часть научных достижений, сделанных Р.Сагдеевым: это и вклад в теорию плазмы в дрейфовом приближении, и формулировка класса циклотропных неустойчивостей, и открытие новой моды плазменных волн в неоднородной плазме, и развитие квазилинейной теории турбулентной плазмы, и открытие неустойчивостей параметрического распада, формулировка метода слабой турбулентности. В огромном списке академий, членом которых является юбиляр (Американской академии искусств и наук, Королевского Астрономического общества, Королевской шведской академии, Венгерской академии наук, Чехословацкой академии наук, Национальной академии наук США, Общества Макса Планка, Международной академии астронавтики, Академии наук Ватикана), значится и Академия наук Татарстана, действительным членом которой Роальд Сагдеев является с 1992 г. Ахмет Мазгарович вспомнил слова первого Президента РТ М.Ш.Шаймиева, сказанные 10 лет назад о знаменитом астрофизике: «Сын Татарстана, который принадлежит всему миру».

Президент Академии наук РТ А.Мазгаров вручил Роальду Зиннуровичу Сагдееву Золотую медаль АН РТ №1. Это новая награда, она учреждена президиумом АН РТ. По Положению «Золотая медаль присуждается за выдающиеся научные работы, открытия и изобретения, за заслуги в разработке приоритетных направлений науки и инновационной экономики, в создании научных школ, в воспитании и подготовке научных кадров для Республики Татарстан».

От имени Республики Татарстан поздравил юбиляра Председатель Государственного Совета РТ Ф.Х.Мухаметшин.

Академик РАН и АН РТ Р.З.Сагдеев около 10 лет проработал в Новосибирском Академгородке, затем 15 лет – директором Института космических исследований Российской академии наук. С поздравлениями обратились к юбиляру директор Института океанологии им.П.П. Ширшова РАН, академик РАН и почетный академик Академии наук Татарстана Роберт Искандерович Нигматулин и председатель Казанского научного центра РАН, академик РАН О.Г.Синяшин.

Р.Сагдеев является почетным доктором Казанского федерального университета. От имени университета поздравил астрофизика с 80-летним юбилеем ректор КФУ И.Р.Гафуров.

Роальд Зиннурович Сагдеев – выпускник казанской школы № 19 (кстати, до пятого класса учился вместе с Василием Аксеновым). На юбилейное торжество в Академии наук Татарстана пришли его одноклассники, учителя и ученики правопреемника этой школы. С поздравлением от казанской школы выступила учитель истории Е.А. Никанорова. Был показан видеофильм о школе № 19 времен Сагдеева-Аксенова.

Роальда Зиннуровича Сагдеева с Татарстаном связывают особые – кровные узы. Его отец Зиннур Сагдеев родился в деревне Большие Кармалы Камско-Устьинского района, а мама Фахрия апа – родом из Буинского района. Сейчас Буинская средняя школа носит имя академика Р.З.Сагдеева. Земляки приехали поздравить юбиляра – советник главы администрации Камско-Устьинского муниципального района Ю.А.Ильин и зам. главы Буинского муниципального района М.И.Гайфуллин. Со сцены Академии наук Татарстана было торжественно объявлено, что Роальда Зиннуровича Сагдеева решено сделать почетным гражданином Буинского района.

Торжество завершилось выступлением академика Роальда Зиннуровича Сагдеева. Знаменитый астрофизик сердечно поблагодарил за поздравления в свой адрес, поделился детскими и юношескими воспоминаниями. Буинские девятиклассники Раиль Махмутов (Лицей-интернат для одаренных детей) и Анастасия Майорова (Лицей №2), показавшие особое рвение к физике, получили от выдающегося ученого ноутбуки и книги.

После мероприятия Р.З.Сагдеев дал развернутую пресс-конференцию.

* * *

24 января прошло очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан.

Повестка дня заседания была весьма насыщенной. О работе над Государственной программой Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2023 гг. сделал сообщение вице-президент АН РТ, академик Д.Ш.Сулейманов.

Затем были заслушаны и утверждены Положения академических научно-исследовательских структур Академии наук Татарстана – Центра исламоведческих исследований АН РТ и Института прикладной семиотики АН РТ. Состоялось обсуждение правового статуса Института истории им.Ш.Марджани АН РТ и Института информатики АН РТ.

Об итогах конкурса именных премий АН РТ 2012 г. сообщил членам президиума председатель Комиссии по именованным премиям АН РТ, академик Ф.Г.Хамидуллин.

В категории «Разное» были подняты вопросы: о выдвижении Почетного академика АН РТ, директора Института астрофизики им. Макса Планка, академика РАН Р.А.Сюняева к награждению орденом «За заслуги перед Республикой Татарстан»; о поддержке ходатайства коллектива Казанского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета о присвоении профессору кафедры «Коммерческой деятельности на рынке товаров и услуг», д.т.н. Р.Н.Каратаеву почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан».

* * *

25 января в конференц-зале Академии наук Республики Татарстан состоялось очередное заседание Дискуссионного клуба «Формирование рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан» при Академии наук Республики Татарстан.

С докладом по теме «Анализ последствий вступления России в ВТО» выступил главный специалист научно-инновационного отдела академии А.В.Байгильдеев. После выступления докладчику были заданы вопросы, и состоялось обсуждение по теме доклада.

Следующее заседание Дискуссионного клуба состоится после II Региональной научно-практической конференции «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в регионе», которая планируется 15 февраля 2013 г. в г. Казани в Академии наук РТ.

* * *

Подведены итоги конкурса именных премий АН РТ 2012 г. Президиум Академии наук Республики Татарстан утвердил решения Экспертных комиссий Отделения математики, механики и машиноведения АН РТ, Отделения химии и химической технологии АН РТ, Отделения медицинских и биологических наук АН РТ и присудил премии следующим ученым.

Премия им. Х.М.Муштари

в области математики, механики и технических наук

за работу «Проектирование и эксплуатация промышленных центробежных компрессоров»

– члену-корреспонденту АН РТ, президенту-управляющему директору ОАО «Казанькомпрессормаш» Хисамееву Ибрагиму Габдулхаковичу;

– члену-корреспонденту АН РТ, заведующему кафедрой «Компрессорные машины и установки» КНИТУ (КХТИ) Максимову Валерию Архиповичу (посмертно);

– первому заместителю управляющего директора ОАО «Казанькомпрессормаш», доктору технических наук, заместителю директора по производству ЗАО «НИИтурбокомпрессор им. В.Б.Шнеппа» Баткису Григорию Семеновичу;

– кандидату технических наук, научному консультанту ЗАО «НИИтурбокомпрессор им. В.Б.Шнеппа» Гузельбаеву Яхие Зиннатовичу.

Премия им. Г.Х.Камая

в области химии

– доктору химических наук, профессору КНИТУ (КХТИ) Фридланду Сергею Владимировичу за цикл работ в области химии элементоорганических соединений (в рамках научного направления, начатого Г.Х.Камаем), рекуперации, переработки отходов и очистки сточных вод.

Премия им. А.Д.Адо

в области аллергологии, иммунологии и общей патологии

– доктору медицинских наук, профессору кафедры патологической физиологии КГМУ Миннебаеву Марселю Миргаязовичу за работу «Патофизиология лимфатической системы».

* * *

31 января в конференц-зале Академии наук Республики Татарстан прошло совещание по вопросу подведения итогов работы Центра исламоведческих исследований АН РТ. В совещании принимали участие президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, заместитель руководителя Аппарата Президента РТ – руководитель Департамента Президента РТ по вопросам внутренней политики Александр Терентьев, главный ученый секретарь академии Дания Загидуллина и др.

Руководитель Центра исламоведческих исследований АН РТ Рафик Мухаметшин познакомил собравшихся с концепцией развития Центра и основными направлениями исследований. Состоялось обсуждение стратегии развития Центра, были высказаны некоторые пожелания и рекомендации.

* * *

5 февраля 2013 г. директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана Рафаэль Хакимов назначен вице-президентом АН РТ. В этой должности академик Р.Хакимов будет курировать гуманитарный блок деятельности академии.

* * *

5 февраля 2013 г. в Кабинете Министров Республики Татарстан прошел брифинг, посвященный Дню российской науки.

В брифинге принимали участие президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров, председатель Казанского научного центра Российской академии наук О.Г.Синяшин, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета И.Р.Гафуров, проректор по научной работе Казанского национального исследовательского технологического университета И.Ш.Абдуллин, начальник УНИР Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева Р.Р.Файзуллин.

Открыл брифинг президент АН РТ Ахмет Мазгаров. Он напомнил, что День российской науки учрежден в 1999 г. указом Президента РФ, «следуя историческим традициям и в ознаменование 275-летия со дня основания в России Академии наук» и ежегодно празднуется 8 февраля. Так как именно 8 февраля 1724 г. (28 января по старому стилю) Петр I подписал указ об образовании Императорской академии наук, которая первоначально называлась Академией наук и художеств, в 1925 г. была переименована в Академию наук СССР, а в 1991 г. – в Российскую академию наук. Ахмет Мазгарович отметил, что научные достижения тем значительнее, чем активнее поддерживает науку государство, национальная безопасность любой страны определяется ее научным потенциалом. «Сегодня открытия ученых Республики Татарстан находят свое применение в самых различных сферах: химии, нефтехимии, физике, строительстве, промышленном и оборонном комплексах, сельском хозяйстве – везде, где внедряются передовые технологии», – подчеркнул он.

Президент АН РТ выделил главную проблему развития науки в Татарстане на современном этапе – это необходимость полной интеграции академической, вузовской и прикладной науки с производством. Главный девиз: самая практическая вещь – это фундаментальная наука. В настоящее время в Казани создана мощная приборная база, сосредоточенная в КФУ, КГТУ им. А.Н.Туполева и КГТУ(КХТИ). «Если три года назад мы говорили о недостатках приборной базы как об очень больном вопросе, то сегодня этот вопрос в общих чертах решен. Следующим этапом является интеграция всех звеньев научно-исследовательского процесса и реализация научных разработок – от фундаментальной идеи до прикладных технологий – в промышленном секторе. По сути, фундаментальная наука – это основа технологий в долгосрочной перспективе, технологий, понимаемых в самом широком значении. Если мы сумеем реализовать такую цепочку, то наука и промышленность будут развиваться бурными темпами», – сказал А.М.Мазгаров.

В качестве убедительного примера академик Ахмет Мазгаров рассказал о технологии очистки пропан-пропиленовых фракций ОАО «ТАИФ-НК» от карбонилсульфида, ставшей актуальной в 2013 г. Институтом Академии наук РТ были проведены фундаментальные исследования и разработаны научные основы технологии очистки сжиженных углеводородных газов от карбонилсульфида и в течение 10 дней разработаны практические рекомендации для ТАИФ-НК.

После выступления А.Мазгарова слово было предоставлено председателю КазНЦ РАН О.Синяшину, который рассказал о том, какой вклад в развитие экономики Татарстана делают институты Казанского научного центра РАН. Ректор КФУ И.Р.Гафуров посвятил свое выступление развитию различных

научных направлений университета и перспективам, открывшимся после получения Казанским университетом статуса федерального. О путях интеграции академической, вузовской и прикладной науки с производством говорили на брифинге проректор по научной работе Казанского национального исследовательского технологического университета И.Абдуллин и начальник УНИР Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева Р. Файзуллин.

По завершении брифинга его участники ответили на вопросы присутствовавших представителей республиканских и федеральных СМИ.

* * *

8 февраля 2013 г. Казанский научный центр Российской академии наук и Академия наук Республики Татарстан провели торжественное мероприятие, посвященное Дню российской науки.

Собрание состоялось в конференц-зале КазНЦ РАН. Казанский научный центр РАН посетил Президент Татарстана Р.Минниханов. В мероприятии приняли участие первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Муратов, заместитель Председателя Госсовета РТ Р.Ратникова, мэр Казани И.Метшин, председатель КазНЦ РАН О.Синяшин, вице-президент Академии наук Республики Татарстан А.Абдуллин, ректор КФУ И.Гафуров и другие официальные лица.

Рустам Минниханов ознакомился с деятельностью научных институтов КазНЦ РАН, пообщался с сотрудниками, а также посетил выставку основных научных достижений институтов центра.

Как отметил Рустам Минниханов, с одной стороны, есть ощущение того, что наука в Татарстане развивается, работает много молодых ученых, есть интересные разработки, которые уже практически можно использовать в экономике. С другой – нет тесного контакта с предприятиями, вузами, технопарками. «Мы понимаем, что конкурентоспособность республики зависит от ее образованности и научно-технического потенциала. Нужно идти на шаг впереди конкурента», – считает глава республики.

Рустам Минниханов обратил внимание на то, что для развития всех отраслей экономики – добычи нефти, машиностроения, медицины, биотехнологии и других – нужны новые материалы, новые разработки, подготовленные люди.

«В республике один федеральный и два исследовательских университета, Академия наук Татарстана, у нас прекрасная научная база, специалисты. Это говорит о том, что мы имеем потенциал и серьезные возможности быть одними из лидеров в нашей стране», – считает глава республики.

«Мы определили новое направление – ИТ-технологии. Хотим построить ИТ-город, сделать в Татарстане российский центр ИТ, – отметил Рустам Минниханов. – Конечно, без образованных людей, университетов, нашей науки эти задачи решить нельзя». Для этого, по мнению Президента РТ, нужны хорошая исследовательская база, заказы, условия для размещения лабораторий.

В ходе мероприятия Олег Синяшин попросил поддержки Президента Татарстана в реализации проекта научно-технического корпуса центра и в строительстве дома для молодых ученых и специалистов центра. По словам Рустама Минниханова, он готов оказать поддержку в этих вопросах. «Власть должна оказать максимальную поддержку в лоббировании интересов КазНЦ в масштабах страны, продвижении сюда татарстанских и российских компаний, кото-

рые ищут инновации, – отметил Рустам Минниханов. - Надеюсь, что по итогам встречи распишем некую программу».

Далее состоялось вручение государственных наград Республики Татарстан. За значительный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов, активную научно-педагогическую и общественную деятельность почетное звание «Заслуженный деятель науки РТ» присвоено доктору химических наук, профессору, заведующему лабораторией оптической спектроскопии Института органической и физической химии им.А.Е.Арбузова КазНЦ РАН Валерию Коваленко и доктору химических наук, заслуженному химику РТ, лауреату Государственной премии РТ, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, заместителю президента Академии наук РТ Асхату Гумерову.

Благодарность Президента РТ была объявлена доктору химических наук, профессору, заведующему лабораторией Института органической и физической химии им.А.Е.Арбузова Александру Бурилову; доктору физико-математических наук, профессору, главному научному сотруднику Казанского физико-технического института им.Е.К.Завойского Ильгизу Гарифуллину; доктору химических наук, профессору, заместителю директора по научной работе Казанского института биохимии и биофизики Юрию Зуеву; доктору физико-математических наук, профессору, заместителю директора по научной работе Института механики и машиностроения Ринату Зарипову; а также доктору технических наук, ведущему научному сотруднику Исследовательского центра проблем энергетики Валерию Молочникову.

Председатель КазНЦ РАН Олег Синяшин, в свою очередь, подарил Рустаму Минниханову медаль с барельефами ученых-химиков А.Е.Арбузова и Б.А.Арбузова.

* * *

В рамках краткого рабочего визита в Соединенные Штаты Америки Председатель Государственного Совета РТ, председатель Координационного совета по делам соотечественников при Президенте Татарстана Фарид Мухаметшин принял участие в Международном симпозиуме «Роальд Сагдеев – 80», посвященном юбилею выдающегося татарского ученого. В составе татарстанской делегации – президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, президент Казанского (Приволжского) федерального университета Мякзюм Салахов, представитель Республики Татарстан при Торговом представительстве РФ в США и другие официальные лица.

Форум, объединивший представителей научного сообщества со всего мира, прошел в городе Колледж-Парк штата Мэриленд. Именно здесь, в Мэрилендском университете, Роальд Сагдеев работает на протяжении последних двух десятков лет.

От имени Президента, Государственного Совета и Правительства Татарстана участников симпозиума приветствовал Фарид Мухаметшин. «С большим удовольствием я хочу выполнить почетную миссию – поздравить нашего выдающегося земляка и прославленного юбиляра», – отметил руководитель парламента. Он напомнил, что в январе текущего года в Казани Президент Татарстана вручил доктору Сагдееву высшую государственную награду республики – орден «За заслуги перед Республикой Татарстан».

С Казанью, по словам Фариды Мухаметшина, Роальда Сагдеева объединяют самые теплые духовные узы и тесные научные связи. Авторитет знаменитого

физика в период смены эпох начала 1990-х гг. внес весомый вклад в создание и становление Академии наук Татарстана, интеграцию татарстанских ученых в международное научное сообщество.

«Вы – человек удивительной судьбы, – обратился к юбиляру Фарид Мухаметшин, – наш современник, который смог реализовать свои способности и таланты, собственным трудом и упорством добиться выдающихся результатов на мировом научном олимпе. Заслуживает уважения ваша принципиальная гражданская позиция, активная и инициативная общественная и благотворительная деятельность. От всей души желаю вам крепкого здоровья, творческого долголетия и новых научных успехов и достижений!».

На «полях» симпозиума прошли встречи и переговоры Фариды Мухаметшиной и членов делегации Республики Татарстан с представителями научного сообщества: лауреатами Нобелевских премий и руководителями Мэрилендского университета. Были обсуждены аспекты расширения и укрепления научно-образовательного сотрудничества. Отметим, что в свое время выпускниками Мэрилендского университета были: основоположник линейного программирования Джордж Данциг, сооснователь «Гугл» Сергей Брин, нобелевские лауреаты Херберт Аарон Хауптман и Раймонд Дэвис.

* * *

15 февраля 2013 г. в Академии наук РТ прошла II региональная научно-практическая конференция «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в регионе», организованная Академией наук Республики Татарстан, Казанским (Приволжским) федеральным университетом, Казанским научным центром Российской академии наук.

Мероприятие прошло при участии представителей Государственного Совета РТ, Министерства экономики РТ, Министерства юстиции РТ, Ассоциации предприятий малого и среднего бизнеса РТ, Ассоциации предприятий и предпринимателей РТ, Общества изобретателей и рационализаторов РТ, а также Российской государственной академии интеллектуальной собственности (г.Москва), Саратовского государственного университета, Поволжского государственного технологического университета (г.Йошкар-Ола) и Академии наук Республики Башкортостан.

В работе конференции приняли участие свыше 70 человек, представляющих федеральный и научно-исследовательские университеты, крупные государственные и негосударственные высшие учебные заведения, предприятия РТ, организации и ведомства РТ и РФ, СМИ.

В рамках проведения конференции прошли пленарное заседание и 3 круглых стола по следующим темам:

1. Рынок интеллектуальной собственности в условиях ВТО.
2. Структура, состояние и влияние рынка интеллектуальной собственности на инновационное развитие региона.
3. Модели управления региональным рынком интеллектуальной собственности.

С приветственными словами к участникам конференции выступили:

вице-президент АН РТ, академик АН РТ А.Л.Абдуллин, заместитель министра экономики РТ А.А.Здунов, проректор по инновационной деятельности Казанского (Приволжского) федерального университета, член-корреспондент АН РТ Н.Ф.Кашапов, главный ученый секретарь Казанского научного центра

Российской академии наук Э.В.Шамсутдинов, проректор по научной работе Российской государственной академии интеллектуальной собственности, профессор В.Р.Смирнова.

Участникам мероприятий был предложен проект Резолюции с предложением направить свои замечания по ее содержанию в адрес Оргкомитета до 1 марта т.г. По результатам работы конференции будет издан сборник трудов, доклады в который предложено прислать также до 1 марта т.г.

Для расширения круга участников по обсуждению проблем по формированию и развитию регионального рынка интеллектуальной собственности и повышения качества получаемых научных результатов участники конференции посчитали необходимым запланировать проведение III региональной научно-практической конференции «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в регионе» в феврале 2014 г. на всероссийском уровне.

* * *

21 февраля состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан.

Президент Академии наук РТ А.М. Мазгаров проинформировал членов президиума о предстоящих выборах в Академию наук РТ – о вакансиях и процедурных вопросах. Выборы будут проводиться на Общем собрании АН РТ, которое состоится в мае.

Директор Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова К.М.Миннуллин сделал обстоятельный доклад о достижениях и проблемах старейшего института Академии наук Татарстана, поднял актуальные вопросы деятельности своего научного коллектива.

О принятии под научно-методическое руководство АН РТ ОАО «Нижнекамскнефтехим» сделал сообщение советник президиума АН РТ А.Ш.Зиятдинов. С итогами конкурса стипендий Академии наук РТ познакомил собравшихся председатель Комиссии по проблемам отбора и поддержки талантливой молодежи, академик Н.А.Сахибуллин.

* * *

26 февраля в Академии наук Республики Татарстан была проведена пресс-конференция, посвященная Британско-Российскому Симпозиуму «Горизонты науки - 2013». В пресс-конференции принимали участие вице-президент АН РТ Д.Ш.Сулейманов, начальник отдела по связям с общественностью и СМИ АН РТ Р.В.Даутова, а также координаторы симпозиума Р.А. Гильмуллин и Д.Д.Якубова.

Открыл пресс-конференцию вице-президент АН РТ Д.Ш.Сулейманов, который начал свой рассказ с истории создания Международного симпозиума «Горизонты науки». Он сообщил, что международный симпозиум «Горизонты науки» проводится с 2005 г. по инициативе Британского королевского общества и объединяет выдающихся молодых ученых из всех областей естественных наук для обмена новыми идеями, налаживания сотрудничества. Также он отметил, что всего состоялось 12 таких конференций в разных странах мира: США, Германии, Китае, Голландии, Индии, Бразилии, Австралии и Японии. В этом году честь проведения симпозиума получила Россия.

Вице-президент АН РТ рассказал, что Британское Королевское общество – национальная Академия наук в Великобритании – является самоуправлен-

ческим объединением большинства выдающихся ученых в мире, привлеченных из различных областей науки. В нем состояли и состоят много всемирно известных ученых. Так, Россию представлял в свое время выдающийся химик Д.Менделеев, который в то же время не являлся членом Российской академии наук.

После выступления Джавдета Шевкетовича слово было предоставлено координатору симпозиума «Горизонты науки – 2013» Д.Якубовой, которая рассказала об основных этапах организации проекта. Она сообщила о том, что 26 мая 2012 г. в Академии наук РТ состоялось первое заседание Оргкомитета Британско-Российского симпозиума «Горизонты науки - 2013», которое носило расширенный характер. Диляра Джавдетовна отметила, что в нем участвовали представители Британского Королевского общества, приехавшие в Казань для переговоров о предстоящем мероприятии, – вице-президент по международным вопросам, профессор Мартин Поляков, старший советник по политике госпожа Рут Купер и сотрудник Королевского общества госпожа Хелен Джонс, которая отвечает за финансовую реализацию данного проекта. Татарстанскую сторону представляла большая делегация представителей руководства Академии наук РТ во главе с президентом академии А.М.Мазгаровым, а также члены молодежного оргкомитета симпозиума. 26 сентября 2012 г. прошла видеоконференция оргкомитета симпозиума «Горизонты науки – 2013», на которой организаторы обсудили и выбрали направления работы секций: астрономия, биология, геология, информационные технологии, микробиология, нейробиология, физика, химия. Диляра Джавдетовна рассказала о том, что результатом видеоконференции стал окончательный выбор наиболее актуальных и интересных тем, которые будут обсуждаться на сессиях предстоящего симпозиума. По предложению казанской стороны впервые за историю симпозиума в программу включена секция «Информационные технологии».

Далее выступил другой координатор симпозиума, Р.А. Гильмуллин. Он сообщил, что участниками «Горизонты науки – 2013» являются более шестидесяти ученых, которые отбирались в двустороннем формате: 50% ученых – представители Великобритании, 50% – ученые из различных городов Российской Федерации.

Особенностью симпозиума является возрастное ограничение для членов оргкомитета и участников: они не должны быть старше 45 лет и не иметь более 20 лет опыта работы после защиты кандидатской диссертации. Он отметил, что более десяти участников симпозиума являются учеными из различных вузов Казани. Остальные же участники – ученые из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Новосибирска и других городов Российской Федерации. Рабочий язык конференции – английский.

По завершении пресс-конференции ее участники ответили на вопросы присутствовавших представителей республиканских и федеральных СМИ.

*Подготовил Отдел по связям
с общественностью и СМИ АН РТ*

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.

- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.

- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.

- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).

- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченом вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: ant@ Rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!